

ISSN 2658-7041

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

ISSUES OF ETHNOPOLITICS

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

4
2019

ISSUES OF ETHNOPOLITICS
Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year

Founder and Publisher –
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Journal “ISSUES OF ETHNOPOLITICS” is included in the Russian
Science Citation Index

Objectives and field of study

“Issues of Ethnopolitics” is a peer-reviewed journal dedicated to current theoretical and scientific-practical problems of ethnopolitics. The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research in the field of the study of ethnopolitical and ethnocultural processes. The main focus of the publication is scientific articles devoted to research in the field of ethnopolitology and ethnosociology, nation-building, political linguistics, ethnoconflictology, migration processes, and ethnocultural diversity of Russia. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of a complex of theoretical, scientific and practical problems of the implementation of the state national policy. The journal accepts original articles for publication, comprehensive studies of Russian and foreign authors, previously unpublished research reports.

ISSUES OF ETHNIPOLITICS is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 23.11.2018, reg. No. FS77-74388

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

Tel: + 7(495)250-67-44

E-mail: ethnopolitics@rggu.ru

Website: <http://ethnopolitics-journal.ru>

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал «ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Цели и область

«Вопросы этнополитики» – рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам этнополитики. Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований в области изучения этнополитических и этнокультурных процессов. Основная направленность издания – научные статьи, посвященные исследованиям в области этнополитологии и этносоциологии, нациестроительства, политической лингвистики, этноконфликтологии, миграционных процессов, этнокультурного многообразия России. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем реализации государственной национальной политики. Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 23.11.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77–74388 от 23.11.2018

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: + 7(495)250-67-44

Электронная почта: ethnopolitics@rggu.ru

Сайт: <http://ethnopolitics-journal.ru>

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

M.A. Omarov, Dr. of Sci. (Politics), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.M. Gadzhimuradova, Cand. of Sci. (Politics), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

A.I. Masalovich, Cand. of Sci. (Physics and Mathematics), Inforus Consortium, Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

O.Y. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

E.N. Chernysheva, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

Editorial Council

M.M. Magomedov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Staff of the Presidential Executive Office, Moscow, Russian Federation

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

O.V. Melnichenko, Cand. of Sci. (History), Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Government and Northern Affairs, Moscow, Russian Federation

I.I. Gilmutdinov, State Duma Committee on Issues of Nationalities, Moscow, Russian Federation

T.V. Vagina, National Policy Department of the Internal Politics Office of Russian President Administration, Moscow, Russian Federation

V.I. Suchkov, Moscow city Committee on Interregional Relations and Nationalities Policy, Moscow, Russian Federation

V.A. Avksentev, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Federal Research Center "Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Rostov-na-Donu, Russian Federation

V.A. Achkasov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

A.G. Bolshakov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

L.M. Drobizheva, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.Y. Zorin*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.I. Kovalenko*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- M.Y. Martynova*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.A. Mikhailov*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
- N.M. Mukharyamov*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation
- O.V. Pavlenko*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- Y.P. Shabaev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of Komi Language, Literature and History, Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation
- O.F. Shabrov*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Executive editor:

O.Y. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

М.А. Омаров, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.М. Гаджимурадова, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (ответственный секретарь)

А.И. Масалович, кандидат физико-математических наук, Консорциум «Инфорус», Москва, Российская Федерация (первый заместитель главного редактора)

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Е.Н. Чернышева, кандидат философских наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Редакционный совет

М.М. Магомедов, доктор экономических наук, профессор, Администрация Президента РФ, Москва, Российская Федерация

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Мельниченко, кандидат исторических наук, Совет Федерации ФС РФ по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, Москва, Российская Федерация

И.И. Гильмутдинов, Государственная Дума ФС РФ по делам национальностей, Москва, Российская Федерация

Т.В. Вагина, Управление Президента РФ по внутренней политике, Москва, Российская Федерация

В.И. Сучков, Департамент национальной политики и межрегиональных связей, Москва, Российская Федерация

В.А. Авксентьев, доктор философских наук, профессор, Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В.А. Ачкасов, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

А.Г. Большаков, доктор политических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Российская Федерация

- Л.М. Дробижева*, доктор исторических наук, профессор, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
- В.Ю. Зорин*, доктор политических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.И. Коваленко*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ю. Мартынова*, доктор исторических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.А. Михайлов*, доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация
- Н.М. Мухарямов*, доктор политических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет (КГЭУ), Казань, Российская Федерация
- О.В. Павленко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.П. Шабаетов*, доктор исторических наук, профессор, Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Российская Федерация
- О.Ф. Шабров*, доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск:

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент (РГГУ)

Содержание

Нациестроительство

- Ачкасов В.А.*
Почему распался Советский Союз
(роль политизированной этничности) 10

Трудовая миграция

- Потапенкова И.В., Ярмонова Е.Н.*
К вопросу о формировании механизмов
организованного набора трудовых мигрантов
в Российской Федерации 31

Этноконфликтология

- Андреев А.А.*
Причины этнополитических конфликтов
на постсоветском пространстве, или Долгая дискуссия в 30 лет ... 40
- Арония Ф.С.*
Факторы возникновения межэтнических конфликтов
и механизмы урегулирования (на материалах г. Москвы) 60

Политическая лингвистика

- Мальцева А.А., Монахов И.А.*
К вопросу о законодательном обеспечении языковой
и образовательной политики в части поддержки сохранения
и изучения родных языков народов Российской Федерации 70
- Ольховская А.И.*
К вопросу о государственной экспертизе словарей 83
- Хмелевский М.С., Раина О.В., Тоичкина А.В.*
Современная языковая политика на Украине:
законодательство и реальная действительность
(результаты полевых исследований) 98

Международная этнополитика

- Абалян А.И.*
Влияние этнокультурных факторов на формирование
миграционной политики Японии 120
- Потапова А.А.*
Программы привлечения иностранных работников
для занятости в сельском хозяйстве в США и Канаде 127

Contents

Nation building

- Achkasov V.A.*
Why did the Soviet Union collapse
(the role of politicized ethnicity) 10

Labor migration

- Potapenkova I.V., Yarmonova E.N.*
On the issue of the formation of mechanisms
for the organized recruitment of migrant workers
in the Russian Federation 31

Ethnoconflictology

- Andreev A.A.*
Causes of ethno-political conflicts in the post-Soviet space
or a long discussion in 30 years 40
- Aronia F.S.*
Factors of origin of interethnic conflicts and mechanisms
of its regulation (Moscow experience) 60

Political Linguistics

- Maltseva A. A., Monakhov I. A.*
On the issue of the legislative provision of language
and educational policy in support of the preservation
and study of native languages of the peoples
of the Russian Federation 70
- Olkhovskaya A.I.*
On the issue of state expertise of dictionaries 83
- Khmelevskii M.S., Raina O.V., Toichkina A.V.*
Modern language policy in Ukraine: legislation and reality
(field research results) 98

International Ethnopolitics

- Abalian A.I.*
An influence of ethno-cultural factors on the formation
of migration policy in Japan 120
- Potapova A.A.*
Employment programs for foreign workers in agriculture
of the United States and Canada 127

УДК 323.1

DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-10-30

Почему распался Советский Союз (роль политизированной этничности)

В.А. Ачкасов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, val-achkasov@yandex.ru*

Кто не жалеет о распаде Советского Союза,
у того нет сердца, но у тех, кто жалеет его
восстановления, нет разума.

В.В. Путин

Аннотация. В статье констатируется, что вопрос «почему распался Советский Союз?» продолжает оставаться предметом острой крайне идеологизированной дискуссии уже на протяжении более чем четверти века. Российские и зарубежные исследователи предлагают различные варианты ответа на этот вопрос. Автор статьи считает, что не межнациональные противоречия и конфликты стали причиной гибели страны. Однако признает, что в советскую «национальную политику» было заложено глубокое противоречие: преследуя стратегическую цель стирания «национальных» различий и добившись в этом определенных успехов, она в то же время институализировала этничность, ускоряла процессы становления национального самосознания и тем самым подготавливала переход к суверенному национально-государственному строительству. А относительно бескровный характер падения советского строя объясняется, в частности, тем, что русский этнический национализм еще не стал к началу 1990-х гг. политически значимой силой.

Ключевые слова: политизированная этничность, Советский Союз, национальная политика, этнонации, позитивная дискриминация, этнонационализм

Для цитирования: Ачкасов В.А. Почему распался Советский Союз (роль политизированной этничности) // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 10–30. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-10-30

Why did the Soviet Union collapse (the role of politicized ethnicity)

Valerii A. Achkasov

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
val-achkasov@yandex.ru*

Abstract. The article states that the question “Why did the Soviet Union collapse?” continue to be the subject of a highly id-made debate for more than a quarter of a century. Russian and foreign researchers offer different answers to this question. The author of the article believes that it was not inter-ethnic contradictions and conflicts that caused the country’s death. However, he admits that there was a deep contradiction in the Soviet “national policy”: pursuing the strategic goal of erasing “national” differences, and having achieved certain successes in this, it, at the same time, institutionalized ethnicity, accelerated the process of becoming a national identity and thus prepared the transition to sovereign nation-state construction. And the relatively bloodless nature of the fall of the Soviet system is explained, in particular, by the fact that Russian ethnic nationalism has not yet become by the early 1990s politically significant force.

Keywords: politicized ethnicity, Soviet Union, national politics, ethnonation, positive discrimination, ethno-nationalism

For citation: Achkasov, V.A. (2019), “Why did the Soviet Union collapse (the role of politicized ethnicity)”, *Journal of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 10–30, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-10-30

Как свидетельствуют социологические опросы, многие россияне и сегодня испытывают ностальгию по могучему Советскому Союзу и дают в целом позитивную оценку советского опыта, тем более что они получили травматический опыт «лихих девяностых», которые теперь маркируются как период хаоса и разрушения. Поэтому для них распад СССР – это действительно «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века» (В.В. Путин). Именно поэтому вопрос: «Почему распался Советский Союз?» продолжает оставаться предметом острой крайне идеологизированной дискуссии в нашей стране уже на протяжении более чем четверти века.

Так, преимущественно левыми исследователями дается, как правило, следующая трактовка причин «демонтажа» СССР: «...совершенно неожиданно для авторов перестройки главной опасностью стали межнациональные отношения. Именно они взорвали СССР как союзное государство. И в условиях шока от этого взрыва на всем постсоветском пространстве активное меньшинство при серьезной внешней поддержке осуществило смену социально-экономического строя» [Калашников 2016, с. 4].

Иначе отвечают на этот вопрос исследователи из национальных республик РФ: «Главной причиной распада этой страны был отнюдь не этнический фактор, а неумная жажда власти в корыстных целях группы политиканов, взобравшихся на российский политический олимп. Не пресловутые региональные этнократы, а Б. Ельцин и его приспешники, добившись принятия Декларации о государственном суверенитете России, положили начало выходу РСФСР из состава Советского Союза. Именно они вкупе с примкнувшими к ним украинскими и белорусскими отступниками начали окончательно разваливать великую страну» [Фарукшин 2013, с. 59–60].

Российские же либералы пишут о «развале СССР» как о закономерном и даже благотворном для России процессе [Гайдар 2006]. Для них «провал “интернационалистского” проекта СССР... это акт (возможно еще не последний) деколонизации бывшей “одной шестой части суши”» [Паин, Федюнин 2017, с. 57] и т. д. и т. п.

Дают свои варианты ответа на этот вопрос и западные исследователи. Так, наш бывший соотечественник, а ныне американский профессор В. Шляпентох, рассматривая причины гибели СССР, пришел к выводу, что это были отнюдь не межнациональные противоречия и конфликты [Шляпентох 2000, с. 119].

Однако несомненно, что в советскую «национальную политику» было заложено глубокое противоречие: преследуя стратегическую цель стирания «национальных» различий и добившись в этом определенных успехов, она в то же время ускоряла процессы становления национального самосознания, «навязывая этничность», и тем самым подготавливала переход к суверенному национально-государственному строительству. Об этом «дефекте» национального строительства предупреждал еще «евразиец» Н.Н. Алексеев, который писал в 1950-е гг. в статье «Советский федерализм»: «Создав в пределах Союза большое количество национальных республик... коммунисты... способствовали пробуждению местного национализма, который не может не угрожать превращением в самостоятельную силу... Это чрезвычайно грозное явление, быть может, одно из самых опасных для судеб не только Советского правительства, но и будущей России» [Алексеев 1992, с. 117, 118]. Созданный большевиками институт «титульности» способствовал появлению статусного неравенства различных этнических групп и системы обеспечения коллективных прав одних групп за счет других. В результате получили нечто прямо противоположное задуманному: «Советское государство стремилось создать приемлемую для себя национальную бюрократию/интеллигенцию и опереться на них в контроле и поглощении национальной периферии. Однако этот контроль имеет своей оборотной стороной усиление политического влияния представителей титульных этнических групп и усиление самого института титульности» [Цуциев 2006, с. 83].

Таким образом, само Советское государство бюрократическими приемами (национально-территориальная федерация; политика

коренизации и конструирования этнонаций¹; паспортная система, навязывающая этническую «национальность»; привилегии для представителей «титульных наций» и неофициальные ограничения для евреев и «русскоязычных» в национальных республиках; организованные государством и не всегда оправданные массовые трудовые миграции населения на этническую периферию страны и др.) создало не существовавшие ранее барьеры между разными «национальностями» и «привязало» индивидов к их этническим группам, «навязало» институализированную этническую идентичность и тем самым готовило предпосылки для своего распада. «...Советский режим, хотя и антинационалистический и, конечно, брутально репрессивный во всех возможных отношениях, совсем не был антинациональным, – отмечают Р. Брубейкер и Ф. Купер. – Далекий от безжалостного подавления национальности, режим сделал беспрецедентно серьезные шаги к ее институализации и кодификации. Он раскрыл советскую территорию более чем на пятьдесят якобы автономных национальных “родин”, каждая из которых “принадлежала” конкретной этнонациональной группе; он наделял каждого гражданина этнической “национальностью”, которая приписывалась ему при рождении на основании происхождения, регистрировалась в личных идентификационных документах, фиксировалась в бюрократических реестрах и использовалась в целях контроля над доступом к высшему образованию и рабочим местам. Тем самым режим не просто признавал или ратифицировал уже существующее положение дел; он вновь создавал и лица, и места как национальные» [Брубейкер 2012, с. 109–110].

В свою очередь учение об этногенезе, занимающее ведущее место в советской «теории этноса», усиливало биологизм и органицизм представлений об этнических общностях, которые рождаются, живут, умирают, принимают решения и действуют подобно живым организмам. Эта логика, доведенная до конца, потенциально создавала почву для расизма и идей расовой исключительности (что получило свое развитие уже в постсоветской России). В соответствии с ней:

1. Ни один человек не может существовать вне этнической общности; все человечество состоит из народов-этносов.
2. Индивид может поменять свою социальную принадлежность или гражданство, но он не может изменить этническую принадлежность.
3. Сущность этничности заключается в общности, основанной на кровном родстве и сохраняемой благодаря эндогамии. Каждый человек является носителем этнических свойств. Этничность символически проявляется в культуре и образе жизни [Рыбаков 1998, с. 4].

¹ Это вело к институционализации этнической идентичности как константной, закрепляя различия между «этносомами» и воспроизводя их во времени, даже если они уже были нерелевантны.

Этничность (национальность, в советской терминологии), означавшая принадлежность к статусной группе, занимавшей свое место в этнической иерархии, стала мощным инструментом межгрупповой конкуренции, тем более что получала систематическую поддержку со стороны Советского государства. Как отмечает В. Заславский: «Во всех союзных республиках возникли такие предпосылки для независимого существования, как: 1) собственные административные территории, населенные коренными народами; 2) собственные политические элиты и образованный средний класс; 3) использование местных языков в сфере культуры» [Zaslavsky 1992, p. 102]. Можно сказать, что первый этап этнополитической мобилизации – этап конструирования и мобилизации «народности» – народы нынешнего «постсоветского пространства» прошли еще до перестройки. Территория – закреплена, национальные языки и элиты – созданы, история народов – написана, традиции – «подобраны», «образ врага» – существовал (до поры в латентной форме). «Драма произошедших этнополитических конфликтов и самого распада СССР состоит в том, – пишет В.А. Тишков, – что советское государство всячески спонсировало этническое многообразие и поддерживало большие и малые культуры, отказавшись от концепции гражданского “нациестроительства” в пользу формулы многонациональности и пропаганды “дружбы народов”. Многие авторитетные исследователи в последнее время пришли к выводу, что СССР не был “тюрьмой народов”, т. е. империей с колониальной периферией. Он скорее стал “колыбелью наций”, наиболее продвинутые из которых выступили инициаторами разрушения общего государства в момент попытки его радикального реформирования... Это означает, что успех позитивной дискриминации и аффирмативной политики также может заключать в себе потенциальный конфликт, и у политики многокультурности есть свои ограничения» [Тишков 2007, с. 14].

Таким образом, советская национальная политика имела двоякого рода последствия. С одной стороны, способствуя становлению и развитию этнонаций в союзных и автономных республиках, она создавала институциональные предпосылки для размывания легитимности и крушения советской системы. С другой – ее направленность на размывание русской идентичности и подмену ее советской придавали первой имперские черты.

В результате, с одной стороны, по мнению очень многих исследователей, после революционного разрушения Российской империи не было построено национальное государство, а вновь воссоздана империя под знаменем новой всеобъемлющей, универсальной доктрины. Однако, с другой стороны, были сделаны шаги, необходимые для формирования политической нации. Так, Советское государство насильственно разрушило прежние социальные барьеры путем уничтожения, с одной стороны, крестьянской общины, с другой – политической и культурной элиты старой России. Предпринимались серьезные шаги по преодолению социально-экономического

неравенства в развитии союзных республик. Советская система образования породила предпосылки для преодоления раскола между элитами и массами, сделав всех носителями более или менее однородной советской культуры, что способствовало относительному успеху проекта формирования «советского народа». Как пишут сегодня В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев, «в принципиальном плане позднесоветская модель этнополитики была близка к американской и во многом верна, ибо она исходила из того, что гражданские идеалы и ценности в едином государстве должны доминировать над этничностью» [Тишков, Шабаев 2013, с. 136].

Но одновременно были созданы предпосылки и для национального самоопределения «титულных» нерусских народов СССР. Во-первых, в результате осуществления политики коренизации была сформирована «национальная» политическая элита: «Партия наняла посредников и раздала народившейся элите, представлявшей разные национальности, политические полномочия» [Бербэнк, Купер 2015, с. 455]. Во-вторых, «национальное пробуждение» советских народов во многом подготовила «национальная интеллигенция»².

В последние годы существования СССР этническая однородность населения республик заметно возросла, в том числе, в результате вынужденных миграций так называемых русскоязычных, что также отрицательно влияло на перспективы сохранения единства Союза, поскольку усиливало обособленность республик и потенциально также создавало благоприятные условия для запуска строительства национальных государств.

В 1980 г. пышно праздновалось 600-летие Куликовской битвы как символа победы русского оружия и рождения русского национального самосознания. Это событие, по словам западного автора, «выпустило националистского джинна из бутылки, и обратно его уже не удалось загнать... последствия разыгравшегося национализма окажутся катастрофическими» [Кловер 2017, с. 210]. При этом следует отметить, что осуществленное интеллигенцией «титулных народов» новое «прочтение» «национальных» историй, в условиях эрозии в СССР официальной коммунистической идеологии, приобрело одновременно и антисоветскую, и антирусскую националистическую окраску. «В историческом прошлом теперь четко разграничивали позитив (свидетельства древнего величия и самостоятельного государственного существования) и негатив (тяжелые последствия деятельности российских колонизаторов и советской власти, т. е. тех же русских в новом обличье)» [Добронравин 2010, с. 240]. Следует отметить, что в постсоветских государствах и сегодня сохранилась

² По мнению социолога В. Заславского, «новый средний класс в современном, индустриальном советском обществе придерживается “национализма по расчету”, который используется как инструмент борьбы с другими этническими группами за экономические и политические привилегии» [Заславский 2019, с. 157].

в качестве доминирующей первоначальная популистская позиция, согласно которой на рубеже 1980–1990-х гг. имело место «восстание угнетенных наций» против «советской империи», и что якобы «постколониализм» как исследовательская парадигма лучше всего объясняет суть распада СССР и произошедших после этого событий.

Таким образом, к моменту распада Советского Союза этничность осталась единственным эффективно функционирующим институтом и потому стала движущей силой «парада суверенитетов». Как отмечает Чарльз Фостер, в условиях либерализации и ослабления политической системы в СССР в перестроечный период произошла «политизация этнической солидарности».

«Наиболее опасный момент для режима партийной верхушки наступит тогда, когда будет достигнуто значительное улучшение экономических условий жизни русских народных масс, а железное тоталитарное управление будет немного смягчено», – прогнозировал Э. Хоффер, еще в 1950-е гг. [Хоффер 2017, с. 49]. Действительно, к началу 80-х гг. XX в. общий кризис системы «реального социализма» становится все более очевидным, а постоянно растущие очереди («инфляция по-советски» – Дж. Гэлбрейт) и тотальный дефицит 1980-х гг. окончательно развеяли веру в светлое коммунистическое будущее на массовом уровне. Само бездействие руководства правящей партии, неспособность предпринять какие-либо эффективные меры по преодолению кризиса (можно вспомнить, что Пленум ЦК КПСС по «национальному вопросу» состоялся только в сентябре 1989 г., когда все уже было упущено)³ были дополнительным доказательством приближающегося коллапса системы. Кризис свидетельствовал об исчерпании возможностей саморазвития советского общества в данном его качестве.

Многие исследователи сегодня отмечают, что национальные движения оказали заметное влияние на развал и Российской империи, и СССР. Так, профессор Колумбийского университета С. Билер утверждал еще в 1986 г.: «Потенциал нестабильности (в Советском Союзе. – В. А.) из-за этнических и расовых противоречий и конфликтов... огромен. Весьма вероятно, что этнические проблемы станут в будущем наиболее важной причиной радикальных перемен или даже дезинтеграции страны» [Bialer 1986, p. 167]. Однако эти факторы явились «все-таки только вторым шагом после того, как правящий центр развалился или был существенно ослаблен изнутри.

³ «...Поразительное непонимание и недооценка национальных проблем со стороны руководства могут быть объяснены лишь как результат веры в объединяющую и ассимилирующую мощь советской социокультурной модели», – отмечает социолог Й. Арнасон [Арнасон 2013, с. 74]. Правда, в марте 1988 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС Егор Лигачев предупредил о существовании «18 потенциальных Карабахов» и предлагал жестко подавлять сепаратизм, усматривая в нем серьезную угрозу для Союза ССР.

События в центре, Февральская и Октябрьская революции, горбачевская перестройка и августовский путч 1991 г., а не возмущение наций стали толчком к дезинтеграции обеих многонациональных империй», – пишет, в частности, А. Каппелер [Каппелер 2005, с. 397]. «Советская империя рухнула так же, как до того империя Романовых – сверху и из центра», – констатируют Дж. Бербэнк и Ф. Купер [Бербэнк, Купер 2015, с. 493].

По мнению известного американского исследователя Пола Кеннеди, в истоках острейших советских проблем лежал тройной кризис, каждый из которых влиял на остальные и приближал конец режима. «Кризис политической легитимности советской системы переплелся с кризисом экономического производства и социального обеспечения, а оба они усугубились кризисом этнических и культурных взаимоотношений. Результатом стало неодолимое смещение проблем» [Кеннеди 1997, с. 274–275].

Начавшаяся перестройка, представлявшая собой попытку преодоления этого «тройного кризиса», только подтолкнула центробежные процессы. Страна возвратилась к истокам «модернизационной» проблематики. «М. Горбачев, начиная перестройку, не собирался ни возвращаться к тоталитаризму, ни переходить к демократии западного типа, – пишет на рубеже столетий Х. Линц. – Возникла новая динамическая ситуация, конфликты внутри элиты, ускорившие процесс распада системы и обращение к демократической и псевдодемократической политике. Тоталитаризм стал достоянием истории, но оставленному им “в наследство” обществу было трудно артикулировать себя в рамках демократических политических институтов и рыночной экономики» [Linz 2000, p. 31].

В результате «стоило чуть ослабнуть центру, и идеология государственного строительства, позволившая семь с лишком десятков лет назад повернуть вспять процесс крушения Российской империи, собрать ее из новых кирпичей – блоков – национально-государственных образований, скрепленных культурно-идеологическим цементом, – стала взрывать здание изнутри, превратилась в идеологию государственного распада... На 8 декабря 1991 г. (дата официально объявленной в Беловежской пуще «смерти СССР». – В. А.) было зафиксировано 168 территориально-этнических притязаний “братских народов” друг к другу» [Петров 1993, с. 6].

Предложенные горбачевским руководством «общечеловеческие ценности» как альтернатива традиционным советским ценностям не годились для идентификации и консолидации режима. В условиях постоянного ухудшения экономического положения страны национальные элиты взяли курс на обособление республик от союзного центра и «возбуждение» национального самосознания «коренных этносов». Известный американский исследователь Ч. Тилли утверждал в свое время, что процесс политизации идентичности предполагает такой вид социальных отношений, при которых как минимум одна из сторон располагает средствами принуждения [Tilly 2002].

Начался так называемый парад суверенитетов. Уже 28 мая 1988 г. Верховный Совет Армянской ССР большинством голосов принял декларацию о суверенитете Армении, 16 ноября 1988 г. это сделал Верховный Совет Эстонской ССР, 26 мая 1989 г. Верховный Совет Литовской ССР принял декларацию о суверенитете Литвы, позже их примеру последовали другие союзные республики. Но выходить из Союза ССР они не спешили. «Суверенитеты» были частью торга с Москвой, который вели местные коммунистические лидеры, вступившие в союз с национальными движениями, чтобы остаться у власти [Горянин 2016, с. 7].

В то же время «братские советские народы» в лице национальной интеллигенции стали возвращаться к своим традициям, ценностям, «вспоминать» и «реконструировать» свою «национальную историю». Только в обособлении, а затем в обретении полной независимости они теперь видели перспективу лучшего будущего для себя. Действовали и дополнительные факторы этнической мобилизации советских народов. Так, в балтийских республиках, по мнению Н. Мелвина, «в основу политической организации против советской власти, в условиях отсутствия развитых институтов гражданского общества, легли культурные, языковые и семейные связи. Культурно-языковую основу для мобилизации укрепляло ощущение русской экспансии в регионе и постепенной ассимиляции балтийских и финно-угорских народов. В таких условиях балтийская национальная идентичность стала более тесно связанной с языком и культурой, нежели в других союзных республиках. Вследствие этого защита эстонского и латышского языка и культуры превратилась в главный аргумент для оправдания политической деятельности во время перестройки» [Melvin 1995, p. 25].

А. Парк, исследовавший процесс «возврата к этничности» в прибалтийских республиках Советского Союза, отмечает, что с начала 1985 г. национальный подъем в них происходил в несколько этапов:

- инициированная союзным центром «революция сверху» (горбачевская перестройка. – В. А.);
- предложения и деятельность национальной интеллигенции;
- воссоздание национальных символов и появление национальных движений;
- появление новой/старой политической элиты, которая создала специфичные политические режимы [Park 1994].

Как представляется, такая последовательность процесса «возврата к этничности» была характерна для многих республик Союза ССР, с одной только оговоркой, что в отличие от Прибалтики в них этот процесс с самого начала «возглавили» представители коммунистической элиты.

Национальные движения выполняют в этот исторический период несколько значимых функций:

- этнизация политики – движения ставят целью сохранение и развитие национальной культуры, языка и других этнических маркеров;

- политизация этничности – движения выступают за политическую независимость и расширение прав «титупной нации»;
- де/реидеологизация – движения ориентируются на борьбу с идеологией коммунизма, предлагая в качестве альтернативы свой «проект национальной идентичности» в виде совокупности установок, дающих ответы на вопросы: что представляет собой нация, на чем должна быть основана принадлежность к ней, кто для нации является «значимым другим»;
- демократизация – движения декларативно выступают за внедрение в общественную и политическую жизнь демократических начал.

Как показал опыт ряда республик СССР, декларируемые цели национальных движений постепенно изменялись в сторону их радикализации. Так, организации, создаваемые в поддержку политики перестройки, сначала занялись вопросами сохранения национального языка и культуры, после чего их приоритетом стали радикальные политические требования обретения национальной независимости и борьба за власть. Так развивались Народный фронт Латвии, Народный фронт Эстонии и литовский «Саудис», получившие политическую власть по итогам выборов в Верховные советы республик в 1990 г.

Как отмечает А. Коэн, этничность крайне инструментальна и потому может успешно использоваться для достижения разных целей. При этом причины поддержания и актуализации этничности носят прежде всего политический характер. Для обозначения такой деятельности американский исследователь использовал термин «ретрайбализация». Согласно Коэну, ретрайбализация – это процесс, в рамках которого этническая группа (ее элита), вовлеченная в борьбу за власть и привилегии с членами другой группы, «в рамках формальной политической системы» для достижения своих целей манипулирует обычаями, мифами, символами и с их помощью создает политическую организацию, которую использует в качестве орудия своей борьбы [Cohen 1969].

Ключевую роль в этой борьбе играют этнические элиты (этнические предприниматели), которые ведут борьбу не за интересы группы, а за контроль над редкими ресурсами и оттеснение с политического поля этнических конкурентов. Впрочем, «этнические предприниматели» не представляют собой нечто единое. Так, В. Малахов проводит различие между «этническими активистами двух типов – «прагматиками» и «романтиками». Прагматики, или этнопредприниматели в строгом смысле слова («брокеры от культуры». – А. Коэн), это общественные деятели, использующие этничность с целью приобретения или накопления социального капитала. Романтики – это этнические активисты, искренне стремящиеся к удержанию и развитию определенной этнической идентичности и пытающиеся заразить этим стремлением максимальное количество людей» [Малахов 2007].

Однако власти чаще всего в качестве контрагентов выбирают именно прагматиков, более близких им по духу. Именно эти «брокеры от культуры» стали инициаторами разработки идейных оснований и создания этнонациональных организаций на рубеже 1980–1990-х гг. в союзных республиках СССР и национальных регионах России. При этом важно отметить, что «становление этнонациональных движений носило “санкционированный характер”, т. е. возникать они начали тогда, когда в бывшем Советском Союзе был снят негласный запрет на создание национальных организаций, а именно: в год проведения известного Пленума ЦК КПСС по национальным вопросам (сентябрь 1989 г.)» [Шабаев, Чарина 2008, с. 93]. Характерно, что создавали эти организации преимущественно новые «национальные» лидеры-прагматики, а не участники диссидентского движения, которых можно отнести к числу этнических активистов-«романтиков».

В результате вновь «заработал» механизм (теперь уже этнической) поляризации «мы – они», как снежный ком нарастали территориально-этнические притязания «братских народов» друг к другу. Всеобщим «козлом отпущения» стали русские и союзный центр (после августа 1991 г. – русские и «суверенная» Россия). Не заставили себя ждать и новые вооруженные межэтнические конфликты.

В то же время последние «рубежи» противостояния Западу также, казалось бы, пали в «эпоху Горбачева». Мощная волна приукрашенной информации о Западе, обрушившаяся на советского обывателя в годы перестройки, наряду с тотальной критикой российского прошлого и настоящего не в малой степени способствовала формированию положительных установок в отношении основных западных ценностей. Да и большинство лозунгов перестройки и заявленных целей носили явно прозападный характер⁴. Опросы общественного мнения, проводившиеся в 1991 г., демонстрируют довольно высокий уровень доверия к Западу. Сближение с ним положительно оценивали 88% опрошенных, тогда как негативно – только 5% [Мир мнений... 1991, с. 3].

Однако следует отметить, что даже во времена «медового месяца» перестройки и внешне безоблачных отношений советского Востока и капиталистического Запада слышны были голоса противников вестернизации, а образ «главного реформатора» практически всегда имел более высокую положительную оценку не внутри страны, а за

⁴ В этой связи характерно формирование нового положительного стереотипного образа Америки и американцев (гетеростереотипа) и одновременно отрицательного образа России и русских (автостереотипа) у старшеклассников и студентов Санкт-Петербурга, выявленное в результате социологического опроса, проведенного в 1993 г. [Сикевич 1994, с. 58–60]. Точнее, речь идет скорее не о формировании новых стереотипов, а о временном изменении знака гетеростереотипа американцев с «минуса» на «плюс» и, наоборот, автостереотипа с «плюса» на «минус».

ее рубежами. Реакцией на утрату СССР его бывшего международного политического веса, минимизацию его присутствия в политическом процессе Запада, происходившей под декларацией об «общевропейском доме», «возвращении в Европу» и «приобщении к мировому цивилизационному процессу», было и появление на политической сцене «русского национально-патриотического движения».

Однако формирование национального самосознания русских, было затруднено в силу их особого положения в Союзе ССР:

- во-первых, русский народ – это «старший брат», народ-покровитель, потому и оказавшийся «незамеченным элементом советской национальной политики» [Гобл 1994, с. 195];⁵
- во-вторых, «имперский цемент», связующий народы СССР воедино и несущий основную долю общих тягот, теряя при этом свою национальную определенность;
- в-третьих, русские были тем национальным меньшинством, которое дискриминировалось в «союзных» и «автономных» республиках еще в советские времена.

В силу этих обстоятельств русские не обрели и собственных институтов суверенитета. РСФСР как федерация не являлась территорией русских как «титულიной нации» (современная «демократическая» Россия, впрочем, тоже). «Роль “старшего брата” была нелегкой и неблагодарной», – пишет Э. Паин. Во-первых, за нее приходилось расплачиваться ослаблением демографического потенциала Российской Федерации и русского населения в ней, являвшегося основным кадровым резервом для пополнения армейских частей, милиции, органов управления, да и всех великих строек в национальных республиках Союза. Во-вторых, она вызывала недовольство “младших братьев и сестер” в республиках СССР, которое росло по мере увеличения численности местной национальной интеллигенции» [Паин 2004, с. 35]⁶.

В новых условиях это привело к глубокому кризису массового сознания русских и его сильной политической и идейной поляризации. Российские «демократы» приветствовали «распад советской империи» и во многом способствовали ему: «Если исходить из приоритета гражданского общества над государственностью, – писала в 1989 г. «специалист по межнациональным отношениям» Г. Старовойтова, – то допустимо утверждение, что право наций на самоопределение может быть поставлено даже выше идеи государственного (или республиканского) суверенитета» [Старовойтова 1989, с. 95]. В свою очередь проект «Конституции Союза Советских республик

⁵ Характерно, что отдел ЦК КПСС по делам национальностей занимался проблемами исключительно нерусских регионов и национальных меньшинств.

⁶ В 1980-е гг. республики Средней Азии, Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия опередили Россию по доле интеллигенции в составе «титульных народов».

Европы и Азии» академика А. Сахарова предлагал идею сначала размежеваться, а затем на демократической основе заключить новый союзный договор и содержал поразительные по близорукости и чрезвычайно опасные по своим следствиям положения: «Национально-конституционный процесс начинается с провозглашения независимости всех национально-территориальных структурных частей СССР, образующих суверенные республики (государства)»; «Основопологающим и приоритетным правом каждой нации республики является право на самоопределение» и т. д. [В человеческом измерении... 1989]. В целом можно согласиться с А. Миллером и Ф. Лукьяновым в том, что «демократическое движение в РСФСР... пыталось встроиться в общий антисоветский и антиимперский, однозначно прозападный нарратив, типичный для антикоммунистических и националистических движений в Восточной Европе и национальных союзных республиках (Прибалтика, Грузия, Украина, Молдавия, Армения, Азербайджан)» [Миллер, Лукьянов 2016, с. 19].

В свою очередь консервативные оппоненты «демократов» в КПСС и вне ее предприняли очередную попытку возрождения этнической идентификации и легитимации умирающего советского режима. Они сформулировали требования уравнивания России (РСФСР) в правах с другими советскими республиками, что предполагало создание российской компартии, комсомола, профобъединений, академии наук и других республиканских институтов. Эти требования получили достаточно широкий отклик в партии и российском обществе. Предлагалось также сделать столицей РСФСР не Москву, а какой-либо другой город, обладающий высоким культурным и экономическим потенциалом. Сторонники этой политической программы предпринимают попытки к объединению. Так, в сентябре 1989 г. в Ленинграде создается «Объединенный фронт трудящихся» (ОФТ), для того чтобы поднять «класс-гегемон» на защиту «реального социализма» и сохранения единства Советского Союза.

Однако победа «демократов» на выборах Съезда народных депутатов 1990 г. в РСФСР ускорила начавшиеся процессы распада страны. Избранный в июне 1990 г. Президент России Б. Ельцин взял курс на «суверенизацию» и жесткое оппонирование непоследовательной политике реформ М. Горбачева, что толкнуло назначенного Президента СССР на союз с «консерваторами» в КПСС. Создается компартия РСФСР, представители которой берут верх на последнем XXVIII съезде пока еще правящей партии. Обретение имперской русской идентичности теперь рассматривается руководством партии как одно из средств приостановки распада Союза ССР. Именно отсутствие взаимодействия между властью и оппозицией в поисках компромисса закрыло путь к мирному варианту трансформации СССР.

Кризис разрешается в августе 1991 г. Попытка государственного переворота, предпринятая ГКЧП, «не только не предотвратила

распад СССР, но и помогла Борису Ельцину, президенту РСФСР, укрепить свою репутацию в качестве лидера страны, а консерваторы, напротив, лишились легитимности, – не без злорадства пишет американский журналист Ч. Кловер. – Кол был забит в сердце Советского Союза, и четыре месяца спустя СССР был официально объявлен скончавшимся» [Кловер 2017, с. 284].

Именно после августа 1991 г. «душеприказчики» запрещенной КПСС твердо берут курс на «соединение Нила Сорского и Ленина», окончательно вписывая большевиков в славную когорту русских государственников и собирателей Российской империи⁷.

Чрезвычайно характерна в этом смысле триединая формула «спасения России», предложенная Р. Косолаповым (ведущим идеологом КПСС 1980-х гг., главным редактором журнала «Коммунист») и намеренно перекликающаяся с формулой «официальной народности» времен Николая I: «Считаю, что без “русской идеи”, модернизированной применительно к рубежу XX–XXI вв., составить ее нельзя. “Духовность” (отнюдь не сводимая к религиозности), “Народность” (предполагающая утверждение социальной справедливости и социального равенства), “Державность” (означающая высокую ответственность за судьбы нынешних и грядущих поколений соотечественников) должны стать компонентами этой формулы» [Косолапов 1993, с. 49]. Таким образом, теперь идеал КПРФ уже не классовая борьба и коммунизм, а «межклассовое согласие и державная мощь», которые мыслятся как результат синтеза «красного идеала социальной справедливости» и «белого идеала национально осмысленной государственности» [Зюганов 1994, с. 124–125].

Почти вековой путь эволюции российского большевизма завершился. Начав как партия радикальных революционеров-интернационалистов, провозгласивших своей целью тотальное разрушение старого мира и строительство коммунистического рая на земле, они заканчивают цикл как партия российских традиционалистов и националистов-державников. Однако такая эволюция была вполне предсказуема. «Обратите внимание на замечательную иронию истории, – не без удовлетворения пишет американский историк Александр Янов. – Придя к власти на костях Русской идеи, большевизм, уходя от власти в августе 1991 г., ничего иного, нежели поднять на стяг все ту же побитую им когда-то Русскую идею, придумать оказался не в состоянии» [Янов 1999, с. 337].

Таким образом, в начале 1990-х гг. в легитимности было отказано и СССР как политической независимой единице, «субъекту международного права и геополитической реальности», и существующей политической системе, и официальной коммунистической

⁷ Позднее коммунистами сделан следующий шаг. Они теперь стремились «собрать под свои знамена» всех значимых персонажей российской национальной истории, не вспоминая до поры «своих настоящих коммунистических героев» (исключение делается только для И. Сталина).

идеологии, и правящей коммунистической партии, и представителям значительной части правящей элиты во главе с М. Горбачевым. Правда, этот выбор был сделан не народами страны, а республиканскими политическими элитами. Как сегодня известно, благодаря свидетельствам многих участников политических событий рубежа 1980–1990-х гг. центробежные движения в республиках СССР, инициированные преимущественно национальной интеллигенцией, имели негласную поддержку не только в республиканских, но и в высших эшелонах власти страны, что стало важным фактором успеха этих движений. «Распад СССР был абсолютно закономерным явлением, – утверждает О. Неменский. – Он был предрешен логикой действия самого механизма: процесс создания наций приводит к постановке вопроса об ее суверенитете и независимости. Только добившись их, нация реализует себя, оформляется как полноценный nation-state» [СССР: Жизнь после смерти... 2012, с. 106]. Однако стоит заметить, что в современной России очень многие авторы ставят под вопрос закономерность распада Советского Союза, считая, что он произошел в результате подрывной деятельности «активного меньшинства», получавшего серьезную внешнюю поддержку.

И поскольку в Советском Союзе «национальному фактору» была придана роль важнейшего социального маркера, а этничность означала принадлежность к определенной статусной группе, т. е. была институализирована этнокультурально на индивидуальном уровне и политически на территориальном, постольку в постсоветских обществах она стала мощным инструментом межгрупповой конкуренции и порождения конфликтов, поскольку получала систематическую поддержку со стороны политических элит, которые активно использовали республиканские национализмы в борьбе за власть. «Коллапс государственного порядка и монолитной идеологии вызвали к жизни разные формы этнических и религиозных политизаций, особенно этнонационализма – идеологии и политической практики, основанной на идее, что государство и его институты должны образовываться и быть собственностью так называемой титульной нации, т. е. “этноса, давшего название государству”, а не территориального сообщества, т. е. демоса. Фактически все вооруженные конфликты на территории бывшего СССР и Югославии произошли на основе уязвимой доктрины “национального (читай – этнического) самоопределения”. Исключение составили конфликты типа массовых насильственных беспорядков в Азербайджане (Баку, Сумгаит), Киргизии (Ош), Узбекистане (Фергана), Северной Осетии (Пригородный район). Но и они имели выраженную этническую окраску: азербайджанцы против армян, киргизы против узбеков, узбеки против месхетинских турок, осетины против ингушей» [СССР: Жизнь после смерти... 2012, с. 643].

Причем именно институционализация этничности во многом объясняет удивительную, для стороннего наблюдателя, идейную пластичность постсоветских элит, их почти мгновенную трансфор-

мацию из «пламенных интернационалистов» в не менее «пламенных» защитников национальных/этнических интересов. При этом активно использовался дискурс «постколониализма»: «Постсоветские республики рассматривали себя как национальные, и в то же время как репрессированные, угнетенные, неполные по национальному признаку, поэтому их политика состояла в “полной”, “окончательной” национализации – восстановлении прав языка, культуры, попытках усилить ассимиляцию, заменить советские символы и т. д., увеличить свой демографический вес (за счет выдавливания «чужаков-русскоязычных» за пределы национального государства. – В. А.) и т. д.» [Абашин, Савин 2012, с. 30]. Д.В. Березняков и С.В. Козлов пишут сегодня: «Как это ни парадоксально, но именно позднесоветская интеллигенция с ее морально нагруженным дискурсом критики советского опыта оказалась непреднамеренным союзником формирующихся неопатримониальных клик, обеспечивая идеологическую легитимацию государственного строительства наоборот,⁸ развернувшегося в 1990-е годы» [Березняков, Козлов 2017, с. 203]. Однако необходимо отметить, что цели и логика действий представителей «позднесоветской номенклатуры» и интеллектуалов-гуманитариев, которые во множестве осуществляли тогда «хождение во власть», заметно различались. Первые были заинтересованы прежде всего в легитимации своей позиции во главе национальных движений, а позже – обретших независимость национальных государств. Вторые боролись с ними за власть и одновременно конкурировали между собой за статусные позиции в символическом поле и за признание у наиболее политически активной части аудитории, каковой был «недокормленный» советский средний класс – интеллигенция и технические специалисты – «националисты по расчету» (В. Заславский). В результате представители номенклатуры были вынуждены играть на идейном поле по правилам, которые задавались интеллектуалами, однако властные позиции и контроль над редкими ресурсами повсеместно сохранили за собой именно они. Ну а относительно бескровный характер падения советского строя исследователи объясняют, в частности, тем, что русский этнический национализм в России (РСФСР) так полностью и не созрел и не стал политически значимой силой [Hosking 1997]. Поэтому, в частности, рост нетерпимости и открытой враждебности к русским во многих национальных республиках не вызвал со стороны русских открытой реакции и не привел к их массовой политической мобилизации.

⁸ Согласно Ч. Тилли, суть метафоры «государственное строительство наоборот» состояла в экстракции ресурсов из государства, что в результате привело к дезорганизации советских партийно-государственных институтов и их замене неопатримониальными и патронажными властными пирамидами [Тилли 2009].

Литература

- Абашин, Савин 2012 – *Абашин С.Н., Савин И.С.* Ош, 2010: конфликтующая этничность // Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2012. С. 23–56.
- Алексеев 1992 – *Алексеев Н.* Советский федерализм // *Общественные науки и современность*. 1992. № 1. С. 112–119.
- Арнасон 2013 – *Арнасон Й.* Советская модель как форма глобализации // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 4 (90). С. 135–141.
- Бербэнк, Купер 2015 – *Бербэнк Дж., Купер Ф.* Взлет и падение великих империй. М.: АСТ, 2015. 522, [5] с.
- Березняков, Козлов 2017 – *Березняков Д.В., Козлов С.В.* Политика идентичности постсоветской Украины: как «украинское» побеждало «советское» // *Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН; Редкол.: О.Ю. Малинова, гл. ред., и др. М., 2017. Вып. 5: Политика идентичности. С. 198–223.*
- Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
- В человеческом измерении 1989 – В человеческом измерении / Под ред. и с предисл. А.Г. Вишневого. М.: Прогресс, 1989. 486, [1] с.
- Гайдар 2006 – *Гайдар Е.* Гибель империи: Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
- Гобл 1994 – *Гобл П.* Советская национальная политика // *Проблемы Восточной Европы*. Вашингтон, 1994. № 41–42. С. 170–203.
- Горянин 2016 – *Горянин А.* Почему никто не спасал союз? // *Аргументы и факты*. 2016. № 50. С. 7.
- Добронравин 2010 – *Добронравин Н.* «Глобально лишние»: Негосударственные народы и сырьевое государство // *Пути модернизации: траектории, развития и тупики: Сб. статей / Под ред. В. Гельмана, О. Маргания. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 225–260.*
- Заславский 2019 – *Заславский В.* От неосталинского государства до постсоветской России (1970–2000) / Сост. и предисл. В. Вуячича. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 456 с.
- Зюганов 1994 – *Зюганов Г.А.* Держава. 2-е изд. М.: Информпечать ИТРК РСПП, 1994. 131 с.
- Калашников 2016 – *Калашников В.* Демонтаж СССР: взгляд четверть века спустя // *Санкт-Петербургские ведомости*. 2016. 5 авг. С. 4.
- Каппелер 2005 – *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: Антология*. М.: Новое издательство, 2005. С. 395–435.
- Кеннеди 1997 – *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М. Весь мир, 1997. 480 с.
- Кlover 2017 – *Кlover Ч.* Черный ветер, белый снег: Новый рассвет национальной идеи. М.: Фантом пресс, 2017. 496 с.
- Косолапов 1993 – *Косолапов Р.* Бедная русская идея // *Изм*. 1993. № 1. С. 45–49.
- Малахов 2007 – *Малахов В.* Этничность в большом городе // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 1. С. 185–196.
- Миллер, Лукьянов 2016 – *Миллер А., Лукьянов Ф.* Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности [Электронный ресурс] // *Совет по внешней и оборонной политике*. М., 2016. С. 19. URL: <http://svop.ru/main/22046>

- Мир мнений и мнения о мире 1991 – Мир мнений и мнения о мире. 1991. № 7. Сентябрь.
- Паин 2004 – *Паин Э.* Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике. М.: Новое издательство, 2004. 248 с.
- Паин, Федюнин 2017 – *Паин Э., Федюнин С.* Нация и демократия: Перспективы управления культурным многообразием. М.: Мысль, 2017. 266 с.
- Петров 1993 – *Петров Н.В.* Что такое полиэтнизм? (Территориально-этнические притязания и конфликты в бывшем СССР) // Полис. 1993. № 6. С. 6–15.
- Рыбаков 1998 – *Рыбаков С.* К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 3–15.
- Сикевич 1994 – *Сикевич Э.В.* Этносоциология: национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 1994. 203 с.
- СССР: Жизнь после смерти 2012 – СССР: Жизнь после смерти / Под ред. И.В. Глущенко, Б.Ю. Кагарлицкого, В.А. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 304 с.
- Старовойтова 1989 – *Старовойтова Г.А.* «Этнический парадокс» и стереотип мышления // Родина. 1989. № 7. С. 95.
- Тилли 2009 – *Тилли Ч.* Принуждение, капитал, европейские государства, 990–1992 гг. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009. 328 с.
- Тишков 2007 – *Тишков В.А.* Конфликт в сложных обществах: Введение к русскому изданию // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007. С. 12–22.
- Тишков, Шабаев 2013 – *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: Политические функции этничности: Учебник. 2-е изд. М.: Изд. Московского университета, 2013. 413 с.
- Фарушкин 2013 – *Фарушкин М.Х.* Этничность и федерализм. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. 384 с.
- Хоффер 2017 – *Хоффер Э.* Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Паблишер, 2017. 200 с.
- Цуциев 2006 – *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.
- Шабаев, Чарина. 2008 – *Шабаев Ю.П., Чарина А.М.* Региональные этноэлиты в политическом процессе (финно-угорское движение: становление, эволюция, идеология, лидеры). Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. 258 с.
- Шляпентох, 2000 – *Шляпентох В.Э.* Советский Союз – нормальное тоталитарное общество: Опыт объективного анализа // Социс. 2000. № 2. С. 115–124.
- Янов 1999 – *Янов А.* Россия против России: Очерки истории русского национализма: 1825–1921. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 384 с.
- Bialer 1986 – *Bialer S.* The Soviet Paradox. External Expansion, Internal Decline. New York: Knopf, IX, 391 p.
- Cohen 1996 – *Cohen A.* Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Youruba Town. London: Routledge, 1969. 266 p.
- Hosking 1997 – *Hosking G.* Russia People and Empire. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. press, 1997. XXVIII, 548 c.
- Linz 2000 – *Linz J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes. L.: Lynne Rienner Publishers 2000. 343 c.
- Melvin 1955 – *Melvin N.* Russians Beyond Russia. The Politics of National Identity. London: Chatham House Papers, 1995. VI, 170 p.
- Park 2019 – *Park A.* Turning-points of post-communist transition: Lessons from the case of Estonia [Online]. Tallinn. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1477-7053.1994.tb01230.x/abstract>

- Tilly 2019 – Tilly C. Stories, Identities and Political Change [Online]. Rowman& Littlefield Publishers. 2002. 288 p. URL: <http://www.public.iastate.edu/~carlos/607/readings/tilly.pdf>
- Zaslavsky 1992 – Zaslavsky V. Nationalism and democratic transition in post-communist societies // Daedalus. 1992. No. 2. P. 97–121.

References

- Abashin, S.N. and Savin, I.S. (2012). “Osh, 2010: Conflicting ethnicity”, in Tishkov, V.A. and Shnirel`man, V.A., eds., *Ethnicity and religion in modern conflicts*, Institut etnologii i antropologii imtni N.N. Micluho-Maclaya RAN, Moscow, Nauka, pp. 23–56.
- Alekseev, N. (1992), “Soviet federalism”, *Obshchestvennye nauki i sovremennost`*, no. 1, pp. 112– 119.
- Arnason, I. (2013), “The Soviet model as a form of globalization”, *Neprikosnovennyi zapas*, vol. 90, no. 4, pp. 135–141.
- Berbenk Dj., Cooper F. (2015) *Vzlet i padenie velikikh imperii* [The Rise and Fall of Great Empires], AST, Moscow, Russia, 522 p.
- Berezniakov, D.V., Kozlov, S.V. (2017), “Identity Politics of post–Soviet Ukraine: how “Ukrainian” won the “Soviet”, in Malinova O.Yu., ed., *Symbolic politics*, vol. 5: Politics goes on, Moscow, Russia, pp. 198–223.
- Bialer, S. (1986), *The Soviet Paradox. External Expansion, Internal Decline*. Knopf, New York, USA.
- Brubeiker, R. (2012), *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups], Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Clover Ch. (2017), *Chernyi veter, belyi sneg. Novyi rassvet natsional'noi idei* [Black wind, white snow. The new dawn of the national idea], Fantom press, Moscow, Russia.
- Cohen, A. (1969), *Custom and politics in Urban Africa: A study of Hausa Migrants in Youruba Town*. Routledge, London, UK.
- Dobronravin, N. (2010), “ ‘Globally superfluous’: Non-state peoples and commodity state” in Gel`man V. O. Marganiya, eds., *Puti modernizatsii: traektorii, razvilki i tupiki* [Ways of modernization: trajectories, forks and dead ends], Izd. Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Peterbug, Russia, pp. 225–260.
- Ethnicity and religion in modern conflicts (2012), V.A.Tishkov, V.A. Shnirel`man (Eds), Moscow, Nauka, 650 p.
- Farukshin, M.K. (2013), *Etnychnost` i federalizm* [Ethnicity and Federalism], Centr innovatsionnykh tekhnologii, Kazan, Russia.
- Gaydar, E. (2006), *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoi Rossii* [The Death of the Empire. Lessons for modern Russia]. ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Glushchenko, I.V., Kagarlitckii, B.Yu., Kurenna, V.A., eds. (2012), *SSSR: Zhizn` posle smerti* [USSR: Life after death], Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Gobl, P. (1994), “Soviet national policy”, *Problemy Vostochnoi Evropy*, [Washington], no. 41–42, pp. 170–203.
- Goryaninó A. (2016), “Why didn't anyone save the union?”, *Argumenty i fakty*, no. 50, p. 7.
- Hoffer, E. (2017), *Chelovek ubezhdennyi: Leechnost`, vlast` i massovye dvizheniya* [The Man Convinced: Personality, Power and Mass Movements], Moscow, Al`pina Publisher, 200 p.
- Hosking G. (1997), *Russia people and empire*. Harvard Univ. Press, Cambridge, USA.

- Kalashnikov, V. (2016), "Demolition of the USSR: a look a quarter of a century later", *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 5 avgusta, p. 4.
- Kappeler, A. (2005), "Education of nations and national movements in the Russian Empire", in *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [The Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 395–435.
- Kennedi, P. (1997), *Vstupaya v dvadcat' pervyi vek* [Entering the twenty first century], Ves' Mir, Moscow, Russia.
- Kosolapov, R. (1993), "Poor Russian idea", *Izm.*, no. 1, pp. 45–49.
- Linz, J. (2000), *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Lynne Rienner Publishers, London, UK.
- Malahov, V. (2007), "Ethnicity in the big city", *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1, pp. 185–196.
- Melvin, N. (1955), *Russians Beyond Russia. The Politics of National Identity*. Chatham House Papers, London, UK.
- Miller A. and Luk'yanov F. (2016), "Disengagement instead of confrontation: post-European Russia in search of self-sufficiency", Council on Foreign and Defense Policy, Kazan, Russia, p. 19. URL: <http://svop.ru/main/22046>.
- Pain E. (2004), *Mezhdue imperiei i natsiei: modernistskii projekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noi politike* [Between empire and the nation: a modernist project and its traditionalist alternative in national politics]. Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Pain, E., Fediunin, S. (2017), *Natsiya i demokratiya: Perspektivy upravleniya kul'turnym mnogoobraziem* [Nation and democracy: perspectives on the management of cultural diversity], Mysl', Moscow, Russia.
- Park, A. (2019), Turning-points of post-communist transition: Lessons from the case of Estonia [Online]. Tallinn. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1477-7053.1994.tb01230.x/abstract>
- Petrov, N.V. (1993), "What is polyetism? (Territorial-ethnic claims and conflicts in the former Soviet Union)", *Polis*, no. 6, pp. 6–15.
- Rybakov, S. (1998), "To the question of the concept of "Ethnos": philosophical and anthropological aspect", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 3–15.
- Shabaev, Yu.P., Charina, A.M. (2008), *Regional'nye etnoelity v politicheskom protsesse (finno-ugorskoe dvizhenie: stanovlenie, evoliutsiya, ideologiya, lidery)* [Regional ethno-elites in the political process (Finn-Ugric movement: formation, evolution, ideology, leaders)], KRAGSiU, Syktyvkar, Russia.
- Shlyapentokh, V.E. (2000), "The Soviet Union is a normal totalitarian society. Experience of objective analysis", *Sotcis*, no. 2, pp. 115–124.
- Sikevich, Z.V. (1994), *Etnosotciologiya: natsional'nye otnosheniya i mezhnatsional'nye konflikty* [Ethnosociology: national relations and ethnic conflicts], Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta, St. Peterbug, Russia.
- Starvoitova, G.A. (1989), " 'Ethnic paradox' and the stereotype of thinking", *Rodina*, no. 7, p. 95.
- Tilly, C. (2009), *Prinuzhdenie, kapital evropeiskie gosudarstva, 990–1992 gg.* [Coercion, capital of European states, 990–1992], Izd. dom "Territoriya budushchego", Moscow, Russia.
- Tilly, C. (2019), *Stories, Identities and Political Change* [Online]. Rowman & Littlefield Publishers. 2002. 288 p. URL: <http://www.public.iastate.edu/~carlos/607/readings/tilly.pdf>
- Tishkov, V.A. (2007), "Conflict in complex societies. Introduction to the Russian edition" in *Ethnopolitical Conflict: Transformation Paths: The Berghof Center's desktop book*, Nauka, Moscow, pp.12–22.

- Tishkov, V.A., Shabaev Yu.P. (2013), *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti. Uchebnik* [Ethnopoliticalism: political functions of ethnicity. Tutorial], Izd. Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.
- Tsutsiev, A. (2006), *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of ethnopolitical history of the Caucasus (1774–2004)], Evropa, Moscow, Russia.
- Vishnevskii, A.G., ed. (1989), *V chelovecheskom izmerenii* [In the human dimension], Progress, Moscow, Russia.
- World views and opinions on the world (1991), no. 7, September.
- Yanov, A. (1999), *Rossiia protiv Rossii. Ocherki istorii russkogo natsionalizma 1825–1921* [Russia vs. Russia. Essays on the history of Russian nationalism 1825–1921], Sibirskii khronograf, Novosibirsk, Russia.
- Zaslavskii, V. (1992), Nationalism and democratic transition in post-communist societies, *Daedalus*, no. 2, pp. 97–121.
- Zaslavskii, V. (2019), *Ot neostalinskogo gosudarstva do postsovetskoi Rossii (1970–2000)* [From the Neostalinstate to post-Soviet Russia (1970–2000)], Izd. Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Peterbug, Russia.
- Ziuganov, G.A. (1994), *Derzhava* [Power], Informpechat` ITRK RSPP, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, val-achkasov@yandex.ru

Information about the author

Valerii A. Achkasov, Dr. of Sci. (Political Sciences), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg, Russia, 199034, val-achkasov@yandex.ru

Трудовая миграция

УДК 325.1+331.5.024.5

DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-31-39

К вопросу о формировании механизмов организованного набора трудовых мигрантов в Российской Федерации

И.В. Потапенкова

*Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
Москва, Россия, irina_aduzova@mail.ru*

Е.Н. Ярмонова

*Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
Москва, Россия, yarelenan@yandex.ru*

Аннотация. Создание механизмов организованного привлечения иностранных работников является одним из активно развивающихся направлений миграционной политики Российской Федерации. Ее основными задачами являются устранение незаконной трудовой миграции, профилактика правонарушений миграционного и трудового законодательства. Организованное привлечение делает для ее участников «прозрачным» рынок труда и способствует соблюдению их законных прав.

Ключевые слова: механизмы организованного привлечения иностранных работников, трудовая миграция, Агентство по вопросам внешней трудовой миграции, домиграционная подготовка

Для цитирования: Потапенкова И.В., Ярмонова Е.Н. К вопросу о формировании механизмов организованного набора трудовых мигрантов в Российской Федерации // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 31–39. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-31-39

© Потапенкова И.В., Ярмонова Е.Н., 2019

По материалам Международной научно-практической конференции «Миграция в России и в современном мире: проблемы, перспективы, практические решения», Москва, 2019.

On the issue of the formation of mechanisms for the organized recruitment of migrant workers in the Russian Federation

Irina V. Potapenkova

*Moscow University of the Russian Interior Ministry,
Moscow, Russia, irina_aduzova@mail.ru*

Elena N. Yarmonova

*Moscow University of the Russian Interior Ministry,
Moscow, Russia, yarelenan@yandex.ru*

Abstract. Creating mechanisms for the organized attraction of foreign workers is one of the actively developing areas of the migration policy of the Russian Federation. Its main tasks are the elimination of illegal labor migration, the prevention of offenses of migration and labor legislation. Organized attraction makes the labor market “transparent” for its participants and contributes to the observance of their legal rights.

Keywords: mechanisms for the organized attraction of foreign workers, labor migration, Agency for External Labor Migration, pre-migration training

For citation: “On the issue of the formation of mechanisms for the organized recruitment of migrant workers in the Russian Federation”, *Journal of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 31–39, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-31-39

Создание и развитие механизмов организованного привлечения иностранных работников является одним из основных направлений миграционной политики [Концепция государственной миграционной политики 2018].

Применение термина «механизм» предполагает создание системы мероприятий, которая включает в себя: формирование правовой основы, определение субъектов (участников), наделение их соответствующими компетенциями, выработку правил взаимодействия между субъектами (участниками), установление порядка реализации мер и контроля за выполнением, определение источников финансирования.

Организованное привлечение иностранных работников является инструментом государственного регулирования трудовой миграции. Его целям являются удовлетворение потребности российской экономики в кадрах и обеспечение работодателей, испытывающих трудности с привлечением российских работников, иностранными работниками требуемой квалификации.

Привлечение работников в организованном порядке предполагает создание системы государственного контроля за процессом трудоустройства иностранных граждан и соблюдением законных прав и интересов сторон трудовых отношений и общества в целом.

Участие негосударственных организаций в этом процессе не исключается, но ведущую координационную роль выполняет государство.

Организованное привлечение работников не ограничивает права иностранных граждан на самостоятельное трудоустройство. Однако мигрант, который решил отправиться на самостоятельный поиск работы, должен правильно оценивать все издержки, сопровождающие этот процесс. В рамках организованного набора ему гарантированы трудоустройство, приемлемые условия труда и проживания, соблюдение трудовых прав, адаптационные мероприятия, поиск другого места работы в случае, если с работодателем, к которому он приехал, сотрудничество не получится. Отправляясь на открытый рынок труда, все риски иностранный гражданин принимает на себя.

С одной стороны, механизм организационного привлечения направлен на выявление потребностей рынка труда и формирование запросов в рабочей силе, а с другой – на создание условий для приема, адаптации и интеграции мигрантов. Иными словами, в него включена система повышения эффективности мер регулирования численности привлекаемых иностранных работников, в том числе исходя из реальной ситуации на российском рынке труда и тенденций ее изменения с учетом потребностей экономики Российской Федерации и интересов ее граждан.

Организованное привлечение иностранных граждан направлено на организацию и упорядочивание внешних источников трудовых ресурсов Российской Федерации. Оно носит резервный характер и ни в коей мере не должно конкурировать или мешать развитию внутренних источников рабочей силы.

По территориальному признаку создания и функционирования меры, входящие в механизм организованного привлечения иностранных граждан в качестве работников, могут различаться на межгосударственные и внутригосударственные. Первые формируются в результате взаимодействия государственных органов, организаций стран – доноров трудовых мигрантов с аналогичными субъектами страны-реципиента. Ко второй группе относится создание необходимых условий комфортного пребывания и осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами в стране пребывания.

Для государства-донора первоочередной задачей является правовая защита своих граждан, для государства реципиента на первый план выступают профилактика и устранение незаконной трудовой миграции.

Предполагается, что меры, реализуемые со стороны Российской Федерации, сводятся к созданию единого информационного пространства в сфере трудовой миграции; оказанию помощи по подбору рабочего места и трудоустройству; формированию мер, направленных на адаптацию и интеграцию иностранных граждан; правовой и социальной поддержке иностранных граждан; определению порядка взаимодействия с компетентными органами иностранных государств.

Государство, гражданами которого являются трудовые мигранты, проводит домиграционную подготовку кадров: обучение, правовое информирование, разъяснение порядка трудоустройства, въезда и нахождения на территории иностранного государства, оказание социальной помощи, предоставление услуг по получению необходимой для трудоустройства документации.

С учетом изложенного можно предположить, что под «механизмами организованного привлечения иностранных работников» понимается комплекс законодательно установленных мероприятий, применяемых планомерно, при поддержке и контроле государственных органов в целях обеспечения работниками из числа иностранных граждан хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в Российской Федерации, а также в целях профилактики незаконной миграции и правонарушений в сфере труда.

Этапами организованного привлечения иностранных работников в Российской Федерации являются:

- 1) мониторинг потребностей рынка труда, направление заявки на привлечение граждан на вакантные рабочие места;
- 2) взаимодействие с компетентными органами иностранного государства по вопросам домиграционной подготовки;
- 3) прием, размещение, устройство для проживания, юридическое сопровождение, оказание организационной и консультативной помощи иностранным гражданам с момента их въезда на территорию Российской Федерации и до выезда в страну постоянного проживания;
- 4) оказание помощи российским работодателям в решении вопросов трудоустройства иностранных граждан, контроль за соблюдением ими законности в отношении работников и выполнении достигнутых договоренностей.

Программы по организованному привлечению иностранных работников действуют в странах Персидского залива, в Германии, Канаде и других государствах. Из исследований зарубежного опыта можно сделать вывод о том, что меры, направленные на привлечение иностранных работников, необходимо применять с особой осторожностью, поскольку въезд мигрантов даже на ограниченный срок может иметь значительные социальные последствия. Невозможно ограничить иностранных граждан исключительно выполнением экономической функции. Они, пусть даже временно, становятся частью общества Российской Федерации. Их адаптация и интеграция в общество процесс необратимый, который происходит естественным путем и в значительной мере оказывает влияние на социальные явления общества. Меры, предпринимаемые государством в этом вопросе, направлены лишь на создание условий и формирование правового поля его проведения, при которых исключается конфликтность взаимоотношения сторон.

Определенную сложность в осуществлении государственного контроля за реализацией механизма организованного привлечения

иностранных работников создает то обстоятельство, что в механизме привлечения участвуют не только государственные органы и частные организации Российской Федерации, но и иные субъекты, правовая регламентация деятельности которых осуществляется международными правовыми актами и правом государств, на территории которых они осуществляют свою деятельность. Это обусловило потребность в создании международной правовой основы взаимодействия, установлении мер ответственности и порядка их применения.

1 октября 2009 г. Совет руководителей миграционных органов СНГ утвердил «Общие принципы и механизмы организованного привлечения трудящихся-мигрантов для осуществления трудовой деятельности в государствах-участниках СНГ» [Решение Совета руководителей миграционных органов 2009] и рекомендовал их государствам – участникам СНГ. Данный документ применяется государствами при разработке собственных программных документов, а также при разработке или уточнении двусторонних соглашений в области трудовой миграции [Модельное соглашение 2015]. Установленные принципы и механизмы направлены на укрепление взаимного сотрудничества в формировании и развитии общего экономического пространства стран СНГ, обеспечение равного обращения в отношении трудящихся-мигрантов и членов их семей на территориях заинтересованных стран, осуществление перемещения рабочей силы по территориям стран с учетом их национальных интересов и норм международного права.

В частности, указанные общие принципы и механизмы нашли свое отражение в подписаном 5 апреля 2017 г. Соглашении об организованном наборе и привлечении граждан Узбекистана для осуществления временной трудовой деятельности в России, ряде других Соглашений [Распоряжение Правительства Российской Федерации 2014, Распоряжение Правительства Российской Федерации 2019].

Принятие международных актов означает, что создание механизмов организованного привлечения иностранных работников было выведено на федеральный уровень. До этого привлечение и трудоустройство трудовых мигрантов регламентировалось законодательством регионов. Например, Санкт-Петербург перешел к реализации мероприятий по организованному набору в 2014 г. Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 17 июня 2014 г. № 490 была утверждена государственная программа «Содействие занятости населения в Санкт-Петербурге» [Постановление Правительства Санкт-Петербурга 2014]. Эта программа содержит подпрограмму «Трудовая миграция», включающую, помимо прочего, мероприятия по оргнабору, согласно которым должны привлекать только тех трудовых мигрантов, которые действительно востребованы экономикой региона. Обязанности по реализации программы в части осуществления организованного привлечения возложены на Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга.

Со стороны Республики Узбекистан организованным набором граждан занимается Агентство по вопросам внешней трудовой миграции (АВТМ), которое осуществляет свои полномочия во взаимодействии и по соглашению с российской Международной ассоциацией по правовому содействию трудовым мигрантам (Ассоциация).

В обязанности Ассоциации входят трудоустройство граждан Узбекистана, оформление документов, организация питания, проживания и своевременных выплат им заработных плат, т. е. обеспечение полного, в том числе юридического, сопровождения в России набранных по организованному набору мигрантов. Ассоциация выступает как оператор по работе с узбекской стороной, она же является гарантом того, что мигранты в России будут защищены.

В состав Ассоциации входят три российских кадровых агентства, которые находят работодателей, выясняют условия труда, отдыха, проживания, уровень заработной платы и формируют заявку. Заявка отправляется в Узбекистан. Там ее анонсируют как предложение о трудоустройстве и набирают людей на квалификационный отбор.

Домиграционная подготовка граждан проводится АВТМ в Узбекистане на платной основе, что дает основание иностранным гражданам полагаться на ее надлежащее качество. Однако на настоящее время система оценки и контроля за соответствием работников заявленной квалификации не проработана, в связи с чем существует потребность в создании системы независимой межгосударственной экспертной оценки уровня знаний и умений работника, способности выполнения им возложенных на него трудовых обязанностей.

В помощь АВТМ для решения проблемы отсутствия должной квалификации граждан Ассоциация открыла в Узбекистане первый учебный центр, расходы за обучение в котором несет сам мигрант. Однако если, пройдя курс, он окажется трудоустроен в России, деньги за обучение возвратит ему работодатель. В ближайшее время применение на практике данной системы возложения расходов за обучение на работодателей должно прояснить, насколько работодатели будут заинтересованы в оплате обучения будущих работников.

По приезду в Российскую Федерацию мигранты из Узбекистана начинают процедуру оформления патентов. Система организованного набора не содержит механизмов возможности льготного сокращения сроков оформления разрешительных документов. Этот срок занимает до трех недель, в течение которых люди не имеют возможности приступить к работе. Стоит надеяться, что данный вопрос найдет свое разрешение в законодательном порядке, поскольку время проживания без получения доходов оплачивает сам иностранный гражданин либо его работодатель, который затем вычитает расходы из заработной платы, либо иностранный гражданин в нарушение закона приступает к выполнению трудовых обязанностей без оформления.

Проблемой функционирования Ассоциации является отсутствие источников ее финансирования и уставного капитала, поскольку

данная организация является некоммерческой. Фактически она оказывает юридическую помощь на добровольной безвозмездной основе. Для сравнения, в Санкт-Петербурге организованный набор происходит через Государственное автономное учреждение «Центр трудовых ресурсов», которое подведомственно Комитету по труду и занятости населения Санкт-Петербурга. В этой связи вопрос об ответственности Ассоциации за ненадлежащее выполнение своих функций является открытым.

Кроме того, у Ассоциации в частности и в Российской Федерации в целом отсутствует механизм контроля и воздействия на трудовых мигрантов в случае нарушения ими договоренностей с работодателями по прибытию и началу выполнения трудовых обязанностей. У мигрантов отсутствует ответственность за свои действия. Нередки случаи, когда работодатели теряли средства, потраченные на предвыездную подготовку работника, отправку его в Россию и оформление разрешительных документов. В настоящее время прорабатывается вопрос страхования ответственности участников процесса. Уже сейчас, чтобы минимизировать риски работодателей, введен механизм кредитования выезжающих в рамках организованного набора работников государственным узбекским банком.

При формировании механизма организованного привлечения не стоит забывать и о мерах, направленных на стимулирование заинтересованности российских работодателей. Их нежелание оформлять на работу иностранных граждан связано с дополнительной ответственностью за соблюдение не только трудовых, но и миграционных правил, финансовых и организационных затрат на привлечение иностранных работников, с необходимостью учета международных соглашений, дополнительных рисков несения убытков в связи с принятием на работу не соответствующих квалификации сотрудников. Чаще всего проблема заключается в отсутствии в штате работодателей грамотных кадровых работников, имеющих опыт привлечения и оформления на работу иностранных граждан. Работодатели прибегают к услугам компаний, осуществляющих аутстаффинг и аутсорсинг. Вместе с тем данные формы привлечения трудовых мигрантов, как правило, применяются в отношении низкоквалифицированных работников. Услуги компаний оплачиваются работодателями, что влияет на размер заработной платы наемных работников. Кроме того, оформление посредством аутстаффинга и аутсорсинга обуславливает низкую заинтересованность работников в профессиональном развитии, поскольку работник не числится в штате работодателя, рассматривает данное трудоустройство как временное, ему не предоставляются льготы и социальные гарантии, как для остальных сотрудников работодателя, он не имеет возможности карьерного роста.

Таким образом, на настоящее время в Российской Федерации механизм привлечения иностранных работников находится на стадии формирования. Его передача в ведение негосударственного сектора не представляется допустимой, поскольку сфера миграции

содержит в себе потенциальные угрозы национальной безопасности. Со стороны государства требуется повышенный контроль за привлечением иностранных граждан в Российскую Федерацию, так как это затрагивает права и интересы всего общества.

Литература

- Концепция государственной миграционной политики 2018 – Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622.
- Модельное соглашение 2015 – Модельное соглашение «Об организованном наборе граждан для осуществления временной трудовой деятельности на территории СНГ» (Принято в г. Санкт-Петербурге 27 ноября 2015 г. Постановлением 43-5 на 43-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).
- Постановление Правительства Санкт-Петербурга 2014 – Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17 июня 2014 г. № 490.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации 2014 – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2014 г. № 2260-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики об организованном наборе граждан Киргизской Республики для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации».
- Распоряжение Правительства Российской Федерации 2019 – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2019 г. № 755-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации».
- Решение Совета руководителей миграционных органов 2009 – Решение Совета руководителей миграционных органов государств-участников Содружества Независимых Государств от 1 октября 2009 г. «Общие принципы и механизмы организованного привлечения трудящихся-мигрантов для осуществления трудовой деятельности в государствах-участниках Содружества Независимых Государств».

References

- Kontseptciia gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federacii na 2019–2025 gody, utverzhdennoi Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federacii ot 31 oktjabria 2018 g. № 622* [The Concept of the State migration policy of the Russian Federation for 2019–2025, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018, no. 622].
- Modelnoe soglashenie "Ob organizovannom nabore grazhdan dlia osushchestvleniia vremennoi trudovoi deiatelnosti na territorii SNG"* (Priniato v g. Sankt-Peterburge 27 noiabria 2015 g. Postanovleniem 43-5 na 43-m plenarnom zasedanii Mezhpaplamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastneykov SNG) [Model

- Agreement “On the organized recruitment of citizens for temporary work in the CIS” (Adopted in St. Petersburg November 27, 2015 by Resolution 43-5 at the 43^d plenary session of the Inter-Parliamentary Assembly CIS member states)].
- Postanovlenie Pravitelstva Sankt-Peterburga 2014, Postanovlenie Pravitelstva Sankt-Peterburga ot 17 iyunya 2014 g. № 490 [St. Petersburg Government Decree of June 17, 2014 No. 490].
- Rasporiazhenie Pravitelstva Rossiiskoi Federatsii ot 13 noiabria 2014 g. № 2260-r “*O podpisanii Soglasheniia mezhdu Pravitelstvom Rossiiskoi Federatsii i Pravitelstvom Kirgizskoi Respubliki ob organizovannom nabore grazhdan Kirgizskoi Respubliki dlia osushchestvleniia vremennoi trudovoi deiatelnosti na territorii Rossiiskoi Federatsii*” [An order by the Government of the Russian Federation of 13 November 2014, no. 2260-r “On the signing of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Kyrgyz Republic on the organized recruitment of citizens of the Kyrgyz Republic for the to carry out temporary work in the Russian Federation”].
- Rasporiazhenie Pravitelstva Rossiiskoi Federatsii ot 16 apreliia 2019 g. № 755-r “*O podpisanii Soglasheniia mezhdu Pravitelstvom Rossiiskoi Federatsii i Pravitelstvom Respubliki Tadzhikistan ob organizovannom nabore grazhdan Respubliki Tadzhikistan dlia osushchestvleniia vremennoi trudovoi deiatelnosti na territorii Rossiiskoi Federatsii*” [An order by the Government of the Russian Federation of April 16, 2019, no. 755-r “On the signing of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tajikistan on the organized recruitment of citizens of the Republic of Tajikistan for the to carry out temporary work in the Russian Federation”].
- Reshenie Soveta rukovoditelei migratsionnykh organov gosudarstv – uchastneykov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv ot 1 oktiabria 2009 g. “*Obshchie printsiipy i mehanizmy organizovannogo privlecheniia trudiashchikhsia–migrantov dlia osushchestvleniia trudovoi deiatelnosti v gosudarstvakh-uchastneykakh Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv*” [The decision of the Council of Heads of Migration of the Commonwealth of Independent States of 1 October 2009 “General principles and mechanisms for the organized involvement of migrant workers to carry out work in the Commonwealth of Independent States”].

Информация об авторах

Потапенкова Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д.12, irina_aduzova@mail.ru

Ярмонова Елена Николаевна, кандидат юридических наук, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12. yarelenan@yandex.ru

Information about the authors

Irina V. Potapenkova, Cand. of Sci. (Jurisprudence), associate professor, Moscow University of the Russian Interior Ministry, Moscow, Russia, bld. 12, Akademika Volgina St., Moscow, Russia, 117997, irina_aduzova@mail.ru.

Elena N. Yarmonova, Cand. of Sci. (Jurisprudence), Moscow University of the Russian Interior Ministry, Moscow, Russia, bld.12, Akademika Volgina Str., Moscow, Russia, 117997, yarelenan@yandex.ru

УДК 323-17

DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-40-59

Причины этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, или Долгая дискуссия в 30 лет

А.А. Андреев

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, a.a.andreev@spbu.ru*

Аннотация. Статья представляет собой краткий обзор зарубежной научной литературы по постсоветским этнополитическим конфликтам. Автор рассматривает становление и развитие фокуса этнополитологии в отношении причин межэтнического насилия в поздний советский и постсоветский период. Хронологические рамки его формирования начинаются с 1970-х гг., когда формируется общее мнение об изначальной уязвимости мультикультурного и полинационального характера союзного государства. В 1980-е гг. появляются работы, отличающиеся большим аналитическим содержанием, но также скептически рассматривающие будущее единство союзных республик, по большей части ввиду экономических причин. Своего пика дискуссия достигает в конце 1990 – начале 2000-х гг., когда появляются наиболее фундаментальные исследования по межэтническим конфликтам в СССР и на постсоветском пространстве. Ставится вопрос о завершённом характере дискуссии в условиях «замороженного» состояния актуальных этнополитических конфликтов.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, межэтнические конфликты, СССР, союзные республики, кризис в СССР, советская национальная политика

Для цитирования: Андреев А.А. Причины этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, или Долгая дискуссия в 30 лет // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 40–59. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-40-59

Causes of ethno-political conflicts in the post-Soviet space or a long discussion in 30 years

Artem A. Andreev

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
a.a.andreev@spbu.ru*

Abstract. The paper is a brief review of foreign scientific literature on post-Soviet ethno-political conflicts. The author considers the formation and development of the focus of ethno-politology regarding the causes of interethnic violence in the late Soviet and post-Soviet period. The chronological framework of its formation begins in the 1970s, when a common opinion is formed about the initial vulnerability of the multicultural and multinational nature of the union state. In the 1980s, works appeared differing in great analytical content, but also skeptical about the future unity of the Union republics, mostly due to economic reasons. The discussion reached its peak in the late 1990s – early 2000s, when the most fundamental studies on interethnic conflicts in the USSR and in the post-Soviet space appeared. The question is raised about the completed nature of the discussion in the conditions of a “frozen” state of current ethno-political conflicts.

Keywords: Ethnic and political conflict, interethnic conflicts, USSR, Union republics, crisis in the USSR, Soviet national politics

For citation: Andreev A.A., “Causes of ethno-political conflicts in the post-Soviet space or a long discussion in 30 years”, *Journal of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 40–59, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-40-59

С 1987 г. территории еще формально союзных республик СССР стали аренами боевых действий и острых вооруженных межгражданских противостояний. Ферганские погромы (1989 г.), Карабахская война (1992–1994 гг.), Абхазский и другие конфликты не были неожиданными и вопреки всеобщему мнению не были проявлением так называемого бума или взрыва этничности. Более объективным для данных явлений будет термин «межэтническое насилие», насилие, развивавшееся от бытовых погромов до резни и до полноценных военных действий, где само этническое происхождение заведомо определяло ту или иную линию фронта. Поиск его причин стимулировал дальнейшее развитие этнополитологии в западных странах и в постсоветской России. В данном случае более уместно словосочетание «взрыв интереса к природе межэтнического конфликта», корни которого безусловно лежат за пределами примордиальной межэтнической конкуренции.

К нашему времени, спустя более чем тридцать лет с одного из самых ранних межэтнических конфликтов СССР – Ферганских погромов, накопилась масса научной литературы по войнам на

постсоветском пространстве, давно сформировалась как самостоятельная научная дисциплина этнополитология, завершено формирование ее категориального аппарата, но причины, по которым множество людей по-прежнему готовы взяться за оружие в разных уголках бывшей единой страны, как и прежде, по-настоящему волнуют многих людей.

Наша статья скорее представляет собой научный очерк – ретроспективу изучения советских этнополитических конфликтов в общем и каждого отдельного из них в частности. Автор ни в коем случае не претендует на право подведения итогов, с нашей стороны есть лишь желание обозначить наиболее объективные, по большей части зарубежные, исследования, где рассматриваются причины этнополитических конфликтов в условно хронологическом порядке.

Первым из известных исследователей, предрекавших распад СССР на национальные республики, был, конечно, одиозный Р. Пайпс [Pipes 1977]. Последним же из «предсказателей» будущего роста этнонационализма в СССР был Г. Лапидус: в своем подробном отчете, составленном в ноябре 1984 г., он определил порядка трех маркеров, свидетельствующих о наличии огромного конфликтного потенциала национального вопроса на союзном уровне. Первый маркер, по его словам, это сама этническая идентичность как «одна из самых мощных сил в современной международной политике» [Lapidus 1984, p.1]. И в таком случае сам Г. Лапидус в первооткрыватели «взрывного» характера определяет Дж. Ротшильда – одного из основателей научной дисциплины этнополитологии, приводя его цитату: «...этнический национализм или политизированная этническая принадлежность остается главным мировым идеологическим легитиматором и делигитиматором государств, режимов и правительств» [Rothschild 1981, p.14].

Второй маркер обозначился, когда «вопрос национальности» стал занимать все более видное место в официальной политической повестке, доказательством чему служит речь Ю. Андропова в декабре 1982 г., резко контрастирующая с речью Л.И. Брежнева 1972 г., в которой сообщалось, что национальный вопрос в СССР решен¹. Третий маркер – «экономический» – определялся плановой советской экономикой. Любопытно, что в этом аспекте Г. Лапидус, критикуя централизованную систему распределения ресурсов в СССР и не зная о реалиях налоговой советской политики, верно определил стремление к большей экономической самостоятельности союзных республик накануне 1991 г.

Итоги замороженным конфликтам бывшего СССР в 2001 г. пытался подвести М. Браун. В своей фундаментальной работе «Национализм и этнические конфликты» им было выделено четыре группы причин, стимулирующих развитие внутренних конфликтов

¹ Доклад Л.И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» // Правда. 1972. 22 дек.

в государстве: структурные, политические, социально-экономические и культурно обусловленные.

К первой группе причин он относил «слабость» государства, т. е. внутрисоветские угрозы и этническую географию. Вторая группа включала в себя политические институты дискриминации, национальную идеологию «исключительности», межгрупповую политику, политику элит. Социально-экономические факторы – экономические проблемы, дискриминационная экономическая система, экономическое развитие и модернизация. Последняя группа факторов обозначалась паттернами культурной дискриминации и «проблемной» историей межгрупповых отношений [Nationalism and Ethnic Conflict 2001, p. 5].

Слабыми в классификации М. Брауна являлись государства, «вырезанные» из пространства империй, к таковым, пусть и весьма спорно, он относил и постсоветские страны [Nationalism and Ethnic Conflict 2001, p. 5]. Поскольку их политическим режимам, по его словам, был присущ дефицит легитимности, их государственные границы носили спорный характер и, как следствие, государственные институты власти были не способны контролировать те или иные территории, находившиеся под их лишь формальным контролем. Последние превращались в арену борьбы этнических групп за ресурсы, доступ к которым становился необходимым для их фактического выживания. Зачастую уже гипотетическая перспектива ограничения доступа к таковым приводила к мобилизации одной этнической группы, что воспринималось как существенная угроза для другой. Классическая ситуация «дилеммы безопасности» далее вела к длительному вооруженному конфликту.

По версии М. Брауна, наиболее остро конфликты, порожденные структурными факторами, проявляются, «когда рушатся империи или многонациональные государства» и этнические группы внезапно становятся предоставлены сами себе. Случай Югославии являет собой хороший пример подтверждения данного тезиса. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве подходят для подобного доказательства со значительной долей условности.

Государство уязвимо для развития межгражданского противостояния в период транзита, по мнению Д. Лейтина [Latin 2007, p. 21]. Ослабленное государство теряет свою монополию на насилие, право на нее и власть в целом начинают оспаривать желающие все это заполучить. Одни этнические группы в подобных условиях политической борьбы могут приобрести либо большую самостоятельность в рамках развития автономий, либо в итоге добиться полной независимости. Другие группы, находившиеся ранее в более привилегированных условиях, становятся более уязвимыми, что также может провоцировать насилие по отношению к ним. Есть и обратная точка зрения о том, что слабое состояние государства намеренно поддерживается его элитой, поскольку это обеспечивает собственно ее власть как

таковую. Фактически сила политического руководства – в слабости государства [King 2001, p. 547].

Этническое многообразие, этническая карта сами по себе также могут быть причиной будущего гипотетического межэтнического конфликта. В случае с Советским Союзом размеры страны отражались на неравномерном ее экономическом, политическом и, что не менее важно, культурном развитии. Как иронично было замечено П. Кокборном, интеллеktуал в Москве в условиях свободы слова и гласности стал обсуждать творчество Б. Пастернака, а его коллега в Ереване, пользуясь теми же свободами, обратился к наиболее актуальной именно для него проблеме – статусу Нагорного Карабаха [Cockburn 1989, p. 173].

Под этнической картой следует понимать и демографические процессы в стране. За вторую половину XX в. в союзных республиках, прежде всего в Средней Азии и Казахстане, на уровне демографии произошли серьезные перемены. В период между переписями населения 1959 и 1989 гг. можно было наблюдать состояние демографического взрыва у одних национальностей и падение темпов рождаемости у других. При общем росте численности населения «рекордсменами» по первой были таджики, их количество увеличилось на 200%, узбеков – на 176%, азербайджанцев – на 150%, казахов и кыргызов – на 125%, армян и молдаван – на 50%, литовцев и белорусов – на 30 и 26%, украинцев и русских – на 18 и 27%, латышей и эстонцев – на 3 и 4% [Полынов 2010, с. 279]. За переменами в демографии неизбежно последовали и социально-экономические конфликты. В условиях острой конкурентной борьбы за материальные ресурсы экономическая конкуренция неизбежно приобрела черты межэтнического противоречия, ярким тому примером могут служить все те же ферганские погромы либо события в Оше в 1990 г.

Дискуссия велась также и относительно влияния типа политического режима на вероятность развития этнополитического конфликта в стране. Истоки ее встречаются еще в работах американских исследователей 1940-х гг. «Этнический конфликт и предрассудки (стереотипы) в основе противоречат нашим культурным идеалам, свободе и равенству, которые суть нашей демократии», – тенденциозно заявлял в 1945 г. С. Марксон [Marcson 1945, p.164]. Позднее М. Браун обозначил прямую зависимость, когда в закрытых авторитарных системах скорее проявится недовольство обеспечением привилегиями одной этнической группой в ущерб другим группы. Ц. Гительман одно из преимуществ демократической системы видел в децентрализации культурной жизни, которая при отсутствии дискриминации в обществе маргинализирует «политических антрепренеров», стремящихся получить поддержку в той или иной этнической группе для достижения своих частных целей [Gitelman 1992, p.1].

При этом и в условиях демократии сохраняется конфликтный потенциал, если некоторые этнические группы недостаточно представлены в правительстве, судах, армии, полиции и т. д. Транзит

власти обладает большим конфликтным потенциалом. Допускается, что «демократизация» может существенно дестабилизировать ситуацию, даже если в перспективе она может привести к долгосрочной стабильности. Данный тезис о так называемой темной стороне демократии, возникающей, когда «переплетаются» демос и этнос, развил в своей работе М. Манн [Манн 2016, с. 43]. Пришедшие демократическим путем к власти представители одной этнической группы, по его мнению, всегда стремятся закрепить свое лидирующее положение в том числе и путем этнических чисток.

Следующим значимым политическим фактором этнополитического конфликта является национальная идеология страны, когда она дискриминационна по своей сути. З. Снайдер был одним из первых, кто противопоставил свойственный институционализированным демократиям гражданский национализм с внезапным по своей природе хаотичным этнонационализмом [Snyder 1993]. Конфликт становится более вероятен, если преобладают этнические концепции национализма, но и гражданский национализм не является панацеей от межгражданского противостояния. М. Браун для подтверждения приводил в пример Индонезию.

Государственные институты, несмотря на денонсацию союзного договора, функционировали словно ячейки, и исходя из выбранной политической элиты стратегии «наполнялись» этническим или гражданским содержанием. Стратегия, в свою очередь, определялась исключительно условиями и конъюнктурой. В случае же постсоветского пространства трудно согласиться с М. Брауном, что Украина и Республика Казахстан выбрали гражданский национализм в отличие от стран Прибалтики, где опасались пророссийских настроений и ставку сделали на этнонационализм.

Во-первых, Республика Казахстан согласно первой конституции была провозглашена «государством самоопределившейся казахской нации». И к концепции страны для всех казахстанцев вне зависимости от их этнического происхождения и конфессиональной принадлежности перешли в руководстве страны лишь в 1995 г. Во-вторых, мало кто мог в начале 1990-х гг. представить, что спустя 20 с лишним лет после распада в Украине начнется полноценное межгражданское противостояние, в том числе и по причине языковой политики руководства страны.

Одним из самых примитивных объяснений резкого стремления к национальному самоопределению со стороны союзных республик, так называемому буму этничности, была трактовка СССР как последней империи, которую постигла участь подобных же образований [Bialer 1988, 263, 284 pp.]. Зб. Бжезинский писал, что К. Маркс называл Российскую империю царского времени тюрьмой народов², Сталин превратил ее в «кладбище наций», а во время Горбачева она быстро стала «вулканом наций» [Brzezinski 1989/90, p.11].

² В оригинале статьи Бжезинский пишет – «тюрьмой наций».

Концепт «вулканизация», позднее – «балканизация», постсоветского пространства пользовался популярностью в 1990-е гг., особенно среди политически ангажированных исследователей. Одним из обстоятельных его критиков последнего времени можно назвать Р. Брубейкера, называвшего ее теорией «парового котла» национальностей, когда национализм (этнонационализм) считается главной проблемой регионов. По его мнению, этнонациональное насилие в этих регионах не превалирует и вряд ли будет превалировать и «национальные чувства там слабее, национальная идентичность менее проявлена и националистическая политика не так уж и актуальна» [Брубейкер 2017, с. 64].

Помимо «балканизации» были популярны другие подобные публицистические по содержанию термины для обозначения распада СССР – «ливанизация», «оттоманизация» и «условный мирный процесс строительства организации государств» [Амелин 1998]. Все они из-за изначальной попытки провести исторические параллели не полностью отражали реальное содержание дезинтеграционных процессов в СССР.

Экономические факторы, порождающие этнополитический конфликт, это, как и в случае с политическими ограничениями, дефицит доступа к ресурсам для той или иной этнической группы, неравные возможности для роста благосостояния, разрыв между богатыми и бедными (при условии, что он дублирует этнические границы). Модернизация и связанные с ней процессы урбанизации также могут в перспективе привести к межэтнической напряженности и впоследствии к конфликту. Яркими примерами на постсоветском пространстве обоим этим факторам являются самозахваты земли крымскими татарами в Крыму и недвижимости казахской и киргизской молодежи в крупных городах Казахстана и Кыргызстана в 1989–1990 гг.

Общим фактором национальных волнений в Армении, странах Балтии и союзных республиках Средней Азии с 1986 по 1988 г. стало массовое стремление к политической жизни у образованных городских слоев населения, городской элиты. Ошибкой советского руководства стало привлечение их к совместному решению социально-экономических проблем, когда с их стороны было стремление к политической дискуссии о независимости. П. Кокборн еще до распада СССР иронично писал, что Горбачев получил то, что хотел, но не там, где хотел [Cockburn 1989, p. 183]. Перестройка предоставила людям возможность посещать широкие общественные собрания, но в республиках собрания представлены были национальными движениями.

Ранее исследователи более позитивно смотрели на преломление этничности через призму новейшего времени. В США в 1940-е гг., иронизируя над опасениями Э. Дюркгейма относительно прямого влияния нестабильности экономического развития крупнейших мегаполисов на межгрупповые отношения в них, С. Марксон писал, что более рациональным будет для индивидуума ассоциироваться с массами [Marcson 1945, p. 162]. Р. Парк и Л. Вирт считали урбани-

зированной среде горожан свободной от традиционных стереотипов [Park 1915; Wirth 1938].

Политика элит, если брать случай распада СССР с сопутствующими этому процессу этнополитическими конфликтами, безусловно, важный, но не определяющий фактор, поскольку сопровождает развитие проблемы, а не создает ее. На примере событий в Алма-Ате в декабре 1986 г. можно видеть, как не понимали друг друга демократически настроенное союзное руководство и местные национальные представители номенклатуры. М.С. Горбачев, стремясь противодействовать коррупции на уровне первых секретарей республиканских партий, отправил в отставку Д.А. Кунаева и назначил на его место Г.А. Колбина. Шаг, за которым руководство в Москве не видело никакой этнополитики, позднее получил самый широкий резонанс именно в этом ключе. М.С. Горбачев и Е.К. Лигачев стремились создать, как его назвал П. Кокборн, «честное правительство» вместо «коррупцированных олигархий брежневской эпохи», но в итоге сами же реформаторы сыграли важную роль в дестабилизации межэтнических отношений в союзных республиках [Cockburn 1989, p. 174].

Концентрация исключительно на данном политическом факторе может увести нас в сторону антинаучных конспирологических версий. Если мы будем придерживаться субъективистского подхода к распаду СССР, воспринимая его исключительно как результат действий конкретных политических сил и лиц, то за критикой политических лидеров или за обвинениями внешних сил можно не увидеть цельной картины этнополитических процессов, происходивших в реальности.

Экономическому фактору, лежащему в основе действующих и будущих этнополитических конфликтов на территории бывшего СССР, придавал особое значение Ц. Гительман, считавший, что в условиях упадка союзной экономики этнические группы стремились улучшить свое положение за счет выхода из состава государства. Лидеры национальных республик, по его мнению, считали, что больше отдают центру, нежели получают от него [Gitelman 1992, p. 1]. В действительности, если брать во внимание данные по налогообложению в позднее советское время, все было ровно наоборот. Закавказские республики, Казахстан и республики Средней Азии отчисляли в свои бюджеты сто процентов налога на потребление (основного источника советских доходов). В бюджете 1988 г. Узбекская ССР, Казахская ССР и Киргизская ССР совместно получили около 8 миллиардов долларов на развитие. Даже за рубежом было известно о печально низком уровне развития социальной инфраструктуры в самой РСФСР [Cockburn 1989, p. 172]. В целом определенный фаворитизм центра к некоторым республикам наблюдался по налоговым поступлениям. По официальным данным, РСФСР в 1975 г. имела право оставить 42,3% налога с оборота, Украина – 43,3, Латвия – 45,6, Молдавия – 50, Эстония – 59,7, Белоруссия – 68,2, Азербайджан – 69,1, Грузия – 85,9, Таджикистан – 99,1, Киргизия –

93,2, Литва – 99,7, Узбекистан – 99,8, Казахстан и Туркменистан по 100% [Пихоя 2005, с. 409].

Отдельно им рассматривалось влияние процессов модернизации на актуализацию этничности. С одной стороны, урбанизация и индустриализация ведут к аккультурации, поскольку в огромных мегаполисах коллеги по работе и соседи вынуждены находить между собой линии коммуникации. С другой стороны, у них имеется собственное самосознание и осознание собственной, отличной от других культуры. В пример приводилась Канада, где французский национализм сильнее всего представлен не в франкофонном Квебеке, а в мультикультурном Монреале. На постсоветском пространстве аналогичной точкой межэтнической напряженности становится Ферганская долина (в части Узбекистана), где проживают представители большинства этнических групп региона.

Экономическое развитие региона, как считал Гительман, влияет на институализированный характер этнополитической мобилизации, производимой в нем. Так, он во многом ошибочно обозначил национальные движения на западе и юго-западе бывшего СССР как институционализированные, а таковые же в Средней Азии и на Кавказе соответственно как неинституционализированные. На деле же подобных отличий не было, институционализированность была свойственна националистам и Средней Азии, и Кавказа. Такие организации, как казахский «Алаш», узбекский «Бирлик», таджикские «Ру-ба-ру» и «Лали Бадахшон» и изначально общечеркесская «Конфедерация народов Северного Кавказа», являлись этому примером. Их дальнейшая неспособность конкурировать с бывшими представителями партийной номенклатуры скорее говорит о слабой институционализированности, нежели об отсутствии таковой.

Особое место занимает и вопрос природы подобной институционализированности. Советский режим, конечно, подавлял национализм, но в то же время, по словам Р. Брубейкера, он институционализировал территориальную рамку национального и национальность как этническую принадлежность в качестве фундаментальных социальных категорий. Режим неумышленно создал политическое поле, в высшей степени способствующее расцвету национализма [Брубейкер 2017, с. 69]. Таким образом, задолго до эры Горбачева территориальная и этническая национальность была повсеместно институционализирована как социальная и культурная форма.

И далее обеспечение этой формы рамками территории в виде автономной области обеспечило наличие конфликтного потенциала. Территориальная национальная автономия, по мнению С. Корнелла, – основной фактор почти всех этнополитических и межэтнических конфликтов на территории бывшего СССР и Югославии [Cornell 2002, p. 261]. Культурные факторы, провоцирующие конфликт между гражданами разного этнического происхождения и дискриминационные ограничительные меры в отношении языка и культуры, представлены линейно от простых ограничительных

мер в отношении запрета на обучение на родном языке до агрессивной переселенческой и ассимиляционной политики. М. Браун также к культурным факторам причисляет этнические стереотипы, что в данном случае ближе к примордиальной парадигме.

Этностереотипы – одно из свойств проявления этничности, в отношении которого в науке нет единства мнений. Это понятие само по себе уже требует междисциплинарного подхода к его изучению. «Этнический», равно как и «этничность» и их различные определения, уже были освещены в предыдущих главах. Этимологически слово «стереотип» является составным от лат. «стерEOS» (твердый) и «типос» (отпечаток), если дословно, то имеется в виду «твердый отпечаток этничности», что не объясняет, конечно, его значения.

Долгое время слово «стереотип» употреблялось исключительно в отношении печатных форм для газет. В 1922 г. впервые появляется словосочетание «социальный стереотип». В. Липпман, сотрудник Комитета общественной информации, созданного в США в 1917 г., специально для оправдания участия США в Первой мировой войне в глазах населения использовал его в своей знаменитой работе «Общественное мнение». По аналогии с печатным отриском, который тиражирует статью, а фактически мнение ее автора во множестве экземпляров, он пытался объяснить, как формируются картинки, образы и представления у индивидуума и мгновенно распространяются в обществе. Реальность не фиксируется полностью сознанием, «в огромном шумном многоцветии внешнего мира мы вычлениаем то, что уже было определено нашей культурой». «Мы воспринимаем предметы через стереотипы нашей культуры», – пишет В. Липпман [Липпман 2004, с. 40].

В своей работе автор касается и темы этнических стереотипов, пусть напрямую он их так не называет и рассматривает через призму того, что он определяет как «популярная история». Одни и те же исторические эпизоды, такие как диктатура Кромвеля, голод 1847 г. и «Пасхальное восстание 1916 г.», абсолютно по-разному интерпретируются большинством именно англичан и именно ирландцев, что даже отражено на уровне уличных граффити на улицах Ольстера и Белфаста. Здесь дело даже не в трактовке этих событий, пусть она и фактически дублирует этнические границы. Как верно было им замечено, для большинства англичан «это страдания, перенесенные людьми, которых давно нет в живых, и деяния, совершенные в незапамятные времена людьми, с которыми ни у кого из ныне живущих ирландцев или англичан нет никаких реальных связей». Но в сознании любого ирландского патриота эти события были буквально вчера [Липпман 2004, с. 63].

Спустя двадцать лет концепцию Липпмана об «отпечатке» общественного мнения дополнил А.Л. Эдвард четырьмя измерениями стереотипа: содержанием (общие черты, составляющие сам стереотип), единообразием (разделяемое мнение по данным признакам), направ-

лением (позитивный или не позитивный по характеру) и его интенсивностью [Edwards 1940, p. 361].

Исследования этнических стереотипов в США и в Канаде на рубеже веков выявили любопытную тенденцию, отмеченную Девайном, Элиот и Мадоном. Все менее и менее студенты (чаще всего опрашивались именно они в университетских исследованиях) желали высказываться о людях, которых они не знали. И в целом образы представителей иной расы, этнической группы в стереотипных установках отходили от негативных, часто встречавшихся в 1930-е гг. [Devine, Elliot 1995; Madon, Guyl 2001], т. е. были отмечены динамика этнического стереотипа, отсутствие у него константы. Более поздние работы посвящены проблеме перемен на уровне вышеупомянутых измерений этнического стереотипа [Draguns 2007].

Среди российских исследователей проблема этностереотипов, их структуры и их конфликтного потенциала больше привлекала к себе психологов [Душков, 1981; Головин 1998, с. 537; Трусов, Филиппов 1984, с. 17]. В 1980-е гг. к дискуссии присоединились этнографы. Ю.В. Бромлей определял особую этническую специфику обыденного сознания. Стереотип для него – значение, фиксирующее «типичные для членов этноса понятия, знания, умения, нормы поведения» [Бромлей 1983, с. 71], что само по себе больше говорит о статичном, зафиксированном характере свойств этничности. А.К. Байбуурин отмечал «двуплановость стереотипов поведения», когда «с одной стороны, они коренятся в сфере обыденного сознания, другой – в эмпирически наблюдаемом пласте традиционно-бытовой культуры» [Байбуурин 1985]. Им же определялась тесная связь между ритуалом и стереотипным поведением, уходящая в архаику.

Этнографы рассматривали проблемы формирования социальных стереотипов на уровне традиционных обществ. Ввиду этого проблема сохраняет свою актуальность, поскольку механизмы их действия в условиях мультикультурной городской среды изучены не в полной мере. Такие аспекты этнического стереотипа, сформированного в традиционном обществе, как межпоколенческая его передача и его неоспоримый характер, свойственны представителям этнических групп и в условиях современного города.

Одним из неотъемлемых элементов архаики является миф. Мифологическому мышлению свойственны стереотипизация, упрощение действительности, и в целом он основан на редукционистском подходе [Шнирельман 2000, с. 14]. Трагические события XX в. показали, к каким последствиям может привести использование мифа в качестве инструмента строительства национальной идеологии [Геллнер 1991, с. 88].

Э.А. Паин и А.А. Попов видели в предпосылках к межэтническим конфликтам позднего СССР наличие «конфликта психологических стереотипов». На примере сумгаитской трагедии и ферганских погромов они рассматривали стадию, когда этнические группы могут еще четко не осознавать причины противоречий, но в отношении

оппонента создают негативный образ «недружественного соседа», «нежелательной группы» [Паин, Попов 1990, с. 5]. Подобных психологических стереотипов выделялось ими два: первый определял рост этнической замкнутости, второй – развитие этнической подозрительности, быстро трансформирующейся в этническую враждебность [Паин, Попов 1990, с. 5]. Главным свойством такого рода конфликтов была стихийность и отсутствие четко выраженного лидерства у представителей обеих сторон.

Одной из отличительных особенностей формы национализма, появившегося на постсоветском пространстве (в большей степени это было характерно для Центральной и Восточной Европы), отмеченной Р. Брубейкером, был «национализирующий» национализм новых независимых государств [Брубейкер 2017, с. 69]. В случае бывшего СССР, они получили юридическую независимость, но сохранили колоссальную зависимость из-за единого экономического пространства и инфраструктуры. Действительно, в риторике новых политических элит вне зависимости от их происхождения, диссидентского (Грузия, Азербайджан) или номенклатурного (Украина, Молдавия), присутствовали требования, предъявляемые от имени «коренной» нации, которая понималась как законный владелец государства. Причем первые подобной аргументацией стремились укрепить свое новое положение, вторые легитимировали свой выход из коммунистической партии и новый статус национальных лидеров.

Подобный «национализирующий» национализм, как показывает практика, приводит к межэтнической напряженности и, как следствие, к крупным этнополитическим конфликтам (конфликт в Южной Осетии, война в Абхазии).

Отдельным острым вопросом остается принципиальная возможность регулирования этнополитических конфликтов. По «теореме невозможности» Р. Брубейкера, национальные конфликты абсолютно неразрешимы, поскольку понятие «нация» принадлежит к категории по сути оспариваемых понятий, хронический конфликт в силу этого имманентен националистической политике, является ее неотъемлемой частью и отсюда нет единого «архитектурного» решения национальных конфликтов и поиск их ни к чему не приведет. Единственное, что возможно, это постепенная утрата ими своей актуальности, когда «простые люди и политические деятели обращаются к другим заботам или когда вырастает новое поколение, которому старые ссоры, по большому счету, безразличны» [Брубейкер 2017, с. 75].

Согласно К. Кингу, неразрешимость этнополитических конфликтов (т. е. переход их в «замороженное» состояние) объясняется двумя экономическими причинами. Первая заключается в том, что со временем после боевых действий происходит «кристаллизация» непризнанных государств и возникает проблема не объединения разорванной страны, а интеграции уже абсолютно разных экономических инфраструктур [King 2001, p. 525]. Развивая данный тезис,

можно дополнить его фактором времени. Чем больше будет сохраняться статус «фиксированного» перемирия без определения статуса, тем сложнее будет объединить экономики двух частей, некогда единой целой экономической системы.

Вторая причина заключается в том, что достигнутые перемирием равновесие и состояние неопределенности выгодно обеим сторонам. Как на уровне общества, так и на уровне элиты. Достижение мира и последующее воссоединение невозможны без одновременного ущемления интересов среди руководства обеих сторон. Данный тезис также заслуживает дополнения: в случае же перспективы улучшения экономического состояния может стимулировать ту или иную сторону к нарушению status quo [King 2001, p. 525]. Например, западный курс, выбранный в Грузии при М. Саакашвили, привел к возобновлению боевых действий в Южной Осетии в 2008 г.

Географическое расположение зоны межэтнического или этнополитического конфликта в конечном итоге оказывало на его развитие прямое влияние. Этнополитические конфликты на территории бывшей Грузинской ССР были непосредственно у границы Российской Федерации, в отличие, например, от Нагорного Карабаха или Приднестровской Молдавской Республики. В этом случае широко известная «триада» Р. Брубейкера как подход к изучению причин конфликтов подходит лишь отчасти. Согласно данной концепции, последние происходят при сочетании трех факторов: национализирующееся общество, национальное (этническое) меньшинство и внешняя родина [Brubaker 1996, p. 4]. В классическом варианте данная модель применима к Карабахскому и Приднестровскому конфликтам. Случаи Абхазии и Южной Осетии вынуждают внести в нее определенные корректировки в виде четвертого компонента – многонационального государства, национальной безопасности и единству которого угрожает наличие этнополитического конфликта непосредственно у его границ.

Во время войны в Южной Осетии в 1991–1992 гг. на стороне Цхинвала воевали добровольцы из Северной Осетии. Во время войны в Абхазии решающий вклад в победу абхазов внесли боевики «Конфедерации народов Северного Кавказа», фактически своеобразный интернационал из представителей Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Чечни, Ингушетии вместе с казачьими формированиями из РФ и армянским батальоном «Баграмян». Угроза дестабилизации обстановки на Северном Кавказе вынуждала Россию содействовать как минимум «заморозке» конфликта до последующего его разрешения.

Завершая общий обзор по исследованию причин – нельзя не упомянуть и трудности взаимопонимания между центром и элитами союзных республик. Когда в Москве пытались проводить демократизацию, а в столицах союзных республик боролись с колониализмом и выступали за национальное самоопределение, в открытые для справедливого и классического выборного процесса верховные

и местные советы, в республиканские органы власти совершенно официально и законно пришли националисты. Они формировали свои политические группы влияния, и их взаимоотношения с Москвой, равно как и действия Москвы в отношении них, все больше рассматривались через призму этнополитики. Фактор этничности, таким образом, приобретал все большее значение к концу 1980-х гг.

В авангарде этнического предпринимательства были страны Прибалтики. В Эстонской ССР 13 апреля 1988 г. впервые появилась сама формулировка национального движения – «народный фронт», авторство которой принадлежит тогдашнему представителю советской номенклатуры Эдгару Саависару. Перспективы будущих политических трансформаций были очевидны для таких деятелей, как он. Это был общий тренд партийных чиновников на местах. Вначале они пытались балансировать между требованиями национальных движений и лояльностью к Москве, но позднее пришли к пониманию, что «перестройка может быть проведена более эффективно и без вмешательства Москвы». Однозначный переход на сторону «национализирующего» национализма был тогда единственным выходом для местных элит, но в итоге все равно не обеспечил длительного нахождения у власти.

Возникает закономерный вопрос: с какого именно времени обозначается подобный спрос на этнонациональность в повседневной жизни союзных республик, когда можно обозначить ее актуализацию? Есть мнение, что это произошло в «брежневский период» (1964–1982 гг.). Л.И. Брежнев, как известно, остановил политику русификации Н.С. Хрущева и инициировал своего рода деволуционный процесс в СССР [Найда 1993, р. 224]. В это время личная лояльность первому секретарю оценивалась выше экономических достижений республики. Знаменитый случай отставки с поста первого секретаря Республики Украина П. Шелеста был скорее единственным исключением. Формально поводом к отставке послужил его перевод на иную должность. Фактически же причиной стало его творчество как историка и литератора. В 1972 г. была опубликована его книга, где были представлены героическое прошлое Запорожской сечи и ее преемственная связь с советской Украиной.

В 1960–1970-е гг. были видны предпосылки последующих масштабных национальных волнений и кризисов межнациональных отношений как минимум на уровне национальных республик. 24 апреля 1965 г. в Ереване состоялся стихийный митинг, посвященный пятидесятилетию резни армянского населения в Османской империи. Советское руководство, с одной стороны, факт трагедии не отрицало, но с другой официального признания геноцида не было. В 1967 г. в Ереване был установлен мемориальный комплекс «Цицернакаберд», в память о погибших армянах в Первую мировую войну. Первый случай самосожжения в знак протеста против «окупационных» властей имел место в Литве, позднее

в годовщину этого события происходили несанкционированные антисоветские митинги в Каунасе.

Подобные редкие случаи не воспринимались как угроза или как недоработки советской национальной политики. В 1972 г. Л.И. Брежнев в докладе, посвященном 50-летию образования СССР, говорил, что «мы полностью решили национальный вопрос в тех его аспектах, в каких он достался нам от дореволюционного прошлого». Вместе с тем было озвучено, что национальный вопрос «выдвигает новые проблемы и задачи» и что «партия постоянно держит эти вопросы в поле зрения, своевременно решает их в интересах всей страны и каждой отдельной республики в интересах коммунистического строительства»³.

Поскольку три из крупнейших этнополитических конфликтов (Ферганские погромы, осетино-ингушский конфликт и войны в Чечне) связаны с радикальными действиями в рамках национальной политики И. Сталина, то их причины следует рассмотреть подробнее. Исследователь П. Полян насчитал 53 сквозные депортационные кампании и около 150 операций в рамках советской переселенческой политики [Полян 2019]. Согласно его классификации, насильственные переселения карачаевцев в 1943 г., калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, турок-месхетинцев в 1944 г. были тотальными депортациями. В этих процессах прослеживаются корни как минимум, трех крупных этнополитических конфликтов: осетино-ингушского 31 октября – 4 ноября 1992 г., ферганских погромов 1989 г. и войны в Чечне 1994–1996 гг. Последняя упоминается здесь, поскольку ряд исследователей не воспринимает ее исключительно как конфликт между федеральным центром и субъектом Федерации [Аклаев 2008, с. 42].

Краткий обзор научной дискуссии по теме этнополитических и межнациональных конфликтов позволяет увидеть влияние на нее концепций социологов первой половины XX в. Далее, в 1970-е гг., для подробного анализа не хватало необходимых статистических данных из СССР, отсюда «прогнозы» того же Р. Пайпса скорее носили характер пожеланий. В более поздних аналитических работах, как, например, у Г. Лapidуса, причины и предпосылки будущих конфликтных точек представлены более объективно, вместе с тем им свойственна излишняя категоричность в аргументации. Наибольший интерес в отношении реалистичности прогноза ввиду верно определенного расхождения политических интересов союзного центра и национальных элит вызывает работа Б. Кокборна. На рубеже столетий в дискуссии зарубежных исследователей была достигнута «золотая середина» между конъюнктурой и научным интересом (т. е. попыткой проанализировать действующие реалии).

³ Доклад Л.И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» // Правда. 1972. 22 дек.

«Замороженный» характер большинства этнополитических конфликтов на территории бывшего СССР определяет и сохранение актуальности их изучения. По мере обострения ситуации, ввиду их неразрешимого без серьезного внешнего вмешательства характера, вновь будет обозначаться всплеск интереса к их природе и как следствие вновь ожидается «бум» этнополитических исследований.

Литература

- Аклаев 2008 – *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М.: Дело, 2008. 480 с.
- Амелин 1998 – *Амелин В.В.* Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности [Электронный ресурс] // Credo. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Amelin_Konflikt.php (дата обращения 17.12.2019).
- Байбурун 1985 – *Байбурун А.К.* Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционных культур // Советская этнография. 1985. № 2. С. 36–46.
- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография. 1983. № 3. С. 71.
- Брубейкер 2017 – *Брубейкер Р.* Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое изд-во, 2017. 428 с.
- Геллнер 1991 – *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. и ред. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
- Головин 1998 – *Головин С.Ю.* Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 800 с.
- Душков 1981 – *Душков Б.А.* Актуальные проблемы этнической психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 43–54.
- Липшман, 2004 – *Липшман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
- Мани 2016 – *Мани М.* Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. М.: Пятый Рим, 2016. 928 с.
- Паин, Попов 1990 – *Паин Э.А., Попов А.А.* Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. 1990. № 1. С. 3–15.
- Пихоя, 2005 – *Пихоя Р.Г.* Почему распался Советский Союз // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 404–423 с.
- Польнов 2010 – *Польнов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР: вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетей, 2010. 511 с.
- Полян 2019 – *Полян П.* У истоков советской депортационной политики: выселения белых казаков и крупных землевладельцев (1918–1925) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0147/analit01.php> (дата обращения 21.08.2019).
- Трусов, Филиппов 1984 – *Трусов В.П., Филиппов А.С.* Этнические стереотипы // Этническая психология. М., 1984. С. 3–21.
- Шнирельман 2000 – *Шнирельман В.* Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000. С. 12–33.

- Bialer 1988 – *Bialer S.* The conditions of stability in the Soviet Union // Soviet society and culture: Essays in honor of V. Dunham. New York: Routledge, 1988 290 p.
- Brzezinski 1989/90 – *Brzezinski Z.* Post-communist nationalism [Электронный ресурс] // Foreign affairs, 1989/1990. Vol. 68. No. 5. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1989-12-01/post-communist-nationalism> (дата обращения 16.12.2019).
- Brubaker 1996 – *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge University Press, 1996. 216 p.
- Gitelman 1992 – *Gitelman Z.* Ethnopolitics and the Future of the Soviet Union // The Politics of Nationality and the Erosion of the USSR. The MacMillan Press: London, 1992, 1–25 p.
- Cockburn 1989 – *Cockburn P.* Dateline USSR Ethnic Tremors // Foreign Policy. 1989. № 74. P. 168–184.
- Cornell 2002 – *Cornell S.E.* Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective // World Politics. 2002. Vol. 54, no. 2 (Jan). P. 245–276.
- Devine, Elliot 1995 – *Devine P.G., Elliot A.J.* Are Racial Stereotypes Really Fading? The Princeton Trilogy Revisited // Personality & Social Psychology Bulletin. 1995. Vol. 21(11) P. 1139–1150.
- Draguns 2007 – *Draguns J.G.* Empathy across national, cultural, and social barriers // Baltic Journal of Psychology. 2007. Vol. 8. P. 5–20.
- Edwards 1940 – *Edwards A.L.* Studies of Stereotypes: I. The Directionality and Uniformity of Responses to Stereotypes // The Journal of Social Psychology. 1940. № 12. P. 361–365.
- Hajda, 1993 – Hajda L. *Ethnic Politics and Ethnic Conflict In the USSR and the Post-Soviet States* // Humboldt Journal of Social Relations. Vol. 19. № 2. 1993, pp. 193–278.
- King 2001 – *King Ch.* The Benefits of Ethnic War: Understanding Euraisas Unrecognized States // World Politics. Vol. 53. No. 4. 2001. P. 524–552.
- Lapidus, 1984 – *Lapidus G.W.* Ethnonationalism and Political Stability in the U.S.S.R. [Электронный ресурс] // The Final Report to National Council for Soviet and East European Research. URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceer/1984-627-3-Lapidus.pdf> (дата обращения 16.12.2019).
- Latin 2007 – *Latin D.D.* Nations, States, and Violence. New York: Oxford University Press, 2007. 168 p.
- Linden, Simes 1977 – *Linden Carl A. and Simes Dimitri K.* Nationalities, and Nationalism in the USSR: A Soviet Dilemma. Washington, D.C.: Georgetown Center for Strategic and International Studies, 1977.
- Madon, Guyll 2001 – *Madon S., Guyll M.* Ethnic and National Stereotypes: The Princeton Trilogy Revisited and Revised // Personality and Social Psychology Bulletin. 2001. No. 27(8). P. 996–1010.
- Marcson 1945 – *Marcson S.* The Control of Ethnic Conflict // Social Forces. 1945. Vol. 24, no. 2. P. 161–165.
- Nationalism and Ethnic Conflict 2001 – Nationalism and Ethnic Conflict / Ed. by M.E. Brown. Cambridge: Mitt press. 2001. 496 p.
- Park 1994 – *Park R.E.* The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. Chicago: University of Chicago Press, 1915. P. 577–612.
- Carl A. Linden and Dimitri K. Simes (1977), *Nationalities, and Nationalism in the USSR: A Soviet Dilemma*. Washington, D.C.: Georgetown Center for Strategic and International Studies.

- Rothschild 1981 – *Rothschild J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981, 290 p.
- Snyder 1993 – *Snyder J.* Nationalism and the Crisis of the Post-Soviet State // *Survival*. 1993. No. 1 (35). P. 5–26.
- Wirth, 1938 – *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // *American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44, no. 1. P. 1–24.

References

- Aklaev, A.R. (2008), *Etnopoliticheskaya konfliktologiya. Analiz i menedzhment*, [Ethnopolitical conflictology. Analysis and Management], Moscow, Russia.
- Amelin, V.V. (1998), “Ethno-political conflicts: types and forms of manifestation, regional features”, Credo, available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Amelin_Konflikt.php (Accessed 17 August 2019).
- Bajburin, A.K. (1985), “Ethnic aspects of the study of stereotypical forms of behavior and traditional cultures”, *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 36–46.
- Bialer, S. (1988), “The conditions of stability in the Soviet Union”, in *Soviet society and culture: Essays in honor of V. Dunham*. Routledge, New York, USA.
- Brzezinski, Z. (1989/1990), Post-communist nationalism, *Foreign affairs*, vol. 68, no. 5, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1989-12-01/post-communist-nationalism> (Accessed 16 August 2019).
- Bromlej, Yu.V. (1983), “To the question of the influence of the characteristics of the cultural environment on the psyche”, *Sovetskaya etnografiya*, no. 3, pp. 67–75.
- Brown, M.E., ed., (2001), *Nationalism and ethnic conflict*, Mitt press, Cambridge, UK.
- Brubaker, R. (1996), *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge University Press, UK.
- Brubejker, R. (2017), “Myths and fallacies in the study of nationalism”, in *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma* [Myths and fallacies in the study of nationalism], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Cockburn, P. (1989), “Dateline USSR Ethnic Tremors”, *Foreign Policy*, no. 74, pp. 168–184.
- Cornell, S.E. (2002), “Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective”, *World Politics*, vol. 54, no. 2 (Jan., 2002), pp. 245–276.
- Draguns J.G. (2007), “Empathy across national, cultural, and social barriers”, *Baltic Journal of Psychology*, vol. 8, pp. 5–20.
- Gellner, E. (1991), *Nacii i nacionalizm* [Nation and nationalism], Progress, Moscow, Russia.
- Gitelman, Z. (1992), “Ethnopolitics and The Future of the Soviet Union”, in *The Politics of Nationality and the Erosion of the USSR*, The MacMillan Press: London, UK, pp. 1–25.
- Golovin, S.Yu. (1998), *Dictionary of Practical Psychologis*. Minsk: Harvest, pp. 800.
- Devine, P.G., Elliot, A.J. (1995), “Are Racial Stereotypes Really Fading? The Princeton Trilogy Revisited”, *Personality & Social Psychology Bulletin*, vol. 21, no. 11, pp. 1139–1150.
- Dushkov, B.A. (1981), “Actual problems of ethnic psychology”, *Psihologicheskij zhurnal*, vol. 2, no. 5, pp. 43–54.
- Edwards, A.L. (1940), “Studies of Stereotypes: I. The Directionality and Uniformity of Responses to Stereotypes”, *The Journal of Social Psychology*, no. 12, pp. 361–365.

- Hajda, L. (1993), "Ethnic Politics and Ethnic Conflict In the USSR and the Post-Soviet States", *Humboldt Journal of Social Relations*, vol. 19, no. 2, pp. 193–278.
- King, Ch. (2001), "The Benefits of Ethnic War: Understanding Eurasias Unrecognized States", *World Politics*, vol. 53, no. 4, pp. 524–552.
- Lapidus, G.W. (1984), "Ethnonationalism and Political Stability in the U.S.S.R.", The Final Report to National Council For Soviet and East European Research. available at: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/1984-627-3-Lapidus.pdf> (Accessed 16 August 2019).
- Latin, D.D. (2007), *Nations, States, and Violence*, Oxford University Press, New York, USA.
- Linden Carl A. and Simes Dimitri K. (1977), *Nationalities, and Nationalism in the USSR: A Soviet Dilemma*. Washington, D.C.: Georgetown Center for Strategic and International Studies.
- Lippman, U. (2004), Obshchestvennoe mnenie [Public Opinion], Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", Moscow, Russia.
- Madon, S. and Gyll, M. (2001), "Ethnic and National Stereotypes: The Princeton Trilogy Revisited and Revised", *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 27, no. 8, pp. 996–1010.
- Mann, M. (2016), *Temnaya storona demokratii. Obyasnenie etnicheskikh chistok* [The dark side of democracy. About clarification of ethnic cleansing], Pyatyj Rim, Moscow, Russia.
- Marcson, S. (1945), "The control of ethnic conflict", *Social Forces*, vol. 24, no. 2, pp. 161–165.
- Pain, E.A. and Popov, A.A. (1990), "Interethnic conflicts in the USSR", *Sovetskaya etnografiya*, no. 1, pp. 3–15.
- Park, R.E. (1915), *The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Pikhoya, R.G. (2005), "Why the Soviet Union collapsed", in *Tragediya velikoj derzhavy: Nacional'nyj vopros i raspad Sovetskogo soyuza* [The tragedy of a great power: The national question and the collapse of the Soviet Union], Moscow, Russia, pp. 404–423.
- Polynov, M.F. (2010), *Istoricheskie predposylki perestrojki v SSSR: vtoraya polovina 1940 – pervaya polovina 1980-h gg.* [Historical background of perestroika in the USSR: second half of 1940 – first half of the 1980s], Aletejya, Saint-Petersburg, Russia.
- Polyan, P. (2019), *U istokov sovetskoj deportatsionnoi politiki: vyseleniya belykh kazakov i krupnykh zemlevaladel'tsev (1918–1925)* [At the origins of the Soviet deportation policy: the eviction of white Cossacks and large landowners (1918–1925)], available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0147/analit01.php> (Accessed 08 August 2019).
- Rothschild, J. (1981), *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*, Columbia University Press, New York, USA.
- Snyder, J. (1993), "Nationalism and the crisis of the post-Soviet state", *Survival*, vol. 35, no. 1, pp. 5–26.
- Shnirel'man, V. (2000), "The value of the past: ethnocentric historical myths, identity and ethnopolitics", in *Real'nost' etnicheskikh mifov* [The reality of ethnic myths], Moscow, Russia, pp. 12–33.
- Trusov, V.P. and Filippov, A.S. (1984), "Ethnic stereotypes", in *Etnicheskaya psihologiya*. Moscow, Russia, pp. 3–21.
- Wirth, L. (1938), "Urbanism as a Way of Life", *American Journal of Sociology*, vol. 44, no. 1, pp. 1–24.

Информация об авторе

Андреев Артем Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; a.a.andreev@spbu.ru

Information about the author

Artem A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg, Russia, 199034; a.a.andreev@spbu.ru

Факторы возникновения
межэтнических конфликтов
и механизмы урегулирования
(на материалах г. Москвы)

Ф.С. Арония

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, feria.aronia@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются факторы возникновения межэтнических конфликтов и механизмы их урегулирования. Проведен сравнительный анализ роли миграции, этнических диаспор и средств массовой информации в урегулировании межэтнических конфликтов в современной Москве. Рассмотрены особенности функционирования этнических сообществ, как способствующих эффективной политике интеграции, так и сдерживающих ее. Выявлены практическая значимость деятельности диаспор, а также основные сложности в адаптации и интеграции мигрантов.

Ключевые слова: полиэтничность, миграция, адаптация и интеграция мигрантов, этнические диаспоры, национально-культурные автономии, этнические СМИ

Для цитирования: Арония Ф.С. Факторы возникновения межэтнических конфликтов и механизмы урегулирования (на материалах г. Москвы) // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 60–69. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-60-69

Factors of origin of interethnic conflicts
and mechanisms of its regulation
(Moscow experience)

Feride S. Aroniya

Moscow State University, Moscow, Russia, feria.aronia@gmail.com

Abstract. The article is devoted to inter-ethnic conflict triggers and mechanisms of conflict resolution. A comparative analysis of the role of migration, ethnic diasporas and social media in the settlement of inter-ethnic conflicts in modern Moscow is conducted. The features of ethnic communities functioning both contributing to an effective integration policy, and restraining it, are considered. The practical significance of the diasporas functioning, as well as the main difficulties in the adaptation and integration of migrants, is revealed.

Keywords: multi-ethnicity, migration, adaptation and integration of migrants, ethnic diasporas, national-cultural autonomies, ethnic media

For citation: Aroniya F.S. “Factors of origin of interethnic conflicts and mechanisms of its regulation (Moscow experience)”, *Journal of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 60–69, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-60-69

Миграция как один из факторов межэтнической напряженности

Москва – полиэтничный город с ярко выраженным культурным многообразием. Это происходит в результате как миграционных процессов внутри страны (внутренняя миграция), так и иммиграции на территорию Российской Федерации из других государств (внешняя миграция). Миграция оказывает влияние на социальную структуру населения страны. Появляются различные этнические институты – национально-культурные автономии, этнические средства массовой информации, создаются образовательные учреждения с этническим компонентом, появляются новые этнические инфраструктурные объекты и т. д.

В то же время при взаимодействии местного населения с группами инокультурных мигрантов возникает ряд проблем социокультурного характера. Так, факторы миграции оказывают влияние на формирование маргинальных групп населения ввиду неспособности мигрантов занять свое место в социальной и профессиональной структуре принимающего общества, что, в свою очередь, приводит к формированию у части населения бытовой ксенофобии, чему также способствуют средства массовой информации.

Среди факторов маргинализации мигрантов можно выделить следующие: в первую очередь языковой барьер, низкий уровень образования, несоответствие социальных поведенческих правил, норм и обычаев, принятых в данном обществе, стрессовые переживания в связи с новыми условиями жизни и адаптацией к ним, а также принятие местным сообществом и выбор стратегии адаптации. Способность справляться (или не справляться) с этими факторами зависит от ряда личностных качеств, которые формируют индивидуальную способность к адаптации.

Важнейшими элементами неприязни к мигрантам следует считать обвинения в «торговой экспансии», «эксплуатации местного населения», занятии социальных позиций и ролей, которые явно обеспечивают мигрантам достижение благ, расцениваемых как недоступные основной массе местного населения. Также в формировании представления о мигрантах играют роль количественные показатели, которые указывают на уровень образования, доход, семейное положение, занятость представителей данной социальной группы в Москве [Соснина 2012].

В этой связи существует проблема интегрирования всех существующих в Москве этнических групп в единое политическое целое на основе общей (гражданской, национальной или патриотической) идентичности, более широкой, чем этническая идентичность. Этническая принадлежность индивида никоим образом не должна влиять на объем его политических прав, свобод и обязанностей как гражданина или подданного государства. Политика интеграции означает подчеркивание равенства представителей различных этнических групп в политических правах и экономических возможностях, через организованную систему мер по преодолению любых проявлений сегрегации, борьбу с дискриминацией по этническому признаку со стороны большинства и преодоление хотя бы наиболее вопиющих проявлений ксенофобии и экстремизма. Эта проблема проявляется в мегаполисах России, особенно в Москве.

Для понимания того, как происходит процесс интеграции мигрантов и происходит ли он вообще, необходимы информация по достаточно обширному перечню показателей, характеризующих степень вовлеченности мигрантов в разные сферы общественной жизни, а также сравнительный анализ коренного населения и мигрантов по таким ключевым показателям, как положение на рынке труда, доступность образования, участие в общественно-политической жизни, противодействие дискриминации, получение гражданства, воссоединение с семьей, решение вопросов долгосрочного пребывания [Модели интеграции 2013]. В международной практике такая информация рассчитывается через индекс MIPEX (Migrant Integration Policy Index – Индекс интеграции мигрантов), который позволяет оценить национальную политику содействия интеграции мигрантов и позволяет провести сравнительный анализ. Индекс интеграционной политики (MIPEX) составляется консорциумом европейских организаций во главе с Migration Policy Group. В соответствии с методикой MIPEX «интеграция» интерпретируется как соблюдение принципа равных возможностей, таким образом, в странах-лидерах рейтинга разрыв в правах и возможностях граждан и иммигрантов минимален. В 2010 г. в итоговый рейтинг вошли 33 государства: 25 стран ЕС плюс Канада, Норвегия, Швейцария, Болгария, Румыния, США, Австралия и Япония. В соответствии с методикой расчета индекса термин «мигрант» относится к выходцам из стран, не входящих в состав ЕС, легально находящимся на территории одной из стран ЕС. Законодательство оценивается исходя из его соответствия Конвенциям Совета Европы и Директивам Европейского Сообщества [Швеция 2015]. В России подобной системы получения такой информации нет.

Основными сложностями в реализации социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в России являются:

- отсутствие определенного федерального органа исполнительной власти, целенаправленно работающего в сфере адаптации и интеграции мигрантов;
- отсутствие нормативно-правовой базы;

- отсутствие единой методологической базы в данной сфере;
- недостаточное финансовое обеспечение государственных программ;
- отсутствие мотивации и заинтересованности мигрантов в вопросах социальной адаптации в российском обществе.

Вовлеченность высших учебных заведений в вопросы работы с мигрантами ограничивается проведением экзаменов и выдачей сертификатов о владении русским языком, знании истории и основ законодательства Российской Федерации, а также работой со студентами, прибывшими в страну с целью получения высшего образования. Ограниченным числом высших учебных заведений Российской Федерации проводятся культурные мероприятия и форумы, направленные на социокультурную адаптацию и интеграцию мигрантов.

В связи с тем, что большинство прибывающих мигрантов являются выходцами из среднеазиатских стран, традиционно исповедующих ислам, духовными управлениями мусульман в рамках пятничной проповеди отводится время на наставления прибывшим в страну мигрантам; работают учебные медресе, где могут обучаться дети мигрантов.

В условиях слабости государственной политики интеграции мигрантов функции по адаптации и интеграции мигрантов берут на себя негосударственные структуры: институты гражданского общества, правозащитные организации, оказывающие мигрантам разного рода консультационные и юридические услуги, рабочие коллективы, ассоциации мигрантов, диаспоры, этнический бизнес, а также теневые структуры, в немалой степени способствующие тому, что миграция в Россию носит в подавляющей своей части нерегистрируемый, нелегальный характер.

Этнические диаспоры и межэтнические конфликты

Изменения в структуре населения Москвы повлекли за собой образование новых организаций по межэтническому направлению, а также повышение активности уже имеющих опыт в данной сфере организаций. Функционирование государственных институтов, а также общественных сообществ главным образом направлено на поддержание межэтнического порядка в рамках поликультурного пространства столицы. Постоянный приток мигрантов, принадлежащих тому или иному этносу, влечет за собой формирование и развитие специализированных сообществ и диаспор независимо от деятельности государственных органов в отношении осуществления политики интеграции мигрантов. Диаспоры действуют на основе принципа этнической солидарности, тем самым предоставляя поддержку в инокультурном, пока малознакомом пространстве.

Подобные сообщества возникли в Москве за короткий промежуток времени, являя собой активистов и лидеров, способных оказать помощь в отстаивании собственных прав и приспособлении к жизни в иноэтнической среде. Образование этнических диаспор привело к формированию молодых этнических элит, которые, в свою очередь, имеют своей целью привлечь больше мигрантов в данные сообщества. Посредством таких общин мигранты смогут сосуществовать и действовать слаженно в отношении коллективных интересов в принимающем обществе.

Лидеры этнических сообществ реализуют все необходимые шаги на пути к собственному видению сосуществования в принимающем обществе и отстаивают групповые интересы. Они также координируют общее функционирование сообщества, поддерживают связи с этнической родиной, объединяют земляков и выступают за сохранение земляческих общин в инокультурном пространстве и соблюдение их прав. Нередко также имеет место использование лидерами этнонациональных чувств членов общин в собственных интересах, иными словами, манипулирование.

Этнические объединения могут существовать в форме национально-культурных сообществ, диаспор. В отношении количества приверженцев общины следует упомянуть, что нередко цифры носят лишь теоретический характер, поскольку на практике реальных участников группы может быть намного меньше: некоторые мигранты не поставлены в известность об их принадлежности к общине [Этническое и религиозное многообразие 2017].

В столице на данный момент на учете находится большой список подобных этнонациональных общественных организаций, подразделяемых на региональные, межрегиональные, общероссийские и международные. В свою очередь в их составе находятся национально-культурные автономии (НКА), национальные общественные объединения (НОО) и др.

Исходя из этого можно сделать вывод, что государственные институты никоим образом не препятствуют образованию поликультурного пространства в столице. Напротив, власти способствуют развитию этнической инфраструктуры, поддерживая важность культурного многообразия не только морально, но и финансово и юридически. Более того, широкая поддержка оказывается подобным сообществам в сфере культуры: проводятся массовые этнические мероприятия. Также выделяются государственные субсидии на финансирование общественно-эффективных проектов и предоставляются налоговые льготы.

Степень открытости принимающего общества, а также возможность применения различных институциональных каналов с целью формулирования и выражения интересов меньшинств оказывают существенное влияние на политическую мобилизацию мигрантов в различных формах в отношении защиты групповых интересов в инонациональной среде.

Особую значимость в отношении интеграции мигрантов приобретает последовательное изучение процессов становления и развития сообществ и диаспор, образованных данным слоем населения. Они, в свою очередь, могут двояко влиять на течение процессов политики интеграции: способствовать, либо препятствовать деятельности в отношении интеграции.

Москва характеризуется поликультурностью и имеет в составе населения представителей титульных народов бывших союзных республик. На данный момент представляется необходимым сформировать четкое понимание относительно воздействия подобных общин на политику интеграции мигрантов, а также на поддержание гражданского мира.

Эксперты прослеживают обратно пропорциональную связь между деятельностью этнических диаспор в координировании миграционных процессов и государственным вкладом в их эффективное регулирование. Иначе говоря, в случаях, когда государственные методы регулирования демонстрируют излишнюю усложненность, непрозрачность, а также могут содержать коррупционную составляющую, этнические диаспоры занимают ведущую роль в отношении информационного обеспечения мигрантов, а также способствуют созданию организаций по трудоустройству. Помимо того, диаспора также активно участвует в разрешении бытовых и трудовых вопросов и т. д.

Деятельность диаспоры может носить интеграционный или антиинтеграционный характер. Существенное влияние на данный показатель оказывает уровень с которым диаспора способствует эффективности политики интеграции, а значит, формирует приемлемые условия для интеграции мигрантов в российское поликультурное общество и адаптации в нем [Модели интеграции 2013]. Активность диаспор оказывает основополагающее воздействие на формирование взаимоотношений мигрантов с местным населением. В условиях недостаточного развития официальной миграционной инфраструктуры подобная деятельность со стороны диаспор приобретает особую значимость, поскольку она обеспечивает мигрантов информацией о характерных особенностях пребывания в стране либо в отдельном регионе, а также о возможных угрозах и рисках и способах их предотвращения или по крайней мере минимизации.

Следует отметить, что лидеры этнических диаспор оказывают эффективное содействие в политике интеграции мигрантов самыми различными способами. Они помогают членам общины, разъясняя все характерные особенности и требования миграционного законодательства принимающей страны, содействуют в изучении ее основного языка, оказывают поддержку в отношении трудоустройства, решают вопросы оформления разрешительных документов и многие другие. Однако наряду с добросовестными действиями диаспоры, реализующей интеграционную политику, может также существовать и антиинтеграционная составляющая, которая

будет препятствовать благополучному пребыванию мигрантов на территории принимающей страны. В рамках подобной антиинтеграционной политики может быть недооценена важность изучения русского языка, а жизнь мигрантов, в свою очередь, заключена в обособленную микрогруппу без явной связи с членами принимающего общества, вызывая тем самым некоторую отчужденность в пребывании мигрантов в чужой стране. Такая политика может оказывать содействие трудоустройству приезжих работодателями, широко применяющих принудительный труд и мошенничество. Более того, есть вероятность использования на практике методов психологического давления на приверженцев этнических общин. Такие институты, как этнические сообщества, диаспоры и религиозные организации, должны иметь своей целью предотвращение или минимизацию риска возникновения межэтнических конфликтов, а в ином случае – грамотное разрешение спорных вопросов между сторонами во избежание негативных последствий [Аклаев 2008].

Источником подобных конфликтов нередко является вышеописанная замкнутость этнических общин. Обособленно функционирующая микрогруппа, не формирующая связи с реальным миром вне собственной общности, существующая только по своим внутренним законам и обычаям и иногда даже демонстрирующая их, движется по пути антиинтеграционной политики и мешает мигрантам адаптироваться в иноэтнической среде.

В результате потенциальная помощь земляков превращается в отчужденное сосуществование в отдельной общине и абсолютно не способствует приспособлению к жизни в принимающей стране. Таким образом, мигранты даже не пытаются изучать чужие традиции и обычаи, а также нормы права.

Этнические сообщества нередко самолично создают и поддерживают конфликтные ситуации с другими диаспорами на основе имевшихся давних споров между их странами (например, азербайджанская диаспора нередко сталкивается в противостоянии с армянской диаспорой, что происходит ввиду неразрешенного карабахского конфликта).

Обособленность этнических сообществ в крупном принимающем обществе довольно пагубно влияет на психологическую составляющую адаптивности мигрантов. Более всего это касается младшего поколения мигрантов, поскольку создает объективные трудности в обоюдном адекватном восприятии окружающего мира. Отсутствие желания интегрироваться в местное общество воспринимается местными как вызов или агрессия. Следовательно, сама «интеграция» мигрантов начинается с конфликта вместо грамотного установления контакта и взаимоуважительного сосуществования сторон в поликультурном пространстве, а умы принимающего общества, как результат, присваивают приезжим пороки разнообразного характера. Бездоказательное мнение о высокой преступности со стороны мигрантов, «нерусских», и является таким примером.

Последовательное освоение и изучение такого явления, как диаспора или этническое сообщество, община, которое может характеризоваться двойственностью в отношении к сущности конфликтов, а именно регулировать их или же способствовать их возникновению и стремительному разрастанию, приобретает особую значимость в настоящее время ввиду наличия сложностей в процессах межэтнических взаимоотношений в столице.

Роль и значение СМИ в регулировании межэтнических конфликтов

Средства массовой информации воздействуют на формирование образа субъектов конфликта, влияют на отношение общества к сторонам конфликта, на сознание и эмоции масс, определяют массовые настроения. Для овладения массовым сознанием различные структуры нередко используют национальную проблематику. В этой связи одним из значимых факторов стабильности межэтнических отношений является деятельность СМИ.

Тем не менее следует отметить, что при освещении какого-либо события (зачастую носящего криминальный характер) СМИ нередко акцентируют внимание на этнической составляющей, что, в свою очередь, приводит к формированию отрицательного образа целых народов. Подобные материалы возбуждают чувства гнева и ненависти у описываемого этноса и чувства страха и неуверенности у всех остальных народов, проживающих рядом с ним. В этом заключается конфликтогенный характер деятельности СМИ. Подчеркивая этнический фактор, СМИ внедряют в массовое сознание конфликтные идеи. Подобные действия СМИ зачастую направлены на придание яркости собственному материалу либо на отвлечение от реальных социально-экономических проблем.

Необходимо учитывать способность этничности в короткие сроки мобилизовать и консолидировать этнос на основе самобытных ценностей не только в направлении гуманизма, но и, при определенных усилиях СМИ, под лозунгами защиты национальных ценностей против «не своих».

Среди форм освящения этничности можно выделить следующие:

- транслирование этнических идей в массовое сознание;
- преувеличение масштаба реальной межнациональной проблемы;
- метод «затрагивания», т. е. попытка воздействовать на подсознание людей;
- метод «смещения акцентов», заключающийся в манипулировании общественным мнением, создании ложных стереотипов и представлений в массовом сознании.

Все это приводит к выводу о том, что СМИ несут ответственность перед обществом за сохранение межэтнической стабильности или расшатывание. Здесь необходимо также отметить деятельность

так называемых этнических СМИ (печатных и интернет-изданий, теле- и радиоканалов, социальных сетей, каналов в мессенджерах), которые создаются активистами той или иной этнической группы. Их деятельность направлена, как правило, на представителей конкретной этнической (или конфессиональной) группы. С одной стороны, «этнические СМИ» могут способствовать сохранению этнической идентичности, но с другой, так же как и федеральные СМИ, могут выполнять идеолого-пропагандистские функции, транслировать идеи, направленные на созидание или разрушение. Подобные издания подконтрольны определенным силам, которые финансируют их деятельность, тем самым определяя вектор направления, имея возможность мобилизовать этническую общность на коллективные действия [Малькова 2004]. Необходимо подчеркнуть, что если бы «этнические СМИ» в полной мере использовали свой потенциал, то могли бы стать важной дискуссионной площадкой представителей этнических меньшинств и принимающего общества.

Подводя итоги, следует отметить рост значимости этнического фактора во многих сферах жизнедеятельности людей, в частности ввиду укоренения представителей различных этнических групп в Москве, увеличения этнических и религиозных институтов, сообществ, диаспор. Сфера национальных отношений наиболее чувствительна к политическим процессам, так как накладывается на нестабильную социально-экономическую ситуацию в стране. В этой связи актуализирована потребность исследования источников, которые ведут к росту межэтнического противостояния.

Литература

- Аклаев 2008 – *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учебное пособие. М., 2008.
- Малькова 2004 – *Малькова В.К.* Республиканская пресса и межнациональные отношения // Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в республиках РФ: Информационный бюллетень. М., 2004. Вып. 5. С. 7.
- Модели интеграции 2013 – Модели интеграции мигрантов в современной России [Электронный ресурс]. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27871/CARIM-East_RR-2013-12.pdf.
- Соснина 2012 – *Соснина И.В.* Социальные аспекты интеграции трудовых мигрантов [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3 URL: www.science-education.ru/103-6441.
- Швеция 2015 – Швеция может перестать быть оазисом для мигрантов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mipex.eu/bfm>.
- Этническое и религиозное многообразие 2017 – Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017.

References

- Aclaev, A.R. (2008), *Etnopoliticheskaia konfliktologiya: Analiz i menedzhment: uchebnoe posobie* [Ethnopolitical conflictology: analysis and management: a learning tool]. Moscow, Russia.
- Tishkov, V.A. and Stepanov, V.V., eds., (2017), *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie* [Russia's ethnic and religious diversity], IEA RAN, Moscow, Russia.
- Malkova, V.K. (2004), "Republican media and inter-ethnic relations" in *Etnopoliticheskaya situatsiya i mezhnatsional'nye otnosheniya v respublikakh RF: Informatsionnyi byulleten'* [Ethnopolitical situation and inter-ethnic relations in Russian republics: Informatcionnyi biulleten'], vol. 5.
- Modeli integratsii migrantov v sovremennoi Rossii* [Models of migrant integration in modern Russia] (2013), available at: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27871/CARIM-East_RR-2013-12.pdf. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0147/analit01.php>
- Sweden (2015), "Sweden may cease to be an oasis for migrants", available at: <http://www.mipex.eu/bfm>.
- Sosnina, I.V. (2012), "Social aspects of migrant labour integration", *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 3, available at: www.science-education.ru/103-6441.

Информация об авторе

Арония Фериде Сосоевна, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4, feria.aronia@gmail.com

Information about the author

Feride S. Aroniya, postgraduate, Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 27, Lomonosov av., Moscow, Russia, 119192, feria.aronia@gmail.com

УДК 342.725

DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-70-82

К вопросу
о законодательном обеспечении языковой
и образовательной политики
в части поддержки сохранения
и изучения родных языков
народов Российской Федерации

А.А. Мальцева

*Тверской государственный университет, Тверь, Россия,
80179@list.ru*

И.А. Монахов

*Тверской государственный университет, Тверь, Россия,
Monakhov.IA@tversu.ru*

Аннотация. В работе представлен обзор результатов экспертно-аналитического исследования по вопросам государственной политики в сфере родных языков народов Российской Федерации, проведенного в интересах Комитета по делам национальностей Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена наличием общенациональной проблемы сохранения родных языков народов, проживающих на территории Российской Федерации, ввиду расширения использования русского языка во всех сферах жизнедеятельности, снижения интереса к традиционным историческим ценностям среди молодежи. Результаты включают в себя анализ действующих нормативно-правовых основ федерального и регионального уровня в сфере родных языков и рекомендации по совершенствованию нормативно-правовых актов, оценку современной образовательной политики по изучению родных языков на всех уровнях образования, ключевые барьеры, препятствующие расширению образования на родных языках и изучения их как самостоятельного предмета, а также предложения, направленные на дальнейшую их интеграцию в образовательный процесс. В исследовании представлен авторский подход к проведению мониторинга региональной языковой политики и ранжированию регионов по уровню ее развития, а также дана оценка подготовки педагогических и научно-педагогических кадров в сфере родных языков на современном этапе.

© Мальцева А.А., Монахов И.А., 2019

По материалам Международной научно-практической конференции «Языковая политика в России и мире», Москва, 2019.

Ключевые слова: родной язык, языковая политика, образовательная политика, законодательство, республика Российской Федерации

Для цитирования: Мальцева А.А., Монахов И.А. К вопросу о законодательном обеспечении языковой и образовательной политики в части поддержки сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 70–82. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-70-82

On the issue of the legislative provision of language and educational policy in support of the preservation and study of native languages of the peoples of the Russian Federation

Anna A. Maltseva,

Tver State University, Tver, Russia, 80179@list.ru

Igor A. Monakhov

Tver State University, Tver, Russia, Monakhov.IA@tversu.ru

Abstract. The paper presents an overview of the results of an expert-analytical study on state policy in the field of native languages of the peoples of the Russian Federation, conducted in the interests of the Committee on nationalities of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The research urgency is caused by the presence of a national problem of preservation of native languages of peoples living on the territory of the Russian Federation, due to expanding use of the Russian language in all spheres of life, the decline of interest in traditional values amongst the youth. The results include an analysis of the existing legal framework of the Federal and regional level in the field of native languages and recommendations for improving regulations, assessment of the current educational policy for the study of native languages at all levels of education, key barriers to the expansion of education in native languages and their study as an independent subject, as well as proposals aimed at their further integration into the educational process. The study presents the author's approach to monitoring the regional language policy and ranking regions by the level of its development, as well as the assessment of the training of pedagogical and scientific-pedagogical personnel in the field of native languages at the present stage.

Keywords: native language, language policy, educational policy, legislation, republic of the Russian Federation

For citation: Maltseva, A.A. and Monakhov, I.A. (2019), "On the issue of the legislative provision of language and educational policy in support of the preservation and study of native languages of the peoples of the Russian Federation", *Journal of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 70–82, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-70-82

В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 277 языков и диалектов, на которых говорят представители 193 народов. Этот факт является значимой предпосылкой для развития и сохранения языкового многообразия. Обеспечение изучения и сохранения родных языков создает условия для поддержания баланса культур на территории страны, укрепления межнационального единства, реализации эффективной национальной политики.

В Российской Федерации сформирована нормативная база в сфере языковой и образовательной политики федерального и регионального уровней (порядка 3 тыс. документов), при этом наиболее значимыми являются Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [О государственном языке Российской Федерации], Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» [О языках народов Российской Федерации], региональные законы о языках и ряд других нормативных документов.

Нормативными актами Российской Федерации установлен правовой статус государственного языка Российской Федерации, государственного языка республик в составе Российской Федерации, языков народов Российской Федерации (в том числе языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока), национального (родного) языка национально-культурной автономии, иностранных языков.

Результаты исследования позволили выявить отдельные нормативные документы федерального уровня и конкретные сферы, связанные с языками народов Российской Федерации, которые нуждаются в корректировке, а именно:

- порядок утверждения норм и правил языков народов Российской Федерации в федеральном законодательстве;
- использование родных языков народов Российской Федерации в информационных надписях и обозначениях на объектах культурного наследия;
- порядок использования родных языков народов Российской Федерации в местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами;
- использование родных языков народов Российской Федерации в сфере информационных технологий;
- регулирование статуса национально-культурной автономии;
- вопросы языкового законодательства, касающиеся иностранных граждан и лиц без гражданства;
- права лиц, находящихся в местах лишения свободы, на использование родного языка;
- ответственность за нарушение законодательства о языках народов Российской Федерации;
- вопросы приобщения детей к родному языку в семейном законодательстве;

- языковые требования в действующих документах о квалификационных требованиях и характеристиках;
- осуществление льготной налоговой политики как инструмента экономической защиты языков и ряд других.

В результате комплексной оценки языкового законодательства субъектов Российской Федерации было выявлено наличие соответствующих нормативных документов в 19 из 22 республик, которые по большей части содержат юридические нормы, соответствующие федеральному законодательству.

Очевидна необходимость дальнейшего совершенствования региональных законов о языках с учетом принципов адекватного отражения нормативно-правовых потребностей и ретрибутивной обеспеченности.

Важным и значимым аспектом является отражение в региональных законах юридических норм, связанных с использованием родных языков народов Российской Федерации в сферах науки и культуры. Существует целесообразность рекомендовать субъектам Российской Федерации, законодательство которых не содержит указанных норм, включить их в законы о языках. Это обеспечит дополнительную основу для расширения правоприменения родных языков в указанных сферах.

Выделенные в региональных законах о языках нормы, которые могут быть использованы как лучшие практики (обучение детей родному языку как гражданский долг родителей; вопросы языка государственной символики и наград; содействие национально-культурному развитию народов и поддержка языков за пределами республик и др.), могут быть рекомендованы для тиражирования, при этом также дополнительно отмечается целесообразность включения ретрибутивных норм, которые будут способствовать адекватному правоприменению и выполнению включенных в законы норм.

Исследование современного языкового законодательства субъектов Российской Федерации позволило выявить отдельные противоречия и лакуны, которые требуют внесения поправок и (или) издания подзаконных актов, конкретизирующих законодательно закрепленные на региональном уровне нормы, а именно:

- отсутствие перечня закрепленных в конституции как государственных языков республики родных языков народов Дагестана;
- отсутствие нормативно закрепленных языковых квалификационных требований (характеристик), на которые имеются ссылки в региональном законодательстве о языках (Республика Коми, Республика Алтай, Республика Марий Эл, Республика Саха [Якутия]);
- отсутствие подзаконных актов республик, определяющих ответственность за нарушение языкового законодательства, при наличии соответствующих отсылок в тексте законов о языках (Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл,

Республика Тыва, Республика Хакасия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика) и ряд других.

Кроме того, в рамках исследования были даны рекомендации по включению отдельных юридических норм в законодательные акты регионального уровня.

В результате анализа наличия языковых норм в административных регламентах по предоставлению услуг гражданам и организациям исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации было установлено недостаточное внимание во многих регионах к данному вопросу и сформулированы рекомендации по внесению изменений в соответствующие документы с учетом необходимости реализовывать права граждан в части использования родных языков народов Российской Федерации.

В рамках исследования на основе изучения правовой основы и ключевых направлений деятельности комиссий по реализации законодательства о языках при муниципальных образованиях районов и городских округов в республиках Татарстан и Башкортостан были выделены лучшие практики и даны рекомендации по тиражированию опыта организации и работы соответствующих комиссий в других субъектах Российской Федерации.

Отдельно были выявлены противоречия между федеральными и региональными нормативными актами в сфере языковой политики, а именно:

- нормативное закрепление в законах отдельных регионов обязательного требования по изучению титульных языков республик, что противоречит закреплённому в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» свободному выбору родного языка для изучения в системе общего образования (Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан);
- наличие в региональных законах о языках ограниченных перечней языков обучения и воспитания, что нарушает права граждан, закреплённые в законодательстве об образовании, на обучение на родном языке в рамках возможностей системы образования (Республика Крым, Республика Саха [Якутия]);
- установление четких соотношений в объемах изучения государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик, что не может быть реализовано в условиях свободного выбора родного языка, государственного языка республики, включая русский (Республика Татарстан, Чеченская Республика);
- противоречия в части статуса государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик Российской Федерации, родных языков народов Российской Федерации и др. (Карачаево-Черкесская Республика, Республика Хакасия, Ненецкий автономный округ);

- наличие в региональном законодательстве неактуализированных юридических прав, не соответствующих на текущий момент требованиям федерального законодательства (г. Москва, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Карелия, Ненецкий автономный округ, Республика Тыва, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра).

Для ликвидации всех выявленных противоречий и лакун в рамках исследования были даны конкретные рекомендации в формате поправок в соответствующие нормативные акты.

Исторический аспект становления и развития нормативно-правовых основ в сфере языковой политики является важной и актуальной тематикой, поскольку позволяет увидеть ключевые вехи ее развития, а также определить причины и последствия ее изменения, что может быть использовано в текущей деятельности в качестве кейсов опыта преобразований в языковой сфере страны и отдельных регионов.

Результаты анализа эволюции нормативно-правовых основ в сфере родных языков народов Российской Федерации позволили сформулировать предложения, которые могут быть транслированы на текущую ситуацию в части нормативно-правового обеспечения функционирования родных языков и совершенствования языковой политики, при этом требуют дальнейшей проработки и публичного обсуждения:

- введение обязательного изучения родных языков (государственных языков республик) в общеобразовательных организациях, которое было принято на этапе языкового федерализма;
- развитие системы национальных учебных заведений, получивших широкое распространение в период становления и развития СССР;
- стимулирование ведения делопроизводства на родных языках (государственных языках республик) на муниципальном уровне, в органах местного самоуправления, что было принято на этапе становления Советского государства;
- расширение практик совершенствования языкового законодательства на региональном уровне с учетом лучших примеров нормотворческой деятельности и судебной практики в отношении законов о языках в других субъектах Российской Федерации.

Анализ судебных решений по вопросам использования родных языков позволил выявить несколько сфер, в которых судебными органами устанавливаются факты нарушения языковых прав граждан:

а) уголовное судопроизводство – нарушение прав участников уголовного судопроизводства, не владеющих или недостаточно владеющих языком, на котором ведется производство по уголовному делу, имеющих право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или

другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика;

б) гражданское судопроизводство – нарушение прав участников гражданского судопроизводства, не владеющих языком судопроизводства, которым гарантируется право давать объяснения, заключения, выступать, заявлять ходатайства, подавать жалобы на родном языке или на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика;

в) арбитражное судопроизводство – в части обязательности требования о переводе на русский язык представляемых в суд письменных доказательств, исполненных полностью или частично на иностранном языке;

г) трудовое законодательство – в части отсутствия отдельных наименований должностей, профессий или специальностей и квалификационных требований к ним в квалификационных справочниках или профессиональных стандартах;

д) права потребителя – необходимость перевода на русский язык документов для выплаты страхового возмещения.

Таким образом, права граждан на использование родного языка в уголовном и гражданском судопроизводстве гарантируются российским процессуальным законодательством. Однако, как показывает судебная практика, наиболее проблемным в уголовном судопроизводстве остается вопрос о привлечении квалифицированных переводчиков с родного языка на язык судопроизводства.

Кроме того, в действующем законодательстве не определен порядок привлечения переводчика с редких языков, а также с языков, не имеющих собственной письменности или малописьменных.

В целом анализ правоприменительной практики по вопросам родных языков народов Российской Федерации продемонстрировал невысокое число судебных разбирательств по указанной проблематике. В большинстве своем языковые вопросы не доходят до суда или имеют условный характер, в связи с чем иски остаются без удовлетворения.

При этом остается актуальной проблема контроля за применением языкового законодательства прежде всего в республиках Российской Федерации, что требует регулярности контролируемых мероприятий, проверок, организации эффективного общественного контроля. К числу эффективных органов контроля и реализации превентивных мер нарушения языкового законодательства, в частности, можно отнести муниципальные комиссии по языкам, активно функционирующие в республиках Татарстан и Башкортостан.

Анализ судебной практики судов различных уровней – Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, районных и городских судов [Судебные и нормативные акты] позволил выделить следующие проблемные вопросы в языковой сфере:

а) проблема дискриминации по языковому признаку;

б) определение полномочий субъектов Российской Федерации в таких сферах, как установление графической основы алфавита государственных языков субъекта РФ;

в) проблема реализации прав граждан на прохождение итоговой государственной аттестации по итогам освоения основных общеобразовательных программ среднего (полного) общего образования на родном языке;

г) проблема вступления в силу региональных нормативных правовых актов, которые были официально опубликованы только на государственном языке республики и не опубликованы официально на государственном языке Российской Федерации;

д) обязанность государственных органов, организаций, предприятий и учреждений, расположенных на территории республик в составе Российской Федерации, при оформлении текстов документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок использовать государственный язык Российской Федерации, государственные языки республик и иные языки народов Российской Федерации, определяемые законодательством республик;

е) право органов прокурорского надзора запрашивать у руководителей образовательных организаций документы, необходимые для проведения проверки соблюдения федерального законодательства об образовании, в части обеспечения прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации;

ж) право граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного.

Примеры правоприменительной практики законодательства о родных языках народов Российской Федерации свидетельствуют о том, что факты дискриминации по языковому признаку судебными органами не установлены.

Анализ судебных решений показал, что некоторые региональные нормативные акты содержали положения, которые в нарушение федерального законодательства пересматривали полномочия субъектов РФ в вопросах языковой политики.

На сегодняшний день неурегулированным остается вопрос о так называемом языковом цензе для кандидатов на должность главы республики в составе Российской Федерации.

Наибольшее количество нарушений были выявлены органами прокурорского надзора в отношении реализации образовательными учреждениями права граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного. При этом в республиках были выявлены факты нарушения федерального законодательства об образовании, которое выражалось в том числе в превышении объемов часов, выделенных на изучение государственного языка республики в учебном плане, по сравнению с русским языком.

С учетом того, что инициаторами обращений в органы прокуратуры о проверке законности действий руководства общеобразовательных учреждений становятся родители обучающихся, с целью предупреждения фактов необоснованного привлечения директоров школ к административной ответственности руководителям образовательных организаций следует проводить активную разъяснительную работу среди родителей учащихся по вопросу о возможностях, предоставляемых системой образования для обеспечения выбора родного языка как предмета обучения.

В рамках исследования был проведен анализ статистических данных, фактических материалов, документов, материалов сети Интернет, который позволил выявить барьеры в части поддержки сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации последовательно на каждом уровне образования.

В отечественной системе образования сложились различные модели изучения родных языков на различных уровнях образования, что закреплено в регламентирующих документах федерального и регионального уровней. В системе общего образования отдельными учреждениями реализуется модель обучения на родных языках, кроме того, различаются модели изучения родного языка в рамках основной программы и на факультативах.

В системе профессионального образования модель обучения на родных языках народов Российской Федерации фактически не реализуется, при этом в соответствии с действующими федеральными образовательными стандартами такая возможность существует. Установлено отсутствие требований к освоению родных языков в системе профессионального образования, в отдельных организациях среднего профессионального и высшего образования дисциплина введена в учебные планы инициативно. Кроме того, выделяются отдельные направления подготовки, непосредственно связанные с родными языками, что обуславливает наличие широкого спектра профильных дисциплин в соответствующих учебных планах.

Анализ статистических данных числа воспитанников дошкольных образовательных учреждений и учащихся средних общеобразовательных школ позволил выявить отдельные негативные тенденции, связанные с сокращением числа групп (классов), в которых обучение ведется на родных языках народов Российской Федерации, при этом в ряде случаев увеличивается число школьников, изучавших родной язык как общеобразовательный предмет.

Выявленные барьеры были условно разделены на нормативно-правовые, ресурсные, кадровые, финансовые, информационные, мотивационные.

Нормативно-правовые барьеры в большей степени касаются вопросов недостаточной проработки ФГОС, а также связаны с вопросами разработки локальных нормативных актов образовательных организаций.

Ресурсные барьеры обусловлены недостатком учебных и учебно-методических материалов по родным языкам, примерных программ учебных предметов.

Кадровые барьеры определяются спецификой дисциплин, связанных с родными языками, и неукомплектованностью штатов преподавателей по конкретным языкам и в отдельных регионах, а также отсутствием в ряде случаев специализированной подготовки педагогических кадров для различных уровней образования.

Особо выделяются мотивационные барьеры, связанные с недостаточной заинтересованностью школьников (студентов) в изучении родных языков ввиду широкого распространения русского и английского языков.

В рамках исследования были выделены федеральные органы исполнительной власти, в сферу полномочий которых входят вопросы реализации языковой политики, и дана оценка их деятельности на основании нормативных и отчетных документов. Констатируется рассредоточенность ответственности по отдельным вопросам, связанным с родными языками, между министерствами и ведомствами, что продемонстрировало целесообразность усиления координации их действий в рамках выбранной структуры.

Оценка реализации языковой политики в регионах проводилась на основе анализа реализуемых государственных программ и с использованием разработанной системы показателей. Результатом исследования стал пилотный рейтинг субъектов Российской Федерации, позволяющий дать оценку политики региональных властей субъектов Российской Федерации по вопросам языковой и образовательной политики в части поддержки, сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации.

Система подготовки педагогических кадров в сфере родных языков народов Российской Федерации была выделена в отдельный раздел исследования вследствие актуальности и значимости проблемы на современном этапе. Была проведена оценка статистических показателей в динамике в части приема и выпуска по программам бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, а также защит кандидатских и докторских диссертаций. В настоящее время в стране имеются возможности подготовки педагогических кадров для преподавания родных языков и литературы на различных уровнях образования, при этом обоснована целесообразность расширения спектра направлений подготовки, а также развития системы дополнительного образования педагогических работников. Существует необходимость стимулирования педагогических кадров в сфере родных языков с использованием как материальных, так и других мотивационных факторов.

Анализ деятельности научных фондов (РНФ, РФФИ) продемонстрировал наличие направлений грантовой поддержки исследователей по тематикам родных языков народов Российской Федерации, при этом внимание к проблеме, активность ученых и объемы соответствующего финансирования существенно ниже,

чем по вопросам русского языка. В рамках исследования даны предложения по расширению числа профильных научных конкурсов и вовлечению большего числа заинтересованных в развитии научных исследований в сфере родных языков ученых.

Отдельно выделена активность специализированных фондов, предоставляющих грантовую поддержку некоммерческим организациям, в том числе по тематикам сохранения и популяризации родных языков народов Российской Федерации и традиционной культуры. Выявлено достаточно большое число проектов, профинансированных Фондом президентских грантов для НКО [Фонд президентских грантов].

Авторами были разработаны мероприятия, направленные на снижение барьеров в сфере изучения и сохранения родных языков, а также остроты других проблем, связанных с функционированием родных языков на территории Российской Федерации.

К числу ключевых мероприятий отнесены вопросы нормативного регулирования образовательной деятельности, в частности обоснована необходимость уточнения отдельных формулировок действующих и проектируемых ФГОС, а также требований к экспертизе учебников на федеральном уровне. На основе проведенного анализа системы стимулирования педагогических работников в сфере родных языков даны предложения по нормативному закреплению на уровне субъектов Российской Федерации положений, связанных со стимулирующими и компенсационными выплатами, а также проведению конкурсов педагогического мастерства регионального и федерального уровней.

В качестве мотивационных факторов для студентов и школьников предложено развитие системы олимпиад и профильных конкурсов, грантов и стипендий для успешно освоивших курсы родных языков народов Российской Федерации.

Отдельно выделяются предложения по нормативному закреплению и практическому внедрению системы добровольной сертификации по родным языкам народов Российской Федерации, государственным языкам республик. Подобный пилотный проект реализуется сегодня на территории Республики Татарстан.

Разработанные предложения могут стать основанием для подготовки пакета документов и фактического внесения их на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Они могут стимулировать инициативы субъектов Российской Федерации по гармонизации собственного языкового законодательства с юридическими нормами федерального уровня, а также ввести дополнительные положения, направленные на развитие языковой политики в регионе.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках Государственного контракта от 06.05.2019 № 01731000096190000250001 на оказание услуг по проведению экспертно–аналитических исследований по теме «Совершенствование законодательного обеспечения языковой и образовательной политики в части поддержки сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации (федеральный и региональный аспекты)».

Acknowledgements

The article was prepared under the State Contract of 06.05.2019 No. 01731000096190000250001 for the provision of expert-analytical research on the topic “Improving the legislative provision of language and education policy in support of the preservation and study of the native languages of the peoples of the Russian Federation (federal and regional aspects)”.

Literatura

- О государственном языке Российской Федерации 2005 – Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102092715>
- О языках народов Российской Федерации 1991 – Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102012883>
- Судебные и нормативные акты – Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru>
- Фонд президентских грантов – Официальный сайт Фонда грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества [Электронный ресурс]. URL: <https://xn-80afcdbalict6afooklqi5o.xn-p1ai>

References

- Ofitsialnyi sait Fonda grantov Prezidenta Rossiiskoi Federatsii na razvitie grazhdanskogo obshchestva* [Official website of the Presidential Foundation for the Development of Civil Society] (2019), available at: <https://xn-80afcdbalict6afooklqi5o.xn-p1ai>
- Federalnyi zakon ot 01.06.2005 № 53-FZ “O gosudarstvennom iazyke Rossiiskoi Federatsii”* [On the State Language of the Russian Federation 2005 (Federal Law of 01.06.2005 No. 53-Fz “On the State Language of the Russian Federation”)] (2005), available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102092715>
- Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 25.10.1991 № 1807-1 “O iazykakh narodov Rossiiskoi Federatsii”* [Russian Federation Law of 25.10.1991 No. 1807-1 “On the Languages of the Peoples of the Russian Federation”] (1991), available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102012883>
- Sudebnyi i normativnye akty Rossiiskoi Federatsii [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation] (2019), available at: <https://sudact.ru>

Информация об авторах

Мальцева Анна Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Россия; 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33; 80179@list.ru

Монахов Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет, Тверь, Россия; 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33; Monakhov.IA@tversu.ru

Information about the authors

Anna A. Maltseva, Cand. of Sci. (Economy), associate professor, Tver State University, Tver, Russia; bld. 33, Zhelyabova St., Tver, Russia, 170100; 80179@list.ru

Igor A. Monakhov, Cand. of Sci. (History), Tver State University, Tver, Russia; bld. 33, Zhelyabova St., Tver, Russia; Monakhov.IA@tversu.ru

К вопросу о государственной экспертизе словарей

А.И. Ольховская

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия, aleksandra_olhovskaya@mail.ru*

Аннотация. Учитывая первостепенное значение словаря в области коммуникации, образования и культуры, его следует считать одним из важнейших инструментов языковой политики. В условиях «лексикографического бума» рубежа веков качество выпускаемой словарной продукции заметно снижается, что ставит на повестку дня вопрос профессиональной критики словарей. Объектом рассмотрения в статье выступает экспертиза лексикографического произведения, разработка которой, по мнению автора, относится к числу насущных задач современного языкового строительства.

Предлагается разделить параметры экспертной оценки словарей на две группы – группу общеинформационных и группу собственно лексикографических. Среди параметров первой группы называются достоверность представленной в словаре информации, логика ее развертывания, доступность изложения, мировоззренческое содержание, использование разнообразных знаковых систем и дополнительных поясняющих элементов (иллюстраций, схем, таблиц, графиков), полиграфическое решение, формат реализации и др.

Особый интерес представляют собственно лексикографические параметры, которые касаются свойств, элементов и функций словаря как специфического информационного продукта. К таким параметрам причисляются, например, соразмерность произведения заявленному словарному жанру, степень теоретической разработанности концепции словаря, соответствие лексикографического описания перечню пользовательских запросов, достаточность задействованных в произведении лексикографических параметров, глубина и единообразие словарного описания и др. (всего 17). Каждый параметр снабжается поясняющим комментарием и по возможности примером его применения. В качестве материала для экспертного анализа служат словари русского языка, разнообразные по жанру, типу и времени издания.

Ключевые слова: языковая политика, лексикографическое строительство, лексикография, словарь, экспертиза словарей

Для цитирования: Ольховская А.И. К вопросу о государственной экспертизе словарей // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 83–97. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-83-97

On the issue of state expertise of dictionaries

Aleksandra I. Olkhovskaya

*Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
aleksandra_olhovskaya@mail.ru*

Abstract. There is proposed to divide the parameters of expert evaluation of dictionaries into two groups – a group of general information and a group of lexicographic parameters. Among the parameters of the first group are the reliability of the information presented in the dictionary, the logic of its deployment, the availability of presentation, ideological content, the using various sign systems and additional explanatory elements (illustrations, diagrams, tables, graphs), printing solution, implementation format, etc.

The parameters of second group (lexicographic parameters) are of particular interest to author. They relate to the properties, elements and functions of the dictionary as a specific information product. Such parameters include, for example, the proportionality of the work to the declared vocabulary genre, the theoretical development of the dictionary concept, the correspondence of the lexicographic description to the user queries list, the sufficiency of the lexicographic parameters involved in the dictionary, the depth and uniformity of the dictionary description, etc. (17 in total). Each parameter is provided with an explanatory comment and, if possible, an example of its application. As a material for expert analysis are dictionaries of the Russian, a variety of genre, type and publication time.

Keywords: language policy, lexicographical construction, lexicography, dictionary, dictionaries examination

For citation: Olkhovskaya, A.I. (2019), “On the issue of state expertise of dictionaries”, *Journal of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 83–97, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-83-97

Языковая политика как сфера сознательного воздействия на языковую ситуацию определенной территории располагает собственным инструментарием. Наряду с мероприятиями законодательного, административного и образовательно-просветительского характера в круг ее инструментов входит профессиональная лингвистика. Это вхождение, разумеется, не может быть абсолютным: оно касается прежде всего того лингвистического сектора, который ответственен за сохранение языковой преемственности, распространение языковой нормы и обеспечение межнационального общения. Несложно догадаться, что указанные направления подлежат «юрисдикции» лексикографии.

Из всех разделов науки о языке лексикография отличается наибольшей народностью. По весьма меткому замечанию Ю.Н. Караулова, она «обладает “эффектом представительства” в языкознании» [Караулов 1988, с. 8]. Животрепещущие вопросы наподобие «Как правильно – создал или создал? включен или включён?»

директоры или директора?» носители языка обыкновенно разрешают посредством обращения к словарям. Лексикографическое произведение, кроме того, является фундаментом в области коммуникации и образования: без такого авторитетного источника, как словарь, невозможно ни ведение переводческой деятельности, ни составление учебников и учебных пособий, ни осуществление педагогической и просветительской работы, ни самостоятельное изучение языка. Словарь, наконец, выступает в некотором роде мерилем развития общества: «Не случайно одним из факторов, позволяющих судить о культуре нации, считается наличие академического толкового словаря национального литературного языка» [Козырев, Черняк 2000, с. 8].

Упомянутые свойства и функции словаря делают его мощным орудием языковой политики. Между тем это орудие вряд ли будет эффективным без целенаправленного регулирования лексикографической деятельности на государственном уровне. Иначе говоря, словарное дело требует стратегического строительства. Лексикографическое строительство может быть определено как сфера языковой политики, ответственная за качество выпускаемых словарей, их количество и востребованность со стороны населения. Существуют различные способы воздействия на словарную ситуацию определенной территории – инициация и финансирование необходимых словарных проектов, стимулирование словарно-издательской деятельности, обеспечение справочной литературой образовательных учреждений, проведение выставок словарей и энциклопедий и т. п., – однако конкретный набор мероприятий всегда детерминирован особенностями языковой ситуации текущего момента.

Представляется, что специфика современной культурно-речевой ситуации требует решения трех насущных задач. К ним относятся: 1) проведение кампании по повышению лексикографической культуры носителей языка; 2) создание электронного лексикографического пространства корпусного типа (национального словарного фонда); 3) выработка, насколько это возможно, формализованного алгоритма, техник и процедур экспертизы лексикографического производства. Остановимся подробнее на последней из обозначенных задач.

Необходимость экспертной оценки выпускаемых сегодня словарей в общем и целом обусловлена дефицитом их качества на фоне резкого увеличения количества. На рубеже XX–XXI вв. наблюдается мощный всплеск лексикографической активности, который некоторыми исследователями именуется «лексикографическим бумом». По данным В.А. Козырева и В.Д. Черняк, объем словарной продукции, появившейся в постсоветский период, приблизительно в 2,5 раза превосходит объем таковой, вышедшей за весь предшествующий период развития лексикографии [Козырев, Черняк 2014, с. 8].

Среди причин массивованного наращивания словарных произведений могут быть названы: 1) коммерциализация лексикографической сферы и ослабление «цензуры» профессионального лингвистического сообщества; 2) развитие компьютерных технологий, существ-

венно ускоривших процесс создания словарей, а также 3) наблюдаемые сегодня обновление языка и колебание норм, которые создают ситуацию повышенного интереса общественности к вопросам языковой правильности. Существуют и более частные причины, например девальвация словарного жанра, сущность которой состоит в облечении несловарной информации в столь притягательные словарные одежды. Частными примерами здесь могут служить «Словарь модных слов» [Новиков 2008] или «Словарь “Россия. Russia. Для туристов и не только”» [Михеев 2018], которые являются скорее сборниками эссе рефлекслирующих лингвистов, чем собственно словарями.

Интересно, что инициатива создания словарной экспертизы была выдвинута и поддержана на минувшем заседании Совета по русскому языку при Президенте РФ (5 ноября 2019 г.). В контексте обсуждения данная экспертиза мыслилась как допуск словарей к использованию в образовательном процессе.

К.С. Деревянко: «...в интересах формирования единого языкового образовательного пространства страны, уважаемый Владимир Владимирович, позвольте выступить с инициативой организовать специальную экспертизу и сформировать на ее основе перечень словарей, который будет допущен к использованию в российской школе в образовательном процессе и учащимися, и учителями» [Стенограмма заседания Совета 2019].

Образовательная функция словарных трудов, безусловно, является первостепенной, а потому государственный контроль за школьной и шире – учебной лексикографией необходимо установить в первую очередь. Однако разработка технологии экспертизы позволит оценивать «валидность» результатов лексикографической деятельности в целом и решать тем самым вопросы качества словарей в применении ко всем возможным сферам – перевода, межкультурного взаимодействия, журналистики, редакторского дела, спичрайтинга, контент-менеджмента, наконец, индивидуального пользования.

Параметры экспертизы словарного произведения могут быть разделены на две равно значимые группы – группу общеинформационных и группу собственно лексикографических. Параметры первой группы касаются достоверности представленной в словаре информации, логики ее подачи, доступности изложения, мировоззренческой направленности, использования разнообразных знаковых систем и дополнительных поясняющих элементов (иллюстраций, схем, таблиц, графиков и др.), оформления и полиграфического решения, формата реализации (бумажного или электронного, в открытом или закрытом доступе) и мн. др. Отличительной чертой параметров первой группы служит их применимость без каких-либо изменений в отношении любого другого информационного объекта, будь то учебник, газета или сайт.

Перечень вполне здравых общеинформационных критериев для экспертизы словарей был разработан союзом «Родное слово» и представлен в рамках круглого стола «Словари в российской школе: тре-

бования, потребности, возможности» (Московская городская дума, 09.12.2016 г.). Приведем для примера некоторые из них.

Содержание издания должно быть доступно и понятно читателю независимо от пола, национальности и места жительства; содержание издания должно адекватно отражать достижения науки в соответствующей предметной области; методический аппарат издания должен соответствовать определенной целевой аудитории [Научно обоснованные рекомендации 2016, с. 11, 12, 16].

Параметры второй группы носят более определенный и, что немало важно, собственно лексикографический характер. Они касаются свойств, элементов и функций словаря как специфического информационного продукта и оценивают этот продукт с точки зрения «чистоты» его лингвистического наполнения и удачности «инженерного устройства». Ниже приводится список собственно лексикографических параметров с комментариями, примерами их использования и рекомендациями для эксперта.

- Соответствие произведения жанру словаря

В связи с тем, что сегодня, как уже было сказано, наблюдается склонность к расширенному пониманию словаря, первый вопрос, который должна решать экспертиза, – является ли произведение словарем, или перед нами что-то иное: учебное пособие, сборник эссе, база данных и т. д.? Этот вопрос кажется тривиальным, однако он перестает быть таковым, если мы обратимся к толкованию слова в словарь или к дефиниции соответствующего термина. Большинство критериев, представленных в них, работают как в отношении словарей, так и в отношении псевдословарей, ср.: «собрание слов (или морфем, словосочетаний, идиом и т. п.)», «расположение по определенному принципу», «сведения о значениях, употреблении, происхождении, переводе на другой язык и т. п.» [БЭС 2002]. Единственным функциональным основанием для разграничения словарей и несловарей оказывается справочный характер книги, однако и он не может быть решающим ввиду обтекаемости понятия «справка», поскольку оно обозначает любые сведения, полученные в результате поиска.

А. Степень новизны словарных материалов

Прежде чем обращаться к детальному анализу содержания словаря, следует проверить степень его оригинальности. Опора на предшествующие словари не только простительна, но и необходима в лексикографической деятельности. Тем не менее работа с существующими источниками должна носить характер творческого использования, переработки и переосмысления, в противном случае мы имеем дело с плагиатом и компиляцией.

Б. Соответствие словаря заявленному жанру и типу

Назначение этого параметра состоит в оценке точности выбранного авторами названия словаря в отношении к его реальному содержанию. На основании этого критерия эксперт может задавать такие

вопросы: «Действительно ли перед нами тематический словарь или тематический принцип использован для упорядочения вокабул, но не несет основной информационной нагрузки?»; «Достаточно ли представленной в словаре информации, для того чтобы считать его активным?»; «Является ли данный словарь универсальным? Или это скорее толковый словарь, который так же, как универсальный, отличается полиаспектностью?» и др.

Представляется, например, что замечательный во всех отношениях «Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире» под ред. Н.Ю. Шведовой продолжает линию, намеченную Ю.С. Степановым, и является в большей степени словарем концептов, чем идеографическим словарем. Пристальное внимание авторов к концептосфере отражено и в полном названии произведения, и в предисловии к нему, и в посвященных ему публикациях. «Русский семантический словарь» (также под ред. Н.Ю. Шведовой), напротив, содержит в себе качественное тематическое описание русской лексики, хотя это никак не отражено в его названии.

Несколько слов следует сказать о неясности, связанной с появлением на лексикографической арене универсальных словарей, тем более что за последнее десятилетие они snискали немалую популярность как среди издателей, так и среди читателей. Хотя некоторые труды этого жанра гармоничны и концептуально обоснованы («Большой универсальный словарь» под ред. В.В. Морковкина или «Универсальный словарь (1–4-й классы)» С.В. Зотовой), на книжных полках встречаются и такие, которые едва ли можно считать универсальными. Речь идет о книгах, которые совмещают в себе, часто механически и несбалансированно, ряд разножанровых словарей. Яркими примерами здесь являются «Универсальный словарь по русскому языку: все словари под одной обложкой» неизвестного автора и «Новый школьный универсальный словарь русского языка, 6 самых полезных словарей под одной обложкой» М.М. Бароновой. Во избежание подобного несоответствия необходимо четко обозначить, что отличие универсальных словарей от – назовем их так – комплексных состоит не единственно в количестве задействованных параметров, а в качестве представленной информации, которое достигается синергией словарного описания.

Любопытно, что некоторые словари, вполне соответствуя требованиям лексикографической универсальности, не квалифицируются их авторами как универсальные. Например, в «Толковом словаре русской разговорной речи» под ред. Л.П. Крысина содержится информация и о значении, и о грамматике, и о сочетаемости, и о парадигматике, и о прагматике, однако, как видно из его названия, он отнесен к числу толковых. То же касается «Толкового словаря общего жаргона» О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Р.И. Розиной, в котором помимо уже перечисленных сведений отражены частотность, коннотации, словообразовательное гнездо и этимология.

Вмешательство в вопросы жанровой идентификации словаря может восприниматься как пренебрежение видением автора и его личной волей, однако оно, безусловно, позволит избежать ложной ориентации читателей и приблизить словарную реальность к их ожиданиям.

В. Степень теоретической разработанности концепции словаря

Концепция словаря, как известно, отражается в его предисловии, следовательно, работа эксперта по данному параметру состоит в анализе этой композиционной части. Здесь необходимо обратить внимание на описание лингвистического фундамента, формулировку целей и задач, обозначение адресата, принципы отбора словника, обоснование макро- и микроструктуры и др. Словари без подробных комментариев концептуального характера должны насторожить экспертную группу. Исключение составляют учебные словари, в которых приведение такой информации не всегда уместно; в этом случае следует обратиться к изучению проспекта произведения.

Г. Соответствие лексикографического описания перечню пользовательских запросов

Пользовательский запрос есть «указание на необходимый конкретный категории предполагаемых читателей словаря аспект рассмотрения той или иной языковой единицы, равно как и на целесообразную с точки зрения адресата глубину рассмотрения этого аспекта» [Морковкин 1993, с. 33]. Ориентация лексикографа на перечень пользовательских запросов является ключевым методом настройки словаря на нужды и потребности его читателя. В настоящий момент лишь малая часть современного словарного массива содержит описание, построенное на основании каталогизации пользовательских запросов (например, «Словарь химических терминов» А.П. Гаршина, В.В. Морковкина, «Словарь структурных слов русского языка», «Большой универсальный словарь русского языка» – оба под ред. В.В. Морковкина и некоторые другие). Включение этого критерия в потенциальную лексикографическую экспертизу приведет к осознанному созданию составителями словаря мысленного портрета своей целевой аудитории и эксплицитной формулировке ее языковых запросов, что существенно продвинет антропоцентрическую лексикографию из области теоретических изысканий в область практической реализации. Следует оговориться, что этот параметр нерелевантен для академических описаний, поскольку в этом случае «все решения как содержательные, так и формальные диктуются только особенностями языкового материала, а не ориентацией на целевую аудиторию» [Каленчук 2016, с. 46].

Д. Достаточность для достижения поставленной цели задействованных в описании лексикографических параметров

Необходимость этого критерия обусловлена двумя возможными ситуациями – включением в словарь лишней информации

и систематическим недостатком в словаре необходимых сведений. Первое обстоятельство нельзя отнести к разряду грубых лексикографических нарушений, поскольку любой избыток информации с дидактических позиций может быть прочитан как дополнительный материал, обогащающий личность новыми знаниями. Тем не менее эксперт вправе рекомендовать составителям следовать принципу «бритвы Оккама» и не перегружать словарь ненужной информацией. Вторая ситуация, очевидно, имеет более серьезные последствия – недостаточность использованных параметров не позволяет словарю выполнять его основную функцию. Так, отсутствие иллюстративных примеров в толково-словообразовательном словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой существенно снижает его объяснительную мощь. То же можно сказать о «Словаре паронимов русского языка» Н.П. Колесникова, «Словаре крылатых фраз российского кино» В.С. Елистратова и др.

Е. Глубина лексикографического описания

Под глубиной словарного описания понимается «объем и качество приводимой в словаре информации» [Морковкин 2011, с. 300] по каждому из отобранных лексикографических параметров. Дело в том, что определенный параметр может быть заявлен и реализован в словарной статье, однако его исполнение оказывается таким, что пользователь не способен справиться с возникшим у него затруднением. Типичным примером дефицитной глубины описания могут служить толкования некоторых паронимов: академический – «соблюдающий установившиеся традиции (в науке, искусстве), следующий принципам академизма», академичный – «содержащий элементы академизма» [Вишнякова 1984, с. 22–23]; познать – «приобрести знание, получить истинное представление о ком-чем-л.; постичь, узнать вполне», узнать – «испытать, познать, понять до конца» [Красных 2003, с. 303]. Очевидно, что для носителей языка с неустановившейся языковой компетенцией контрастивная сила приведенных толкований явно недостаточна.

Ж. Единообразие лексикографического описания языковых единиц и категорий

Описывать однотипные единицы единообразно значит соблюдать важную лексикографическую заповедь «подобное всегда и неизменно должно трактоваться в словаре подобно». К примеру, если авторы приняли решение снабжать этимологической справкой заимствованные слова, то каждое заимствование, в том числе не ощущаемое носителями как таковое (из старославянского или других славянских языков), должно получить комментарий о происхождении.

Более сложные примеры касаются однотипного предъявления семантики слов одной тематической принадлежности. В частности, приведенные ниже словарные статьи демонстрируют непоследовательность в отражении многозначности слов, относящихся к группе

«Огородные растения и их плоды». Во-первых, результат регулярного метонимического сдвига 'растение – его плод' в первом случае подается как самостоятельное номерное значение, а во втором – как подзначение, вводимое точкой с запятой. Во-вторых, в первой словарной статье отмечена возможность собирательного употребления единицы, в то время как во второй статье эта информация отсутствует.

КАРТОШКА <...> 1. = Картофель. К. уже зацвела. Окучивать картошку. 2. собир. = Картофель. Сажать, копать картошку. Жареная к. Гнилая к. Печь картошку. 3. = Картофелина. Чугунок вареных картошек.

МОРКОВЬ <...> Огородное растение сем. зонтичных со сладковатым корнеплодом удлинённой формы оранжевого цвета; корнеплод такого растения. Сеять м. Есть м. Консервированная м. [БТС 1998].

3. Эффективность выбранного композиционного решения и порядка расположения материала (макроструктура словаря)

Этот параметр склоняет эксперта обратить внимание на разделы словаря и обоснованность выбранного принципа упорядочения материала. Помимо традиционных разделов, вроде предисловия или списка сокращений, словарь может включать алфавитную и тематическую, объяснительную и демонстрирующую части, методические блоки с упражнениями, разного рода расширения и приложения. В этом случае важно проверить наличие отсылок или других связующих нитей между ними.

Что касается принципов расположения единиц, каждый из них имеет свои достоинства: преимущество алфавитного принципа состоит в скорости наведения справки, гнездового – в лингвистической осмысленности предъявления материала (не разрозненно, а семьями), тематического – в соразмерности человеческому мышлению. Какой бы принцип ни был реализован в словаре, он должен соответствовать цели произведения и удовлетворять запросам пользователей. Предположим, тематическая организация паремий в «Словаре-тезаурусе русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимины вполне уместна, так как задача словаря не толковать входящие в него единицы, а предоставить читателю смысловые поля народной мудрости. В «Словаре антонимов» М.Р. Львова использован промежуточный способ: в порядке алфавита располагаются лишь доминантные пары антонимов, в то время как подчиненные в смысловом отношении противопоставления привязаны к ним на основании гнездового принципа. Так, антонимические пары «наказывать – награждать», «наказание – награда», «наказывать – вознаграждать», «карать – награждать», «кара – награда» располагаются внутри словарной статьи «наказывать – поощрять» [Львов 2008, с. 211]. Разумеется, такая подача материала не лишена логики, однако она может затруднять читателю поиск некоторых антонимов.

И. Достаточность имеющихся входов в словарь

Задача этого параметра – напомнить эксперту, что основной принцип упорядочения материала не всегда полностью решает задачу оперативного поиска информации. В частности, словарь с тематическим расположением единиц обязательно требует алфавитного индекса. Лексикографирование языковых пар, цепочек (синонимов, антонимов, паронимов) и многословных единиц (фразеологизмов, крылатых выражений, коммуникативов) также нуждается в алфавитном указателе и, кроме того, может предполагать многократную отсылочную подачу вокабул.

К. Полнота и релевантность словника словаря (в соотношении с заявленной целью)

Объем запечатленных единиц и их качество не должны расходиться с обозначенным в концепции словаря объектом описания. Оптимальна ситуация, когда пользователь находит в словаре то, что искал, и не сталкивается с тем, чего не искал. Например, удивительно видеть в словаре «Лексические трудности русского языка» такие слова, как *глубокий, журналист, золото, концерт, линия, литература, мнение, музыка, популярный, природа* и т. д. [ЛТ 2003]. Необычно также встречать в словарях паронимов для носителей языка пары созвучных слов, которые никогда не смешиваются в реальной речи (вроде «белеть – белить» или «стеклянный – стекольный»).

Л. Структурированность словарной статьи и логика ее построения (микроструктура словаря)

В рамках данного параметра оценке подлежит визуальная членимость словарной статьи на блоки, ее объем и сбалансированность, последовательность словарных зон, соответствие каждой зоны одному параметру описания, использование разнообразных средств лексикографической эмфазы. Здесь же следует проверять на истинность содержание конкретных словарных зон, т. е. аспектные сведения о вокабуле – о написании, произношении, морфологической парадигме, полисемии, значениях ЛСВ, синонимии, антонимии, паронимии, омонимии, стилистической маркированности, сочетаемости, фразеологической и словообразовательной ценности, морфемной структуре, этимологии, лингвострановедческом фоне. Приведенный список свойств соотносится со словарной статьей максимально полного, универсального словаря, в действительности большинство лексикографических произведений содержит намного меньше информации. Поскольку проверить все словарные статьи принципиально невозможно, разумно сосредоточиться на ограниченном количестве произвольно выбранных элементов. Сведение результатов работы разных экспертов воедино будет способствовать складыванию более или менее объективного мнения об информации, представленной в книге.

М. Соразмерность метаязыка словаря лингвистической и языковой компетенции заявленного пользователя

Очевидно, что первостепенное требование к представленному в словаре описанию – понятность его адресату. С этих позиций вызывает сомнение разумность использования в общих словарях сложной терминологии и специального формального метаязыка, даже если в книге есть необходимые расшифровки и пояснения. То, что уместно в «Толково-комбинаторном словаре» под руководством И.А. Мельчука, не всегда допустимо в словарях для среднестатистических носителей языка.

Н. Объяснительная сила толкования

Толкование – ключевой элемент любого объяснительного словаря, а потому его экспертизе необходимо уделить особое внимание. Следует, в частности, оценить: 1) адекватность типа толкования, выбранного в качестве основного (полный список типов толкований с пояснениями можно найти в [Морковкин, Морковкина 1997, с. 163–172]); 2) масштаб и глубину толкований в отношении к разным классам лексики (раскрытие только сигнификата или также сигнификативного фона, в том числе страноведческого фона); 3) показ в толковании внутренней формы для слов с живой мотивацией 4) отсутствие логических кругов в толкованиях; 5) целесообразность отсылочных толкований и др.

О. Объяснительная сила иллюстративных примеров

Известно, что лексикографу следует принципиально избегать слепых контекстов, т. е. таких, которые не несут существенной информации о значении интерпретируемой единицы. Из двух иллюстративных примеров, приведенных в «Словаре новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой для слова «селфи», один может быть оценен как отвечающий своему назначению («Надо сказать, что селфи появляются даже на страничках социальных сетей вымышленных персонажей. Например, владыка Галактики Дарт Вейдер не мог обойти моду на снимок самого себя» [Шагалова 2017, с. 360]), а второй – как не вполне удачный («Аттракцион быстро стал самым популярным местом в парке: трехмерное “селфи” сделали 140 тыс. человек» [Шагалова 2017, с. 360]). Последний контекст показывает явление в нетипичной для него роли («аттракцион»), приписывает ему не самый обычный атрибут («трехмерный») и не раскрывает его сути.

П. Соответствие помет, условных знаков, сокращений лексикографической традиции

В ситуации отсутствия единого и общепризнанного списка используемых в словарях метаэлементов каждый лексикограф имеет право обращаться к тем, которые кажутся ему наиболее подходящими. Такая свобода, хотя и повышает креативный заряд лексикографической деятельности, в общем и целом имеет негативные послед-

ствия для пользователя, который всякий раз сталкивается с новыми и к тому же дублирующими друг друга способами предъявления однородных сведений. В связи с этим каждое нововведение, будь то знак или помета, должно быть критически осмыслено в контексте словарного наследия. Некоторые лексикографические обыкновения ясны интуитивно без специальных исследований, например, фразеология, как правило, подается после ромба, сведения о происхождении – в квадратных скобках, так называемые подзначения – после двух слешей и т. п. Для выяснения других «обычаев» потребуются специальные статистические подсчеты. Что касается помет, необходимо учитывать, что наряду с явными дублетами (уходящее – устаревающее, новое – неологизм) существуют и такие, которые находятся в отношениях частичного пересечения (официально-деловое – бюрократическое, жаргонное – сленговое, ироническое – шутливое).

Р. Сохранение «целомудренности» русской лексикографии

Этот мировоззренческий по своей сути параметр соответствует стихийно сложившейся в русской лексикографии практике отказа от включения в словари обценной лексики. Казалось бы, сегодня эта традиция теряет актуальность – на это красноречиво указывают позиция некоторых ученых (ср. доводы, приводимые в [Мокиенко 1994]), а также появление разнообразных словарей, фиксирующих табуированную лексику (среди наиболее примечательных – «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химика и «Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной). Несмотря на протекающий процесс лингвистического переосмысления роли и статуса русского мата, последний, как и прежде, не отражается в словарях широкого пользования. Отметим, что в зависимости от целевой аудитории пласт нежелательной лексики может расширяться до бранной и даже просто грубой и вульгарной.

В заключение следует сказать, что разработка и формализация лексикографической экспертизы не только решает актуальные вопросы оценки качества выпускаемых сегодня словарей, но и способствует увеличению гармоничности, цельности и гомогенности русскоязычного словарного пространства. Идеального словаря, конечно, не существует, однако учреждение государственной экспертизы обеспечит пристальное внимание лингвистической общественности к каждому достойному произведению и позволит повысить качество его словарного описания. Приведенный в статье перечень параметров, разумеется, не исчерпывает всех возможных и значимых критериев оценки словарного произведения, однако он намечает собственно лексикографическое направление его экспертизы.

Литература

- БТС 1998 – Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 02.12.2019)
- БЭС 2002 – Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Горкина. СПб.: Большая российская энциклопедия: Норинт, 2002. 1456 с.
- Вишнякова 1984 – *Вишнякова О.В.* Словарь паронимов русского языка. М.: Русский язык, 1984. 352 с.
- Каленчук 2016 – *Каленчук М.Л.* Академический орфоэпический словарь: специфика жанра // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения: Материалы докладов и сообщений международной научной конференции 12–14 декабря 2016 г. М.; СПб.: Нестор–История, 2016. С. 45–46.
- Караулов 1988 – *Караулов Ю.Н.* Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М.: Русский язык, 1988. С. 5–18.
- Козырев, Черняк 2000 – *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. 356 с.
- Козырев, Черняк 2014 – *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1. С. 5–15.
- Красных 2003 – *Красных В.И.* Толковый словарь паронимов русского языка. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 589 с.
- Львов 2008 – *Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2008. 592 с.
- ЛТ 2003 – Лексические трудности русского языка: Словарь-справочник / А.А. Семенюк, И.Л. Городецкая, М.А. Матюшина и др. М.: Русский язык–Медиа, 2003. 586 с.
- Мокиенко 1994 – *Мокиенко В.М.* Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. [Берлин] 1994. № 1/2. С. 50–73.
- Морковкин 1993 – *Морковкин В.В.* О предпосылках системного лексикографирования // Прагматика словаря / Под ред. О.Ю. Богуславской. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1993. С. 30–35.
- Морковкин 1997 – *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: АО «Астра семь», 1997. 414 с.
- Морковкин 2011 – *Морковкин В.В.* О глубине антропоцентрического лексикографирования // III Новиковские чтения: Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: Сб. научных статей. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2011. Ч. 1. С. 299–308.
- Михеев 2018 – *Михеев А.В.* Словарь Россия. Russia. Для туристов и не только. М.: АСТ-Пресс, 2018. 256 с.
- Научно обоснованные рекомендации 2016 – Научно обоснованные рекомендации по лексикографическому обеспечению и сопровождению образовательной деятельности в соответствии с ФГОС [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://xn--80adfe4alise3isb.xn--p1ai/wp-content/uploads/2017/10/recommendations-2017-11.pdf>
- Новиков 2008 – *Новиков В.И.* Новый словарь модных слов. М.: АСТ: Зебра Е., 2008. 192 с.
- Стенограмма заседания Совета 2019 – Стенограмма заседания Совета по русскому языку при Президенте РФ (05.11.2019 г.). Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 28.11.2019)
- Шагалова 2017 – *Шагалова Е.Н.* Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2017. 576 с.

References

- BTS (1998), *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian], ed. S.A. Kuznecov, Norint, SPb., Russia, 1998, 1534 p. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>.
- BJeS (2002) – *Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* [Large encyclopedic dictionary], ed. A.P. Gorkin, Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, Norint, SPb., Russia, 2002. 1456 p.
- Vishnjakova, O.V. (1984) – *Slovar' paronimov russkogo jazyka* [Dictionary of Russian paronyms], Russkij jazyk, Moscow, Russia, 352 p.
- Kalenchuk, M.L. (2016), *Academic orthoepic dictionary: specifics of the genre, in Russkaja leksikografija XXI veka: problemy i sposoby ih reshenija*. Materialy dokladov i soobshhenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 12–14 dekabnja 2016 goda [Russian lexicography of XXI century: problems and solutions. Proceedings of the International scientific conference of December 12–14, 2016], Nestor–Istorija, Moscow, St. Petersburg, Russia, pp. 45–46.
- Karaulov, Ju.N. (1988), “The current state and trends of Russian lexicography, in Sovetskaja leksikografija”, in *Soviet lexicography*, Russkij jazyk, Moscow, Russia, pp. 5–18.
- Kozyrev, V.A. and Chernjak, V.D. (2000), *Vselennaja v alfavitnom porjadke: Očerki o slovarjah russkogo jazyka* [Universe in alphabetical order: Essays on dictionaries of the Russian language], Izdatel'stvo RGPU imeni A.I. Gercena, SPb., Russia, 356 p.
- Kozyrev, V.A., Chernjak, V.D. (2014), “Modern orientations of domestic lexicography”, *Voprosy leksikografii*, no. 1, pp. 5–15.
- Krasnyh, V.I. (2003), *Tolkovyj slovar' paronimov russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Paronyms], OOO “Izdatel'stvo Astrel”.: OOO “Izdatel'stvo AST”, Moscow, Russia, 589 p.
- L'vov, M.R. (2008), *Slovar' antonimov russkogo jazyka* [Dictionary of Russian Antonyms], ed. L.A. Novikov, AST-Press Kniga, Moscow, Russia, 592 p.
- LT (2003), Semenjuk, A.A., Gorodeckaja, I.L. and Matjushina, M.A. *Leksicheskie trudnosti russkogo jazyka: Slovar'-spravochnik* [Lexical difficulties of the Russian language: dictionary-reference], Russkij jazyk–Media, Moscow, Russia, 586 p.
- Mokienko, V.M. (1994), “Russian swear words: censored and obscene”, *Rusistika*, no. 1/2, [Berlin] pp. 50–73.
- Morkovkin, V.V. (1993), “On the premises of systemic lexicography”, in Boguslavskaja, O.Yu. (ed.), *Pragmatika slovarja* [Dictionary Pragmatics], Izdatel'stvo Instituta russkogo jazyka imeni V.V. Vinogradova, Moscow, Russia, pp. 30–35.
- Morkovkin, V.V., Morkovkina, A.V. (1997), *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian agnonyms (words that we do not know)], AO “Astra sem' ”, Moscow, Russia.
- Morkovkin, V.V. (2011), “On the depth of anthropocentric lexicography” in III *Novikovskie chtenija. Funkcional'naja semantika i semiotika znakovyh sistem: Sbornik nauchnyh statej* [III conference in memory of Novikov. Functional semantics and semiotics of sign systems: Collection of scientific articles], Rossijskij universitet družby narodov, part 1, Moscow, Russia, pp. 299–308.
- Miheev, A.V. (2018), *Slovar' Rossija. Russia. Dlja turistov i ne tol'ko* [Dictionary Россия. Russia. For tourists and not only], AST-Press, Moscow, Russia, 256 p.
- Nauchno obosnovannye rekomendacii po leksikograficheskomu obespečeniju i soprovozhdeniju obrazovatel'noj dejatel'nosti v sootvetstvii s FGOS* [Scientifically based recommendations on the lexicographic support and support of educational activities in accordance with the Federal State Educational Standard], Moscow,

- Russia (2016), available at: <http://xn--80adfe4alise3isb.xn--p1ai/wp-content/uploads/2017/10/recommendations-2017-11.pdf>
- Novikov, V.I. (2008), *Novyj slovar' modnyh slov* [New dictionary of trendy words], AST: Zebra E, Moscow, Russia, 192 p.
- Stenogramma zasedanija Soveta (2019), Stenogramma zasedanija Soveta po russkomu jazyku pri Prezidente RF (05.11.2019) [Transcript of a meeting of the Russian Language Council under the President of the Russian Federation of November 5, 2019]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61986>.
- Shagalova, E.N. (2017), *Slovar' novejsih inostrannyh slov* [Dictionary of the latest foreign words], AST-PRESS KNIGA, Moscow, Russia, 576 p.

Информация об авторе:

Ольховская Александра Игоревна, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6; aleksandra_olhovskaya@mail.ru.

Information about the author:

Aleksandra I. Olkhovskaya, Cand. of Sci. (Philology), Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; bld. 6, Akademika Volgina Str., Moscow, Russia, 117485; aleksandra_olhovskaya@mail.ru

Современная языковая политика на Украине: законодательство и реальная действительность (результаты полевых исследований)

М.С. Хмелевский

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, chmelevskij@mail.ru*

О.В. Раина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, raolga80@mail.ru*

А.В. Тоичкина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, t.e.kudrin@yandex.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена современной языковой ситуации на Украине, ее региональному многообразию, лингвистическому анализу, а также вопросу соотносимости конституционально закрепленной официальной языковой политики страны, поддерживаемой украинскими филологами, лингвистами и патриотически настроенными борцами за чистоту украинского языка, с той языковой ситуацией, которая в действительности представляет собой современную картину одного из многомиллионных восточнославянских этносов как результат длительной, исторически обусловленной конвергенции двух близкородственных языков – русского и украинского – вследствие тесного сосуществования двух народов в общем культурологическом и языковом пространстве. Теоретические выводы и заключения, сделанные в статье, иллюстрируются эмпирическим языковым материалом, собранным и зафиксированным нами в ходе многолетних социолингвистических изысканий в области фактического языкового состояния, что представляет собой интерес для славистической науки и описания уникальности украинской языковой и культурной многополярности (в самом широком понимании этого слова) в таком полиэтническом и богатом по своей мозаичности, но в то же время и вообще во всем славянском мире.

Ключевые слова: украинский язык, русский язык, суржик, языковая ситуация, просторечие, языковая политика

Для цитирования: Хмелевский М.С., Раина О.В., Тоичкина А.В. Современная языковая политика на Украине: законодательство и реальная действительность (результаты полевых исследований) // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 98–119. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-98-119

Modern language policy in Ukraine: legislation and reality (field research results)

Mikhail S. Khmelevskii

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
chmelevskij@mail.ru*

Olga V. Raina

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
raolga80@mail.ru*

Alexandra V. Toichkina

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
m.e.kudrin@yandex.ru*

Abstract. The current linguistic situation in Ukraine, which has evolved over the course of several centuries, presents itself as a unique subject for linguistic description and study, differing substantially from analogous examples elsewhere in the Slavic world. Given article deals with still not described in details topic in modern Russian and Slavic Studies, that is functioning of Russian in the capital city – Kyev and the large cities of Ukraine, which de facto have always been and still stay Russian speaking with the exception of Western regions of the country. The study is also devoted to viewing such a phenomenon as a form of linguistic interference within the mixing of two closely related languages.

Keywords: Ukrainian language, Russian language, surzhyk, language situation, colloquial language, language policy.

For citation: Khmelevskii, M.S., Raina, O.V. and Toichkina, A.V., “Modern language policy in Ukraine: legislation and reality (field research results)”, *Journal of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 98–119, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-98-119

Современная языковая ситуация на территории Украины представляет собой интерес для лингвистического и социолингвистического изучения. Обращают на себя внимание прежде всего ее уникальность, сложность, теоретическая противоречивость и региональная разнородность, мозаичность и многоликость. Она осложняется и многими другими факторами, среди которых географический, этнический, культурный, социально-политический и исторический, а также степенью национального самосознания носителей языка.

На формирование современной украинской языковой ситуации оказали влияние многие как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. К первым можно отнести географическое и историческое соседство с близкородственным русским языковым ареалом, взаимовлияние и взаимопроникновение двух языков, соседство с польским языком и его влияние на украинский язык в западных регионах страны, а также сосуществование на юге Украины (в частности, в Одессе) формы украинского языка, испытавшей значительное воздействие идиша. Из экстралингвистических факторов можно выделить в первую очередь политический, исторический, этнографический, культурный и ряд других.

Сложность описания современной украинской языковой ситуации состоит в том, что невозможно однозначно говорить о каких бы то ни было универсалиях и делать однозначные выводы касательно всего украинского этнического ареала в целом. Территория современной Украины представляет собой многоликую палитру с языковой, культурной, конфессиональной, исторической и этнографической точек зрения. Украинцы неоднородны по своему менталитету, степени национальной самоидентичности и, как следствие, в выборе того или иного языкового кода для повседневного общения, что обусловлено как региональной самобытностью, так и различным историческим прошлым востока и запада Украины, географическим положением, т. е. близостью к российской или европейской культуре.

Целью настоящей статьи является попытка затронуть малоисследованные, но весьма актуальные вопросы современной украинской языковой ситуации, исторически сложившейся к настоящему времени, посмотреть сквозь призму коммуникативных моделей на сферы функционирования различных форм и вариантов украинского языка, проиллюстрировать языковые коды, функционирующие на территории современной Украины в зависимости от региона, социальный статус носителя того или иного языкового кода в зависимости от степени его образованности, региона проживания и национального самосознания.

В понимании термина «языковая ситуация» присутствуют два аспекта: внутренняя дифференциация одного языка («система подсистем») и взаимодействие между собой языков, обслуживающих один и тот же социум [Нещименко 2003, с. 15], причем первый аспект Г.П. Нещименко относит к моно-, а второй – к полиэтническому социуму. В большинстве случаев это оправдано, однако, может быть, не совсем применимо к украинской языковой ситуации. Несомненно, Украина является полиэтническим социумом. В данной статье мы остановимся на языковых кодах жителей Украины и сфере их функционирования. Моноэтничный украинский социум обслуживается как минимум двумя, а в более широком понимании – тремя языками и множеством языковых кодов, каждый из которых демонстрирует весьма непростую внутреннюю языковую, стилистическую и уровневую дифференциацию. При этом соотношения между

разными формами языка и подсистемами далеко не однородны: они варьируются географически, зависят от региона, степени образованности носителей языка и степени национальной самоидентификации (в украинской терминологии *національна свідомість*), возраста, социального положения и понимания языкового престижа, а также регионально обусловленного разделения на «свой» и «чужой» в языковом отношении. Так, к примеру, в смысле вышесказанного язык повседневного общения (или языковой код) Львовской области будет так же отличаться от языка или языкового кода Ивано-Франковской области, как языковая ситуация Киева – от языковой ситуации в Южной Украине, городское койне Львова – от языка города Одессы, язык Донецка – от языка Закарпаття и т. п.

Одна из первых проблем, с которой сталкивается каждый, кто занимается украинистикой, – это сосуществование украинского и русского языков, зачастую в языковом портрете одного говорящего, осложненное либо билингвизмом, либо явлением трансплантации клише и штампов из русского языка в украинский текст, либо интерференцией, т. е. полным смещением и неразличением в сознании говорящего двух близкородственных языков – русского и украинского (так называемый субъязык – суржик (см. ниже)), а также диалектной раздробленностью, переходными украинско-русскими и украинско-белорусскими говорами, существованием городских койне (Киев, Львов, Одесса). Причем в силу ряда причин можно говорить о своеобразном понимании украинского билингвизма: русскоязычные украинцы или украинцы, пользующиеся в повседневной коммуникации русско-украинской смесью – суржилом [Урсуленко, Хмелевский 2009, с. 45; Урсуленко, Хмелевский 2011, с. 318] (см. ниже), активно или зачастую даже пассивно владеют литературным украинским языком (за исключением некоторых регионов Восточной и Южной Украины), употребляя его исключительно в официально-деловом общении. С другой стороны, украиноязычные украинцы в той или иной степени, в зависимости от региона, владеют русским языком, но пользуются им при общении с русскими или (но не всегда) оказываясь в обществе русскоязычных украинцев. Кроме того, следует учитывать, что для современной языковой ситуации релевантным является знание говорящим как советской, так и современной российской культуры, не только элитарной, но и низкосортной, которая в большом количестве вплоть до настоящего времени впитывается широкими массами, что не может не сказаться на языке повседневного общения, степени «разбавленности», или «зараженности», украинской речи вставками, вкраплениями, лексическими и синтаксическими оборотами из русского языка.

Итак, рассмотрим основные формы существования и сосуществования языков и языковых кодов на территории современной Украины.

1. Русский язык на Украине – в первую очередь – это язык русских, проживающих на ее территории, составляющих около 20% насе-

ления (Державний комітет статистики України¹). Для большинства родным языком остается русский литературный язык, украинский называют родным лишь 3,8% русских². В этой связи стоит подчеркнуть тенденцию перехода на украинский язык русских, постоянно проживающих на территории Украины и занятых в сфере культуры, искусства и СМИ. С другой стороны, любопытно, что довольно часто у среднестатистических носителей русского языка (негуманитарного рода деятельности), проживающих на Украине, встречается перенимание некоторых черт украинского языка (в основном на фонетическом уровне), – в первую очередь это фарингальный украинский *z* вместо взрывного, искаженная форма вопросительного местоимения и союза *шо* вместо *що* (широко распространенная в суржике), а также некоторые интонационные, лексические и другие особенности.

Как известно, довольно долгое время Правобережная Украина подвергалась сильному влиянию русской культуры, литературы, языка, а также насильственной русификации и ассимиляции (запрет преподавания на украинском, запрет издавать книги, выведение украинского языка из всех сфер официального общения и системы образования). Следствием всех этих процессов явились снижение степени самоидентификации, приниженная самооценка при сравнении себя с другими народами (ср. пример из речи информанта: *Мы хохлы, давайте вытьем за нас, за хохлов!* [Николаевская обл.]³, утрата степени престижности украинского языка, порой враждебное отношение к западноукраинской культуре, которая нередко в центральных и южных регионах стереотипно воспринимается как чуждая, чужеродная, «польская», «католическая», «западенская», «бандеровская» и т. п. В этом смысле показательны следующие записи из речи информантов:

Начнут по-своему тараторить – поди разбери! (Николаевская обл.);

Мы их просто ненавидим, их все ненавидят! А за шо? Вышли с батей с поезда во Франковске хлеба в киоске купить, а (далее с презрением)

¹ Державний комітет статистики України. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua>

² Там же.

³ Здесь и далее приводятся примеры, собранные нами в ходе полевых исследований, проводимых в различных регионах Украины в течение последних 10 лет. Нас интересовала прежде всего неподготовленная, спонтанная речь информантов – представителей различных социальных слоев – как наиболее показательная для решения поставленных целей и задач по описанию современной, живой и реальной языковой ситуации на Украине. В настоящей статье мы приводим наиболее иллюстративные примеры из всего собранного нами многочисленного материала, указывая в скобках регион их происхождения, что является крайне важным для анализа всей языковой и экстралингвистической палитры современной Украины.

продавец нам только на своем: «Шо бажаєте»? Полное бескультурье! Там же культуры нет! (г. Николаев).

Приведенные примеры весьма иллюстративно демонстрируют отношение среднестатистического украинца – жителя Юго-Востока – к жителям Западной Украины.

Однако следует отметить, что в последнее время в связи с актуальными политическими событиями, в значительной степени изменившимися отношением жителей Украины к родному языку и культуре, мы наблюдаем рост национального самосознания в обществе (в том числе и в центральных регионах страны), повышение степени престижности украинского языка, переосмысление отношения к национальной культуре, самобытности, истории и роли русского языка. По нашим наблюдениям, в современной Украине мы уже не встретим употребления *хохол* в качестве слова для национальной самоидентификации, которое сегодня окончательно приобрело остро пейоративные коннотации.

Освещая вопрос функционирования русского языка на территории Украины и его использования коренными украинцами в качестве языка для повседневного общения, следует особо сказать о многовековой русификации и ассимиляции, результатом которой явилось русскоязычие восточной и южной частей Украины, в первую очередь городского населения. Причем необходимо отметить, что русскоязычными жителей Юго-Восточной и Центральной Украины можно назвать весьма относительно. В большинстве своем русский язык Юго-Востока Украины несет на себе характерный отпечаток украинского языка, обусловленный смешением двух близкородственных языков, а также языковой небрежностью среднестатистического украинца, которая во многих регионах является характерной для обиходно-разговорного стиля, в рамках языкового и личностного восприятия «свой – чужой» воспринимаемого «своим» (в отличие от «чужого» литературного украинского языка или «московского акцента»). Например, к характерным чертам русского языка на Украине можно отнести, в частности, произнесение фарингального *з*, украинский звук *и* вместо русского *ы*, местоимения и союза *что* – *шо* – из суржика:

Щас на мобільник все входящие бесплатно, а раньше шо было – черт знает шо (Харьков); *Ты любишь зелень? – Я шо, корова шо ли?* (Киевская обл.), *бо* – «иначе, потому что»: *Не ешь, бо обедать не дам* (Харьковская обл.), *кто* вместо *кто*, частица *та* вместо *да* или союза *и*: *Та шо ты такое городишь?! Хто тебе это сказал?, Купи хлеб та молока..!* (Полтавская обл.) и др., просторечные формы глаголов – *ложить*, *звóнит*, *поклала*, некоторые лексические черты: *А что он в Израиле делал? Работал?* – *Та ні, ховался, в Москве наворовался, а там вже ховался* (Донецкая обл.), *Он как увидел ее, и давай тикáть, як не знаю хто* (Харьковская обл.), *Весь день гасала по городу, та все зазря* (Полтавская обл.), а также семантические сдвиги у отдельных

лексем, не характерные ни для русского, ни для украинского литературных языков: *Я ключи у сумку поставила*, вместо рус. *положила*, укр. *поклала* (частая фиксация – Винницкая, Хмельницкая и другие области), *я пошла купаться*, вместо рус. *мыться*, *принимать душ*, укр. *митися* (Полтавская обл.), *О, уже едет рогатый*, т. е. *троллейбус* (Хмельницкая обл.) и т. п.

Причем многие российские лингвисты указывают на то, что все это «дает основания исследователю не считать этих людей однородными в языковом отношении с теми, для кого русский язык является родным» [Беликов, Крысин 2001, с. 44]. В этом смысле мы позволим себе выразить мнение, что русский язык, используемый украинцами юго-восточных регионов в обиходно-разговорной сфере общения и в качестве просторечного языкового пласта, можно назвать русским весьма относительно, равно как и тех, кто его использует, – русскоязычными, носителями русского языка. Более того, литературный русский язык, нормированная русская интонация, зачастую воспринимается украинцами, носителями «своего» русского языка, как «московский», «московский акцент», а следовательно, «чужой»:

Огромное Вам спасибо. – А вы шо, с России шо ли? – Почему вы так решили? – Бо у вас какой-то московский акцент (пример типовых диалогов с информантами из Киева, Львова, Одессы);

Ты шо, не можешь говорить по-нашему, а не по-московски? (Херсонская обл.).

Украинский язык используется в Восточной и Южной Украине в основном в сельской местности, причем, как правило, в виде диалектов или суржика. Что касается крупных областных или районных, культурных, промышленных, административных центров (Харьков, Донецк, Луганск и др.), то по большей своей части они русскоязычные в вышеупомянутом понимании этого слова.

С другой стороны, статус литературного украинского языка в Восточной и Южной Украине социально ограничен: это язык творческой интеллигенции, литераторов, поэтов, представителей богемы, а также людей с высокой степенью национальной самоидентификации (укр. термин *свідомий українець* – буквально: «сознательный», «убежденный»), незначительного количества чиновников, пользующихся украинским языком в официальном общении, или недавних выходцев из украиноязычных сел, носителей суржика или восточно-украинских диалектов [Доній 2003, с. 7].

Языковую ситуацию юго-восточного региона дополняет язык Одессы, который может быть назван неким городским койне, которое сформировалось в результате многовекового сосуществования и взаимопроникновения различных культур и языков, в первую очередь украинского, русского, румынского (молдавского) и идиша. В основе своей это русский язык в его просторечной форме, однако в такой, которая не встречается в России (заметим, что «одесский

языковой код» весьма узнаваем и популярен в современной русской культуре и выступает в качестве средства для создания юмористического эффекта). Помимо вышеописанных черт языка русскоязычных украинцев он характеризуется еще более сильной расшатанностью языковых норм (в большей степени грамматических, лексических, интонационных), иногда нарочитой – с целью придачи экспрессии или комического эффекта, но зачастую не осознаваемой говорящим (здесь можно говорить скорее о специфике манеры говорения, чем об определенных языковых моделях):

Мать ребенку: *смотри про ноги – «смотри не упади»;*
Кукуруза, берите, шикарная кукуруза;
А ну вылазь з воды, шоб тебя перекосило! (мать ребенку на пляже);
А этот чиж (парень) стоит такой и вдупляет
 («медленно соображает»);
Шо-то вы перестали к нам редко заходить;
Та он же беременный на всю голову;
Не делайте мне нервы!; Шо вы имеете сказать?;
Я за нее ничего не знаю (Одесса, Одесская обл.);
Не делайте мне смешно, я вас умоляю;
Моня, а ну, бежи по-быстрому, а то до нас тетя имеет припереться;
У вас там шо – эпидемия на живот? и др.

Немаловажную роль в становлении самобытности Одессы и ее языка сыграл и тот факт, что это крупный портовый город, – это наложило отпечаток на формирование своеобразного образа одессита как свободного, независимого и в то же время пестующего свою принадлежность к этому городу, что, естественно, отражается и на его речи, точнее – манере изъяснения, способе построения фраз. Здесь оппозиция понятий «свой» и «чужой» будет несколько отличаться от остального Юга Украины: с одной стороны, «свой» – т. е. родной, одесский язык коренных одесситов, тогда как, с другой стороны, «чужой» – это 1) русский, т. е. «московский», 2) украинизированный русский, т. е. деревенский, простонародный, язык приехавших из сельской местности, 3) киевский русский, т. е. столичный, напыщенный, чересчур тенденциозный, 4) литературный украинский, т. е. «львовский», «западенский», «бандеровский», язык далекой по менталитету и укладу жизни среды.

По приведенным выше иллюстративным примерам можно сделать вывод, что само по себе русскоязычие украинцев разнится от региона к региону. Так, русский язык Киева (см. ниже) будет отличаться от русского языка Харькова, русскоязычие Восточной Украины или Одессы – от русскоязычия Закарпатья (где мы можем встретить интонационно правильный литературный русский язык как след русской белой эмиграции начала XX в., уезжавшей из России в Европу через Закарпатскую Русь, входившую тогда в состав Чехословакии, часть которой навсегда осела в Ужгороде) и др.

2. Языковая ситуация в Центральной Украине отчасти схожа с описанной выше в восточных и южных регионах: здесь характерно преобладание русского языка, прежде всего в крупных городах (Киев, Чернигов, Днепр и др.), а также центральноукраинских диалектов в сельской местности, переходных украинско-русских говоров на севере (Черниговская, Сумская обл.).

Языковая ситуация в центральных регионах, по сравнению с восточными и южными, в значительной степени дополняется несколькими моментами, в частности: 1) спецификой языковой ситуации в Киеве; 2) распространением в центральной части Украины такого языкового явления, как суржик.

Суржику как языковому явлению, его природе и сферам функционирования следует уделить особое внимание. Это некий субъязык, или языковой субстрат, образовавшийся в результате интерференции украинского и русского языков. Словарь украинского языка фиксирует у данной лексемы два значения: 1. «Смесь зерна пшеницы и жита, жита и ячменя, ячменя и овса и т. п., мука из такой смеси»; 2. перен., разг. Элементы двух или нескольких языков, искусственно соединенных, без соблюдения норм литературного языка; нечистый язык⁴. По аналогии с украинским возникает подобный термин для названия аналогичного языкового явления в современном белорусском языке – *трасянка*: первое значение – «корм, в который добавляют, натрясают солому» [Цыхун 2000, с. 52], второе – смешение русского и белорусского языков.

Определение «суржик», пожалуй, не имеет аналогов в лингвистической практике, вместе с тем не существует и единого мнения относительно его природы. Суржик не может быть назван пиджином, так как пиджины возникают в экстремальной ситуации межэтнических контактов при острой необходимости достичь взаимопонимания (т. е. при контакте двух близкородственных и взаимопонятных языков пиджин возникнуть не может) [Мечковская 2001, с. 164]. Украинский лингвист М. Стриха трактует суржик как промежуточный субъязык, который играет роль переходного этапа в ассимилятивном процессе вытеснения украинского языка русским [Стриха 1998, с. 637]. Это гибридная смесь русского и украинского языков, возникшая в результате продолжительного контактного двуязычия, вследствие интерференции двух близкородственных языков, когда у говорящего, пользующегося в повседневном общении суржином, стираются представления о норме обоих языков, нивелируется граница между двумя языками. В итоге результате чего зачастую он становится носителем одного языкового кода – суржика, при этом не владея активно (но не пассивно) на должном уровне ни одним из литературных языков. Более того, данный языковой код воспринимается им как «свой» (*наш язык, наша мова, говорит по-нашому*), тогда как литературные русский и украинский языки – как «чужие»:

⁴ Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1978.

говорящий на суржике пренебрежительно называя первый *московська, москальська мова / московський язык*, а второй – *западєнський, бандєровський* и даже – *польський: Шооо? У Львові говорять на правильному українському???* *Та який там правильний?! Це ж натуральний польський, а не український* (Полтавская обл.).

Суржик разнороден по своему внутреннему языковому составу. Большая часть грамматики, неполнозначные части речи, синтаксические и интонационные конструкции, фонетика (причем с сохранением оканья в отличие от вышеописанного русского языка украинцев, где преимущественно встречается аканье) – из украинского, тогда как полнозначная, часто употребительная лексика берется из русского языка, «немотивированно загрязняется заимствованными (вследствие украинско-русской интерференции) русскими элементами» [Масенко 2004, с. 106]. Это хаотичное заполнение разрушенных звеньев структуры украинского языка элементами поверхностно усвоенного русского [Там же]: *Привіт, як діла* вместо: *як справи?*; *Скільки время?* – вместо: *котра година*; *Щось я не пойму* – вместо: *не розумію* (Полтавская обл.); *Ты будеш платити?* – *Підожди минути* – вместо: *зачекай хвилину* и т. п. (Харьковская обл.). Причем, пропорции элементов, взятых из обоих языков, в этом субстрате разнятся и зависят от местности, степени начитанности и образования говорящего, социального и других факторов.

Не последнюю роль играет фактор проникновения в повседневную жизнь массовой российской культуры, желтой прессы, российского шансона, которые в центральных и юго-восточных регионах Украины в количественном отношении значительно превосходят украиноязычный культурный фон. Данная ситуация сохраняется и в настоящее время, однако следует отметить современную тенденцию как в политических кругах, так и среди общественных деятелей и активистов с высокой степенью национального самосознания, направленную на актуализацию украиноязычной культуры и повышение ее статуса и престижа в сознании в современном обществе.

Такое языковое явление, как суржик, не изучалось в советском языкознании, поскольку оно по своей сути противоречило общей теории «гармоничного двуязычия и благотворного влияния русского языка на украинский». Работы, посвященные данному языковому феномену, появляются лишь в 90-х гг., этот язык сразу же получил официальное определение как деградированный, испорченный, зараженный язык, что, несомненно, накладывает отпечаток на отношение к говорящему на нем и его восприятие в глазах образованной части общества, представителей интеллигенции, людей с высокой степенью национального самосознания, а также украиноязычного населения Западной Украины. Одной из причин характеристики суржика как испорченного, деградированного, постыдного языка является сфера общения, которую он обслуживает: зачастую это фамильярная, фривольная, пренебрежительная и даже хамская манера изъяснения в основном мещанских слоев общества.

Сравним, например, обращения к незнакомому собеседнику (в фонетической записи) – *жэничына, мужчына* (вместо литературного укр. *пані, пане*).

«Сегодня слово *суржик* стали употреблять в широком понимании – как название деградированного, убогого духовного мира человека, его оторванности от родного, как название мешанины остатков древнего, отеческого с тем чужим, что нивелирует личность, национально-языковое самосознание. Мешаниной двух языков – украинского и русского – говорит часть населения Украины, хотя общеизвестно, что пользоваться смесью двух языков – это одно из тревожнейших явлений общепедагогического характера. Искаленный язык отупляет человека, сводит его мышление до примитива...» [Антисуржик 1994, с. 6–7]. Зачастую им пользуются люди, активно не владеющие в совершенстве всеми стилями украинского языка (прежде всего обиходно-разговорным) и литературным русским, суржик в иерархической структуре языка заменяет тем, кто им пользуется, пласт, аналогичный тому, который занимает русское просторечие в русской стилистической градации и который отсутствует в уровневой системе стилей современного украинского языка.

Как любое лингвистическое явление, суржик должен быть описан на основе солидной базы данных, которая собиралась нами в ходе полевых исследований в различных регионах страны (в статье приведены лишь наиболее иллюстративные фиксации).

Область употребления суржика трудно картографируется, традиционно указывается центральная часть Украины (хотя в действительности его распространение значительно шире); что касается количества говорящих на нем, то называется цифра от 20 до 30%, поскольку нет точного определения этого термина, отсутствуют серьезные исчерпывающие научные работы по его описанию. Причем его следует отличать от сформированных естественным путем восточных и северных переходных русско-украинских и белорусско-украинских говоров, западных украинско-словацких переходных говоров, а также от явления намеренного вкрапления штампов и клише из русского языка в украинскую речь (см. ниже).

Несмотря на различное отношение к суржику как языковому коду части украинского населения, с лингвистической точки зрения мы можем лишь констатировать факт наличия данного довольно распространенного живого явления в языке. «Фактически суржик наряду с русским языком русскоязычных украинцев и литературным украинским выступает в качестве третьего разговорного языка украинцев» [Труб 2000, с. 54].

Особо следует остановить внимание на языковой ситуации в Киеве, которой посвящено немалое количество научных работ и исследований. Как любая столица, культурный, политико-экономический, промышленный центр страны, в языковом плане Киев в некотором роде отличается от других городов Центральной Украины. Степень национальной самоидентификации киевлян достаточно

высока, большая часть жителей Киева – украинцев – в совершенстве владеет украинским литературным языком и пользуется им в официальном общении: университетская среда, сфера образования, политика, общественные организации, порой даже сфера общественного питания, транспорт. Приведем пример: русскоязычный диалог двух пассажиров в маршрутке прерывается, один из участников диалога обращается к водителю на украинском: *Зупиніть, будь ласка, на наступній*, далее диалог снова продолжается по-русски. Цель смены языкового кода – придание коммуникации с незнакомым официозности. Данная ситуация довольно характерна и показательна для Киева, где нередко встречается строгое разграничение функциональных сфер использования русского и украинского языков – официальная и обиходно-бытовая. В данном случае пласт непринужденно-разговорной сферы общения (аналог русского просторечия) покрывается русским языком, а в сфере официального общения используется украинский литературный язык. Это характерная, но не универсальная ситуация, поскольку в подобных функциях могут возникать противопоставления: «суржик – украинский литературный язык», «русский язык – суржик», часто такого противопоставления вообще не возникает и во всех сферах используется исключительно русский язык или исключительно суржик.

Украинский литературный язык в Киеве, как и в других крупных городах Центральной Украины (помимо рассмотренного выше), – это язык киевской интеллигенции, творческой элиты, преподавателей, образованных людей и обычных городских жителей с высокой степенью национального самосознания. Они пользуются литературным украинским языком не только в официальном, но и в бытовом общении. В этой связи нельзя не отметить современную тенденцию смены языкового кода, т. е. перехода русскоязычных украинцев на литературный язык ввиду актуальных политических и социальных процессов в украинском обществе и, как следствие, роста степени национального самосознания в последние годы.

При этом говорящий на правильном украинском литературном языке в сознании остальных ассоциируется с вышеописанными кругами общества, что также связано с повышением «престижа» украинского языка в центральных районах Украины, ср.: *Вона знаєт, як правильно по-українськи, – дуже грамотна людина* (Киевская обл.). Русский язык или более того – суржик – воспринимается, наоборот, как язык широких масс, социальных низов, мелкой торговли и т. п. Сравним запись информанта из Полтавской области: *Я ні з ким тут не спілкуюся, про що я буду з сусідами розмовляти? Що це за мова в них – пренебрежительно пародируя – «я його спросила, а він мені отвітів»?* (вместо: *спитала, відповів*). Как следствие подобного социально-функционального расслоения возникает такой психологический факт, что, «общаясь на украинском языке, вы автоматически употребляете “высокий стиль”, а когда переходите на русский, то рискуете незаметно опуститься если не до уличного сленга, то до

низкого стиля, панибратского»⁵. Таким образом, современное противостояние украинского и русского языков можно трактовать как оппозицию высокого и низкого стилей, элитного языка и просторечия, языка университета, театра, культурно-просветительных мероприятий и языка пивного ларька, забегаловки, подворотни.

На формирование подобной ситуации оказал влияние и тот факт, что элитарное искусство, культура, современная литература создаются на украинском языке, это язык политической элиты, на нем ведется преподавание в вузах и школах, это государственный язык страны. Русский же – в силу ряда объективных причин (общественных, социальных, политических и исторических) – стал на Украине языком бытового общения, языком рынка, на русском языке поступают из России третьесортные печатные издания, низкокачественная кинопродукция, желтая пресса, поп-культура, шансон и т. п. Однако стоит обратить внимание на то, что влияние современной элитарной украинской культуры на массы сравнительно мало по сравнению с масштабным воздействием русскоязычной массовой культуры, во много раз превосходящей первую в количественном отношении, тогда как потребителем современной элитарной украинской культуры остается все та же украиноязычная интеллигенция.

В этой связи несколько детальнее оговорим сути данного языкового явления. Понятие нормы литературного украинского языка, определяющая концепцию суржика и методологию исследования этого явления, в научном плане выстраивается на Украине в 20-е гг. XX в. В XIX в. понятия нормы украинского литературного языка на самом деле не существовало. Образцом был народный язык (в деревнях говорили на относительно чистом украинском языке в его диалектных вариациях), что отражено в фольклоре и, например, у И. Котляревского в драмах «Наталка Полтавка» и «Москаль Чарівник» (характерные речевые характеристики именно представителей народа). Если взять первое издание «Энеиды» Котляревского (1798), то мы увидим, что о суржике там не идет речь (если рассматривать суржик как искажение норм литературного языка, что на практике всегда и получается, так как если нет нормы, нельзя говорить об отклонении или искажении, а о разных формах наречий или формах бытования языка). Текст первого издания «Энеиды» свидетельствует об отсутствии каких-либо норм письменного языка: в рамках одной строфы одни и те же слова пишутся совершенно по-разному, а о синтаксической норме вообще трудно говорить [Тоичкина 2015, с. 22].

В связи с этим отдельную тему составляет русская интерпретация украинского языка, например, в петербургских изданиях Т. Шевченко и других украинских писателей отсутствует какой бы то ни было стандарт графической передачи украинской фонетики, или же в пьесе А. Шаховского «Казак-стихотворец», которая сильно возму-

⁵ *Забужко О.* Подорожуємо Інтернетом. Львів, 2000. С. 57.

тила Котляревского, как и в полемике того времени о статусе украинского языка. Процесс формирования украинского литературного языка в XIX в. таков, что невозможно говорить об отклонениях или искажениях языка в различных его проявлениях. Смешение языков в своем роде было нормой разговорного украинского языка в XIX в., следы которого мы повсеместно наблюдаем в современной Украине. И если обратиться к истории, то мы увидим, что смешение языков составляет устойчивую традицию в многовековой истории украинского народа. Иллюстративным примером вышесказанного может стать даже украинская барокковая поэзия XVII в., где мы найдем факт смешения украинского и русского языков, а также смешения разговорного украинского с элементами древнерусского и книжного церковнославянского языков. На Украине в языковой ситуации никогда не было явления смешения языков, прежде всего русского и украинского. Суржик нельзя вырывать из истории формирования украинского литературного языка, что во многом объяснит современную языковую действительность, а именно русскоязычие украинцев, фактический русско-украинский билингвизм, суржик, которым пользуется большинство украинцев, или вставки в разговорной речи штампов и клише из русской массовой культуры, несмотря на пуристические воззвания сравнительно небольшого числа украинских лингвистов, гуманитарной интеллигенции и политиков. Вполне очевидно, что суржик в значительной степени и вполне закономерно эволюционировал и формирование нормы украинского языка поставило его в позицию порицаемого явления, тогда как в действительности по большому счету это форма бытования украинского языка с давних времен и по сей день (в особенности, если речь идет о разговорном языке) [Тоичкина 2015, с. 35, Кузнецова и др. 2018, с. 95].

3. Западная Украина, как упоминалось выше, зачастую ошибочно и стереотипно воспринимается украинцами из восточных, южных и частично центральных регионов страны как колонизированная, диалектная, чуждая, т. е. «не своя Украина». В действительности это регион, где живет и функционирует во всех сферах общения украинский язык, максимально приближенный к литературному, точнее – разговорный вариант литературного языка (в том числе в крупных городах, административных, экономических и культурных центрах). Однако и о данном регионе также стоит говорить с довольно большим количеством оговорок. Языковая ситуация в Западной Украине осложнена: 1) диалектной раздробленностью – в основном у жителей сельской местности или выходцев из деревень; 2) суржигом с большей степенью присутствия украинских элементов; 3) львовским койне (*львівська говірка*); 4) особой функцией русского языка, заменяющего просторечие или жаргон в речи носителей литературного украинского языка.

Остановим наше внимание на двух последних. Что касается языка Львова, это довольно сложный, многоаспектный и малоисследованный вопрос. Львов как культурный, административный, про-

мысленный и военный центр запада Украины населен достаточно разнородно: коренные львовяне, украинцы из западных, центральных, восточных регионов, русские (часто – бывшие военные), поляки. Пестрота населения Львова отражается прежде всего в городской языковой ситуации, где можно встретить как чистый украинский язык (в первую очередь у представителей интеллигенции, высокообразованных слоев общества), так и насыщенную вкраплениями штампов из русского украинскую речь, а также западноукраинские диалекты (у выходцев из других регионов Западной Украины), львовское койне (преимущественно у старшего поколения коренных жителей Львова), реже суржик (у работников мелкой торговли, сферы обслуживания, у приезжих), а также русский язык. Здесь смена языкового кода довольно редка, пользующийся литературным украинским языком может перейти на русский или польский языки (которыми он владеет в разной степени активности), желая быть понятым русскоязычным или польскоязычным собеседником, но никогда в общении с носителем суржика или львовского койне. С другой стороны, например, носитель львовского койне (за исключением ситуаций в сфере образования) не сменит свой языковой код, желая намеренно оставаться «своим» среди «своих», т. е. коренных жителей Львова, подчеркивая свою принадлежность к «своим», поскольку степень престижности львовского койне достаточно высока среди его носителей. Носитель суржика в его западноукраинском варианте в непринужденном общении не сможет сменить языковой код и перейти на литературный украинский язык, поскольку он не владеет его обиходно-разговорным стилем и просторечным вариантом, столь необходимым для той сферы коммуникации, которая является естественной для носителя суржика (рынок, кафе, уличная торговля, пивные, сфера обслуживания и т. п.), а также не сможет перейти на львовское койне или русский язык в общении с их носителями, поскольку активно не владеет ни первым, ни вторым. Этим языковая ситуация Львова и большей части Западной Украины отличается от остальных украинских регионов, где в основном присутствует билингвизм и смена языкового кода в зависимости от коммуникативной ситуации и сферы общения обычна и вполне естественна.

Язык Львова, т. е. городское койне, представляет собой любопытное с лингвистической точки зрения языковое образование, базой которого являются западноукраинский интердиалект со значительным количеством полонизмов (*кулежанка, кобіта, бабуця, цьотка, кнайпа, ровер, імпреза, гербата* и др.), а также экспрессивная лексика и ругательства (*хулера ясна, до хулери, ясна дупа, мати (кого) в носі* и т. п.). Он также характеризуется своеобразными фонетическими чертами: интонация, замена литературной фонемы – мягкого *с'* на мягкий *ш'*: *Дякую гарно, я ш'а дуже тишу, коли ш'уда повернуш'* (Львов), форма местоимения *все – ви'о, не* вместо *ні*, перенос возвратной частицы *ся* к началу синтагмы: *я ся насолоджую запашною*

кавою, він ся закохав до Галі, за рік вони ся одружили (Львов) и формы образования будущего времени типа – *буду платив, буду писав* (черта, встречаемая и в других западных диалектах) вместо литературного с инфинитивом *буду платити, буду писати* или книжной формы *платитиму, писатиму*, формы императива *най йому добро буде* вместо литературного *хай/нехай* и многие другие. На львовском койне создается современная литература, в основном стилистически и территориально маркированная, львовское койне в литературе – признак соотнесенности описываемых реалий ко Львову.

Языковое многообразие Львова противостоит относительной моногоссии других регионов Западной Украины. В Ивано-Франковске, Тернополе и других областных и районных городах, удаленных от центров, сохраняется использование стандартного украинского языка как в официальном, так и в бытовом, непринужденном общении. Национальная самоидентификация здесь максимально высока: самоназвание «хохол» воспринимается как унижающее национальное достоинство и гордость. Причем восприятие остальной Украины (включая Центральную Украину и Киев) у западных украинцев диаметрально противоположно восприятию юго-восточных украинцев западных, которое было описано выше: это настороженное и часто пренебрежительное отношение как к «забывшим исконные традиции, веру, язык», «москали» – название западными украинцами русскоязычных украинцев, жителей Киева:

Львів дуже культурне місто. А у Херсоні ніхто тобі ні «дякую», ні «будь ласка» не скаже, навколо одне хамство (Львов);

Як я дуже люблю Різдво, це найкраще свято у Львові. Це наша традиція. А у Києві тільки й знають свій (с пренебрежением, подражая русскому языку) – Новый год. Це ж для них – перший празник! (Львов). Ми місяць були у Києві, так ми ту жіночку у бібліотеці за місяць вже дістали, бо ми з нею тільки українською розмовляли, а вона все на російську намагалася з нами перейти. А ми – ні, хай знає, що справжні українці до Києва приїхали (Львов).

Заслуживает особого рассмотрения вопрос функционирования русского языка в речи украиноязычных украинцев, в рамках которого можно выделить три аспекта: 1) вкрапления калек, штампов, языковых клише из русского языка в украинской речи; 2) переход на русский язык украиноязычных украинцев; 3) ирония, ерничество, сарказм.

Первое представляет интерес для тех, кто занимается коммуникативной лингвистикой. Подобное явление может быть объяснено проблемой недостаточной разработанности украинского разговорного, обиходного языка, украинского просторечия, книжностью литературного языка и даже некой ущербностью языка в непринужденном повседневном общении, что отмечает украинская социолингвист Л.Т. Масенко [Масенко 2004, с. 108]. Именно в этой сфере

функционирования языка высока потребность в экспрессивных элементах, интертекстемах, цитации из массовой культуры – фильмы, популярная музыка, классическая и массовая литература, рекламные ролики, языковые штампы, обыгрывание языковых клише и цитат, нецензурная лексика. Недостаточная развитость этого культурного слоя в сопоставлении с русским (как современным, так и языком советского периода) препятствует развитию украинского просторечия, обиходно-разговорной подсистемы украинского языка. «... Категория просторечия относится с городским нормам функционирования языка, а как раз эти формы в украинском языке функционируют неполноценно... Хотя толковый словарь украинского языка и дает определение категории просторечия, оно осталось за пределами украинской лексикографической практики. Помета “просторечное” касательно украинской лексики отсутствует и в самом толковом словаре, и в переводных русско-украинских словарях, где часто русской помете “просторечное” в украинской части соответствуют – “разговорное”, “фамильярное”, “вульгарное” и т. п.» [Масенко 2004, с. 108].

Роль обиходно-разговорного языка и просторечия в разных регионах Украины выполняют различные языки или языковые коды: в восточных и южных областях – это русский язык с украинскими элементами, в Одессе – одесское городское просторечие, в центральных регионах, включая Киев, – русский язык с характерной украинской интонацией или суржик, тогда как в западных областях роль просторечия, обиходно-разговорного языка, жаргона выполняет украинская речь, намеренно насыщаемая элементами, вставками, трансплантами из российской массовой культуры (во Львове в этой роли может выступать городское койне) [Савченко, Хмелевский 2016, с. 420]. В данном случае, как нам представляется, подобное явление в языке следует отличать от суржика, поскольку речь идет не о спонтанном смешении двух близкородственных языков, а о намеренных вкраплениях русских клише и штампов (включая пейоративную лексику) для создания юмористического эффекта, сарказма, непринужденности и вольности общения на обиходно-разговорном уровне.

Элементы, которые вставляются из русского языка в живую, спонтанную украинскую речь, можно классифицировать следующим образом:

1) языковые клише: *короче, що він тобі сказав? – Короче, дело к ночи, я йому подзвонила...; І як це називається? – Мені так здається, що в нього минутная слабость; а я кажу, будь ласка, какие проблемы? Заходь!; Коли ви собі так вирішили – вперед!;*

2) штампы из российской массовой культуры или классической литературы: *А що кава подорожчала? – Перепрошую, де там подорожчала, вже сто лет (языковой штамп) як 5,50. – Добре, нет, мы не плачем и не рыдаем, дайте, будь ласка, дві розчинні (искаженная фраза из песни популярного фильма «Двенадцать стульев», 1976 г.); А то в нас прем'єр тільки подивиться і все, кончен бал, погасли свечки (искажен-*

ная фраза из стихотворения А.С. Пушкина); *Ой, хто це йде? Зараз вам буде – гуляй губернія!* (искаженная фраза из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя), *Зачекай, куди ти пішов? Мені ще треба гроші поміняти! Постой паровоз!.. Не стучите колеса!* (фраза из песни популярной советской кинокомедии «Операция Ы», 1965 г.); *О, подивіться, вже йдуть: це ж браття наші меншіє!* (в шутку о милиционерах – фраза-клише, укоренившаяся в русском языке в XX в. для метафорического ласкового названия животных); *Зробіть нам, будь ласка, дві кави. – Зараз Бодя прийде та зробить, бо я вже – ви ж бачите, Пане – никакая (языковой штамп), як в тумане (штамп), я вже як той ежик в тумане! (название популярного детского мультфильма «Ежик в тумане», 1975 г.);*

3) нецензурная лексика, обороты: *У мене таке враження склалося, що моя тьоца трошки х...ей страдає;*

4) неполнозначные, вводные слова и слова-паразиты: *тоже, вообще, это самое; ну, конечно, це ж таке життя; я брехню не займаюся, я тільки так... я ж просто, я ж вообще! (все вышеприведенные примеры записаны в разных регионах Западной Украины).*

Отдельные слова, вставленные в украинскую речь из русского языка, могут приобретать новое значение, стилистическое наполнение и «жить» в языке или как постоянные эпитеты: *Зараз прийдуть таварищи і Вам скажуть, що це все неправда* (в украинском языке или его вариантах слово «таварищ» используется, помимо основного значения, для ироничного или саркастичного наименования коммунистов), или как спонтанные речевые средства: *Зачекай, я в кармані подивлюся. – Українською не «карман», а кишенья! – Та яка це вам кишенья? На такому браному одягу одні карманы –* здесь игра слов в рамках русско-украинского двуязычия информанта: рус. *карман*, укр. *кишенья* (Тернополь).

Однако данное явление несет в себе социолингвистический маркер: интеллигенция, образованные, начитанные слои населения, владеющие в совершенстве не только украинским литературным языком, но и различными его стилями, включая разговорно-бытовую форму, потребители современной элитарной украинской культуры без ущерба для экспрессии и колорита своей речи в редких случаях трансплантируют штампы из русского языка.

Что же касается второго явления – осознанного ситуативного перехода украиноязычного говорящего на русский язык (в рамках билингвизма), то оно встречается не часто, но встречается, по нашим наблюдениям, у разного рода молодежи Западной Украины – от реперов, панков, асоциальных типов до студентов – и выполняет функцию арго, жаргона, студенческого сленга, блатного языкового кода, является признаком принадлежности к определенной группировке. Здесь русский язык у украиноязычных украинцев является маркером «своего» члена неформального молодежного сообщества и противопоставляет его «чужому», т. е. говорящему на родном украинском языке вне данного закрытого коллектива, объединенного

общими интересами или манерой поведения (например, музыкальный стиль, мотоциклы, наркотические средства и т. п.). В этом смысле показательны ситуации, которые мы неоднократно наблюдали в ходе наших полевых исследований на Западной Украине (Львов, Дрогобыч, Тернополь, Черновцы), когда молодые люди в общении с девушками пользовались родным украинским языком, а, оставаясь наедине и разговаривая о «своем», по-мужски, осознанно переходили на неродной русский язык.

С этой точки зрения иллюстративна функция русского языка в современной украинской литературе, отражающей общее состояние жизни русского языка в украиноязычном социуме. Показательными являются произведения известного современного писателя Ю. Андруховича, мастера игры с различными формами бытования языка современных украинцев и различными языковыми кодами. Язык, на котором говорят герои произведений Ю. Андруховича, является своеобразным маркером среды, из которой они происходят: например, русские вкрапления в украинский язык встречаются в речи проституток, ночного наркомана, на русском языке говорят десантник, король рэкета в кабаке и т. п.⁶

Описание данного языкового явления можно дополнить высказыванием современной украинской поэтессы О. Забужко, ценителя живого украинского слова, по поводу высказывания украинского писателя: «В начале нашего столетия Владимир Винниченко полшутя-полсерьезно заметил, что за судьбу украинского языка он будет совершенно спокоен только тогда, когда на нем заговорит криминальный мир – когда где-нибудь в темном закоулке ночью его остановит, блескнув на фоне фонаря ножичком, пьяное мурло и “чистісінькою українською гавкне: “Руки вгору! В якій кишені гаманець?” (в каком кармане кошелек), или приблизится женщина легкого поведения и, заманчиво улыбаясь, скажет что-то типа: “Сумуєш, котику? Може, підемо?”»⁷. Фраза как нельзя точно и красочно отражает современную языковую ситуацию Украины с точки зрения вышеописанной проблематики. Действительно, сложно представить себе подобную «чистісіньку українську» из уст первого либо второго представителя криминального мира из цитаты даже в западных украиноязычных регионах.

Итак, нами были затронуты лишь некоторые вопросы современной украинской языковой ситуации в ее коммуникативном, социолингвистическом, географическом и политическом аспектах. Их решение требует долгих и кропотливых исследований, прежде всего живой речи современных украинцев, столь богатой, метафоричной, колоритной, образной в языковом и культурологическом отношении, в которой в настоящее время происходят самые динамичные лингвистические и экстралингвистические процессы.

⁶ Андрухович Ю. Рекреації. Львів, 2005. С. 136.

⁷ Забужко О. Хроніки від Фортінбраса. Київ, 1999.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине» (№ 18–012–00754).

Acknowledgements

The work was carried out with the financial support of the Russian Fund for Fundamental Research. The project “Conducting a comprehensive sociolinguistic study of the role and functions of the Russian language in the Ukrainian polylingual space and describing the position of the Russian language in the modern language situation in Ukraine” (No. 18-012-00754).

Литература

- Антисуржик 1994 – Антисуржик / Под ред. А. Сербенської. Львів, 1994.
 Беликов, Крысин 2001 – *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. М., 2001.
 Доній 2003 – *Доній О.* Хай живе суржик! // Критика–9. Київ, 2003.
 Масенко 2004 – *Масенко Л.* Мова і суспільство: Постколоніальний вимір. Київ, 2004.
 Мечковская 2001 – *Мечковская Н.Б.* Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М., 2001.
 Нецименко 2003 – *Нецименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.
 Кузнецова и др. 2018 – *Кузнецова И.В., Савченко А.В., Хмелевский М.С.* Киевский суржик как феномен украинской городской разговорной речи (на примере комедии М.П. Старицкого «За двумя зайцами») // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2018. № 2. С. 92–103.
 Савченко, Хмелевский 2008 – *Савченко А.В., Хмелевский М.С.* «Здравеньки були!», или К вопросу о лексической трансплантации (русско-украинские параллели в национально-культурном дискурсе) // Материалы международной научно-практической конференции к юбилею доктора филологических наук профессора А.М. Мелерович. Москва; Кострома, 2008.
 Савченко А.В., Хмелевский М.С. 2016 – *Савченко А.В., Хмелевский М.С.* Русский текст в украинском разговорном языке // Студії з філології та журналістики. Ужгород, 2016. С. 420.
 Стріха 1998 – *Стріха М.* Суржик та літературна мова // Нариси української популярної культури. Київ, 1998. С. 637.
 Тоичкина 2015 – *Тоичкина А.В.* «Энеида» И.П. Котляревского в истории украинской литературы // СПб.: СПбГУ, 2015. С. 15.
 Труб В. 2000 – *Труб В.* Явище «суржику» як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство. [Київ] 2000. № 1. С. 54.
 Урсуленко, Хмелевский 2009 – *Урсуленко А.В., Хмелевский М.С.* Функционирование русского языка в украинском контексте // Сборник статей

конференции «Славянское языкознание» ко дню славянской письменности. Коломна, 2009. С. 45.

- Урсулєнко, Хмєлєвський 2011 – *Урсулєнко А.В., Хмєлєвський М.С.* Современная языковая ситуация на территории Украины (коммуникативный аспект) // Субстандартные варианты славянских языков. Франкфурт-на-Майне, 2011. С. 318.
- Цыхун 2000 – *Цыхун Г.* Крэалізаваны прадукт Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання // *Arche*. Пачаток. Ч. 6. Минск, 2000. С. 52.

References

- Serebinska, A., ed. (1994), *Antisurzhyk*, Lviv, Ukraine.
- Belikov, V.I. and Krysin, L.P. (2001), *Sotsiolingvistika* [Social linguistics], Moscow, Russia. Donii, O. (2003), “Let surzhik live!” in *Kritika*–9, Kyiv, Ukraine.
- Masenko, L. (2004), *Mova i suspil'stvo: Postkolonial'nii vimir* [The language and society. Postcolonial measurement], Kyiv, Ukraine.
- Mechkovskaya, N.B. (2001), *Obshchee yazykoznanie: Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov* [General linguistics. Structural and social language typology], Moscow, Russia.
- Neschimenko, G.N. (2003), *Yazykovaya situatsiya v slavyanskikh stranakh* [Language situation in Slavic countries], Moscow, Russia.
- Kuznetsova, I.V., Savchenko, A.V., Khmelevskii, M.S. (2018), “Kyevan surzhik as a phenomenon in Ukrainian colloquial speech (analysis of the comedy by Stariskii M.P. ‘For two hares’”, *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.Y. Yakovleva*, vol. 2, pp. 92–103.
- Savchenko, A.V., Khmelevskii, M.S. (2008), “Zdaravenki buly!” or the question of lexical transplantation (Russian-Ukrainian parallels in a national and cultural discourse). In *Proc. of the International scientific conference*, Moscow; Kostroma, p. 615.
- Savchenko, A.V., Khmelevskii, M.S. (2016), Russian text in Ukrainian colloquial language, *Studii z filologii ta zhurnalistiki*, Uzhhorod, Ukraine.
- Strikha, M. (1998), “Surzik and standard language“, *Narysi ukrainskoi popularnoi kultury*, Kyiv, Ukraine.
- Toichkina, A.V. (2015), “Eneida” by I.P. Kotlyarevskiy in the history of ukrainian literature, St.Petersburg, Russia.
- Trub, V. (2000), *Phenomen of surzhyk as a form of colloquial language in the situation of bilingualis*, Movoznavstvo, Kyiv, Ukraine, vol. 1.
- Ursulenko, A.V. and Khmelevskii, M.S. (2009), “Functioning of Russian language in the ukrainian context”, *Slavyanskoye yazykoznanie* [Slavic Linguistics]: Proceeding of conference, Kolomna, Russia.
- Ursulenko, A.V. and Khmelevskii, M.S. (2011), The modern language situation in Ukraine (communicative aspect), in *Substandartnye varianty slavyanskikh yazykov* [Substandard Slavic Languages], Frankfurt am Main, Germany, p. 318.
- Tsykhun, G. (2000), Creolized product Trasyanka as an object of linguistic studies, *Arche*. vol. 6, Minsk, Belarus.

Информация об авторах

Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; chmelevskij@mail.ru.

Раина Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; raolga80@mail.ru.

Тоичкина Александра Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; m.e.kudrin@yandex.ru.

Information about the authors

Mikhail S. Khmelevskiy, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 11, Universitetsaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; chmelevskij@mail.ru.

Olga V. Raina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 11, Universitetsaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; raolga80@mail.ru.

Alexandra V. Toichkina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 11, Universitetsaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; m.e.kudrin@yandex.ru.

УДК 325.14

DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-120-126

Влияние этнокультурных факторов на формирование миграционной политики Японии

А.И. Абалян

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, anna_abalyan@yahoo.com*

Аннотация. В статье рассматриваются основные исторические и этнокультурные особенности становления японской политической нации; выявляется влияние синто как особого пути японского народа на формирование японской национальной идентичности. Анализируется роль идеологии «нихондзинрон» в контексте современной миграционной политики Японии на примерах социальных групп никкэйдзин (японские потомки) и дзайнити (корейцы).

Ключевые слова: миграционная политика, Япония, Корея, этнокультурное своеобразие, синто, интеграция, нация, идентичность

Для цитирования: Абалян А.И. Влияние этнокультурных факторов на формирование миграционной политики Японии // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 120–126. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-120-126

An influence of ethno-cultural factors on the formation of migration policy in Japan

Anna I. Abalian

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
anna_abalyan@yahoo.com*

Abstract. The research deals with the problem of influence of Japanese geopolitical, historical, ethnic and cultural characteristics on the modern migration policy. The article focuses on the study of the main elements of Japanese ethnic identity, namely origins, culture and language and its impact on the attitude towards the foreign nationals living in Japan. It is concluded that the

© Абалян А.И., 2019

По материалам Международной научно-практической конференции «Миграция в России и в современном мире: проблемы, перспективы, практические решения», Москва, 2019.

preservation of ethnocentric paradigm in Japanese society based on its insularity and primordialistic beliefs could strongly restrain the integration of immigrants.

Keywords: migration policy, Japan, ethnic cultural peculiarities, shintoism, integration, nation, identity

For citation: Abalian, A.I. (2019), "An influence of ethno-cultural factors on the formation of migration policy in Japan", *Journal of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 120–126, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-120-126

В последние десятилетия под влиянием процессов глобализации, роста числа масштабных вооруженных конфликтов, обострения экологических рисков, быстрого прироста населения в регионах с неблагоприятной экономической ситуацией и увеличения разрыва между богатыми и бедными странами, а также развития коммуникационных технологий большую значимость на мировой арене приобрела проблема миграции. Среди центров притяжения мигрантов на современном этапе лидирующие позиции занимают индустриально развитые государства, где быстрые темпы экономического роста способствовали повышению уровня жизни населения и активизировали приток иностранной рабочей силы. Япония в этом отношении представляет собой одно из немногих исключений, являясь государством с одной из наиболее жестких и закрытых иммиграционных систем. Своеобразие современной миграционной ситуации в Японии и политики интеграции иммигрантов обусловлено ее географическим положением, особенностями исторического развития страны и имманентными этнокультурными характеристиками.

Географическая удаленность Японии, ограничивавшая возможности ее участия в международной торговле, и интенсивный способ ведения хозяйства, не требующий внешней территориальной экспансии, способствовали относительной изолированности японской этнической общности, фактически оформившейся уже к XIII в. н. э. «Закрытость» же страны в период 1638–1853 гг. для противодействия европейскому колониальному проникновению завершила процесс формирования этнической и культурной гомогенности населения, представления о которой закрепились как в общественном сознании японцев, так и в официальном политическом дискурсе современной Японии. Насильственное «открытие» страны, сопровождавшееся, в том числе, заключением неравноправных договоров, которые предоставляли другим государствам, например право экстерриториальности, с одной стороны, привело к закреплению негативного восприятия иностранцев и стремлению освободиться от их влияния, а с другой – придало импульс процессу конструирования японской нации. Таким образом, для противодействия угрозе со стороны национальных государств Запада в период реставрации Мэйдзи произошло стремительное превращение разрозненных

японских княжеств в политическую нацию, объединенную фигурой императора и новой государственной идентичностью.

Основополагающую роль в формировании японской национальной идентичности сыграла традиционная система верований – синтоизм. Изначально суть синтоизма сводилась к одушевлению объектов неживой природы и культу предков, однако в середине XIX в. японская религия выступила как основа идеологии объединения государства, как инструмент легитимации власти правящей императорской династии, существующей, согласно преданию, непрерывно со времен зарождения государственности в Японии. Именно при императоре Мэйдзи синто был провозглашен не просто религией, а путем японского народа. Синто постулировал единство императора, народа и японской земли и основывался на религиозной составляющей, подтверждая миф о божественном происхождении японцев. Впоследствии именно синто стал первоосновой развития Японии как милитаризованного государства, придерживающегося идей радикального национализма [Жуков 1998, с. 12–15].

В эпоху реставрации были актуализированы и закреплены в общественном сознании представления о древнем императоре Дзимму, объединившем враждующие народы в государство Ямато, как о прямом потомке богини солнца Аматэрасу, что являлось подтверждением его права на императорскую власть. В качестве обоснования использовались официальные литературные памятники Древней Японии – свод «Кодзики», где содержались указания на божественное происхождение Японии и японского народа, преемственность власти правящей династии в качестве «небесных правителей» (*тэнно*), а также привилегированное социальное положение японских влиятельных родов, так как их божественные предки участвовали в обустройстве земли Японии в мифологические времена. Созданная мифологема явилась основой формирования японской этнической идентичности, базирующейся на убеждении, что японцы – народ, созданный богами и проживающий на созданной этими же богами территории. Значимо при этом, что в «Кодзики» отсутствуют какие-либо упоминания об иммигрантских родах, а также о буддизме, который в момент составления древней хроники уже стал значительной частью государственной идеологии. Во многом именно подобное игнорирование «чуждых» для Японии элементов в дальнейшем послужило причиной затрудненного восприятия иностранцев, стремящихся интегрироваться в японское общество, и переросло в реализацию политики, направленной на исключение иммигрантов из японского общества. Отношение к переселенцам оставалось негативным невзирая на то, что исторически Япония успешно перенимала опыт соседних государств, используя заимствования достижений континентальной цивилизации фактически во всех сферах общественной жизни, начиная с политических идей и институтов и заканчивая искусством составления букетов и единборствами. Даже автохтонная японская религия – синтоизм –

является во многом результатом взаимодействия традиционных верований с даосизмом и буддизмом. При этом следует подчеркнуть, что в японском обществе укоренились и в дальнейшем развивались лишь те заимствованные элементы, которые не вступали в противоречие с их собственными обычаями. Стереотипы, доминирующие в японском обществе в отношении иностранцев, не претерпели значительных изменений и в период реставрации Мейдзи, при реализации политики «*Вакоу Эсай*» – «японская душа – европейские знания», в рамках которой стремление к заимствованию западного опыта и модернизации соседствовало с возвеличиванием традиционных японских ценностей и неприкосновенностью основ японского образа жизни [Япония 2003. С. 101].

Значительное влияние на японскую иммиграционную политику оказала и возникшая в 1960-е гг. идеология *нихондзинрон* (теория о японском народе, японизм), представляющая собой своеобразную разновидность культурного национализма, однако лишённая его агрессивной составляющей и ориентированная на поддержание особого статуса японцев и японской культуры. Существует даже отдельный жанр научной японской литературы, объединяющий труды в области социологии, психологии, антропологии и др., посвященный «теории о японском народе» как об уникальном, этнически однородном, бесконфликтном и бесклассовом обществе, объединённом общим происхождением, культурой и языком. И хотя под влиянием процесса глобализации некоторые положения данной теории были признаны устаревшими и нерелевантными, ее влияние на общественное сознание и государственные институты не претерпело существенных изменений, обуславливая сохранение существующих дискриминационных практик в отношении мигрантов во многих социальных сферах.

Выраженное предубеждение по отношению к иностранцам, берущее начало в древности, сохраняется, хоть и в иной форме, на современном этапе, формируя специфику иммиграционной политики. Это подтверждается словами ответственного за политику правительства по использованию трудовых ресурсов Я. Нисимура: «В Японии как нигде сильно убеждение о губительном влиянии крупных иммиграционных потоков. При желании привлечь иностранную рабочую силу, создаются неравные условия для иммигрантов и затрудняются пути их социализации и интеграции» [Чертина 2018, С. 93].

В период бурного послевоенного экономического роста, который получил название «экономического чуда», Япония, как и большинство развитых стран Запада, столкнулась с нехваткой рабочей силы, в особенности в отраслях, не требующих высокой квалификации, которые получили название «3К» в японском языке – *китанай*, *кикэн*, *кицуй* или «3D» в английском – *dirty, dangerous, demanding* (грязная, опасная, тяжелая). Однако, следуя императивам сохранения этнической гомогенности общества, японское правительство жестко ограничивало привлечение иностранных трудовых мигрантов, стремясь

к максимальному использованию внутренних ресурсов государства, таких как: привлечение работников из сельскохозяйственного сектора, женщин, пенсионеров и самозанятых, а также внедрение технологий автоматизации производств. Несмотря на постоянное снижение количества трудоспособного населения (Япония является одной из наиболее стареющих наций, где более четверти населения относятся к возрастной группе 65 лет и старше) и растущую нехватку рабочей силы, законы «Об иммиграционном контроле и статусе беженцев» (1951) и «О регистрации иностранцев» (1952), регламентирующие иммиграционную политику государства и несколько раз дополнявшиеся (1982, 1990, 2009, 2010 и 2018 гг.), фактически не изменили своей направленности ни в области привлечения дополнительных трудовых ресурсов (за исключением высококвалифицированных кадров), ни в сфере интеграции и адаптации иммигрантского сообщества, масштабы которого существенно увеличились с 0,7% населения Японии в 1990 г. до 1,8% в 2016 г., составив порядка 2.3 млн человек, согласно официальной статистике [Green 2017, p. 2–3].

Показательными примерами сохраняющейся закрытости японского социума для иностранцев как на государственном, так и на общественном уровне служат кейсы двух специфических социальных групп: *никкэйдзин* (японские потомки) и *дзайнити* (корейцы).

Японские исследователи определяют никкэйдзин как «людей японского происхождения и их потомков, которые эмигрировали из Японии и создали уникальные сообщества и особый жизненный уклад в странах проживания» [Hirabayashi et al. 2002]. В конце 1980-х гг. началось массовое переселение никкэйдзин в Японию, в основном из стран Южной Америки, что, с одной стороны, было связано с экономическим кризисом в странах исхода, а с другой – с пересмотром японского иммиграционного законодательства в 1990 г., предоставлявшего привилегированное право на неограниченную репатриацию этнических японцев, которые, будучи связаны с коренным населением кровными узами, должны были легче ассимилироваться в принимающее сообщество и одновременно восполнить недостаток трудовых ресурсов. Однако, несмотря на ряд предпринятых институциональных мер, никкэйдзин и их дети, не получив возможности аккультурации и не обладая равными с коренными японцами гражданскими правами, не были интегрированы в японское общество, и с началом рецессии 2008–2009 гг. правительство всеми способами, в том числе материально, поощряло их возвращение на «родину».

Категорично примордиалистское восприятие японцами собственной этничности серьезно ограничило потенциал интеграции еще одной социальной категории – *дзайнити*, потомков корейских переселенцев, прибывших в страну до 1945 г. и формально не считавшихся иммигрантами, так как они были выходцами с японских территорий – колониальных владений, утраченных в результате поражения во Второй мировой войне. После заключения Сан-Францисского

договора 1952 г. они были лишены японского гражданства и стали восприниматься в качестве «иностранцев». Дзайнити, составляя большинство неяпонского населения страны до 1980-х гг. и продолжая являться значительной его частью и на настоящий момент, также имели большие ограничения в доступе к социальным благам в силу неопределенности их правового статуса и неравного положения в японском обществе.

Рассмотренные кейсы позволяют сделать вывод о том, что при наличии законодательно закрепленного принципа *jus sanguinis* (право крови) при определении принадлежности к японской нации необходимым условием интеграции в японское общество и на институциональном, и на социальном уровне является, в полном соответствии с идеологией *нихондзинрон*, обязательное сочетание трех элементов, составляющих основу японской идентичности: происхождения, культуры и языка. Таким образом, для успешной реализации миграционной политики Японии в связи с прогнозируемым увеличением масштабов иммигрантского сообщества представляются необходимыми постепенная смена традиционной парадигмы взаимоотношений японского населения с представителями других народов, отход от модели этноцентризма в пользу большей открытости и мультикультурности, характерной для современного глобального мира.

Литература

- Жуков 1998 – Жуков А.Е. История Японии. Т. 2: 1868–1998 [Электронный ресурс]. М.: РАН, 1998. URL: <http://history-library.com/books/istoriya-yaponii/jukov-ae/1998/files/istoriyayaponiit21998.pdf>
- Япония 2003 – Япония. Экономика, политика и общество на заре XXI века / Отв. ред. В. Рамзес. М.: Восточная литература, 2003. 318 с.
- Чертина 2018 – Чертина З.С. Япония в XXI веке: демографические вызовы и иммиграционная политика // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 91–101.
- Green 2017 – Green D. As its population ages, Japan quietly turns to immigration [Электронный ресурс]. March 28, 2017. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/its-population-ages-japan-quietly-turns-immigration>
- Hirabayashi et al. 2002 – Hirabayashi, L.R., Kikumura-Yano, A., Hirabayashi, J.A., New worlds, new lives: globalization and people of Japanese descent in the Americas and from Latin America in Japan. Stanford University Press, Stanford, USA.

References

- Chertina, Z.S. (2018), “Japan in the 21st Century: Demographic Challenges and Immigration Policy”, *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 1.
- Green, D. (2017), “As Its Population Ages, Japan Quietly Turns to Immigration”, March 28, available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/its-population-ages-japan-quietly-turns-immigration>

- Hirabayashi, L.R., Kikumura-Yano, A. and Hirabayashi, J.A. (2002), *New worlds, new lives: globalization and people of Japanese descent in the Americas and from Latin America in Japan*, Stanford University Press, Stanford, USA.
- Ramzes, V., ed. (2003), *Yaponiya. Ekonomika, politika i obshchestvo na zare XXI veka* [Japan. Economy, politics and society at the dawn of the 21st century], Vostochnaia literatura, Moscow, Russia.
- Zhukov A.E. (1998), *Istoriya Yaponii, vol 2. 1868–1998* [History of Japan, vol. 2, 1868–1998], Moscow, RAS. available at: <http://history-library.com/books/istoriya-yaponii/jukov-ae/1998/files/istoriyayaponiit21998.pdf>

Информация об авторе

Абалян Анна Игоревна, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; anna_abalyan@yahoo.com

Information about the author

Anna I. Abalyan, Cand. of Sci. (Politics), associate professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetsaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; anna_abalyan@yahoo.com

Программы привлечения иностранных работников для занятости в сельском хозяйстве в США и Канаде

А.А. Потапова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, Alexandra.Potapova@inbox.ru*

Аннотация. Многие развитые государства в связи с демографическими, экономическими проблемами и особенностями аграрного производства вынуждены принимать иностранных работников для занятости в сельском хозяйстве. Рассмотрены особенности программ привлечения сельскохозяйственных мигрантов как на постоянной, так и на сезонной основе в США и Канаде, а также география их миграции на региональном уровне.

Ключевые слова: международная трудовая миграция, занятость, сельское хозяйство, США, Канада, механизмы привлечения иностранных работников

Для цитирования: Потапова А.А. Программы привлечения иностранных работников для занятости в сельском хозяйстве в США и Канаде // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 127–135. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-127-135

Employment programs for foreign workers in agriculture of the United States and Canada

Aleksandra A. Potapova

*Moscow State University, Moscow, Russia,
Alexandra.Potapova@inbox.ru*

Abstract. Many developed countries are faced with demographic problems and have a shortage of labor, especially of low qualification, for example, in agriculture. In addition a significant role is played by the specifics of agriculture, namely its seasonal nature. At peak seasons, the need for workers increases. These factors lead to that many developed countries are forced to accept migrants to fill the shortage of workers. Features of the programs of attracting agricultural migrants in the USA and Canada are considered. Since the late 90s foreigners in the United States can obtain visas for temporary unskilled agricultural workers. This program has allowed farmers to hire foreign guest-workers temporarily, providing them with housing, food and transport to work. In 2018 these visas

were granted to 196 thousand people. The same program operates in Canada, according to which about 60 thousand foreigners are employed in the country's agriculture.

Keywords: international labor migration, employment, agriculture, USA, Canada, programs for attracting foreign workers

For citation: Potapova, A.A. (2019), "Employment programs for foreign workers in agriculture of the United States and Canada", *Journal of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 127–135, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-127-135

Введение

В связи с активизацией миграционных процессов во всех регионах мира их виды и формы становятся все более разнообразными. Современный этап международной миграции характеризуется преобладанием временной миграции, в частности сезонной и маятниковой. Это связано с развитием и доступностью средств транспорта, снижением барьерной функции границ и сокращением затрат на краткосрочные перемещения. Временный характер миграции выгоден принимающим странам. Они получают рабочую силу, не сталкиваясь с нагрузкой на социальную сферу, проблемами адаптации мигрантов в местное общество и т. д. Трудовые мигранты имеют возможность трудоустроиться и получить более высокий уровень заработка по сравнению со страной постоянного проживания.

В настоящее время ключевую роль в миграционных процессах мира играет трудовая миграция. Около 70% всех международных мигрантов старше 15 лет являются трудовыми, в 2017 г. их насчитывалось 164 млн человек¹. На рынке труда развитых стран, которые в первую очередь и определяют интенсивность миграционных потоков трудовых мигрантов, сформировался устойчивый спрос на труд иностранных работников двух квалификационных групп: низкоквалифицированная рабочая сила и высококвалифицированные специалисты. Во многих странах действует миграционная политика, направленная на привлечение квалифицированных иммигрантов в те отрасли и сектора экономики, которые испытывают дефицит местных кадров. Например, в большинстве стран ЕС действует система blue card, которая направлена на привлечение специалистов с высшим образованием и профессиональной квалификацией.

Однако во многих развитых государствах, которые сталкиваются с разного рода демографическими проблемами (старение населения,

¹ ILO Global estimates on international migrant workers: results and methodology // International Labour Office. Geneva: ILO, 2018. P.78 URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_652001.pdf

низкий уровень рождаемости), отмечается нехватка рабочей силы низкой квалификации, например, для занятости в сельском хозяйстве, строительстве, некоторых видах деятельности сферы услуг и т. д. Кроме того, благодаря высокому уровню жизни и образования, а также непрестижности и малооплачиваемости, например, сельскохозяйственных работ местное население не желает быть занятым в сельском хозяйстве. В связи с этими факторами многие страны вынуждены принимать мигрантов из менее развитых стран и регионов для восполнения дефицита работников.

В данном докладе будут подробно рассмотрены особенности международной сельскохозяйственной миграции в США и Канаде, в которых действуют официальные программы по привлечению иностранных работников для занятости в сельском хозяйстве.

Географические особенности международной сельскохозяйственной миграции

Основной отличительной чертой сельского хозяйства является его сезонный характер, что определяет неравномерное формирование спроса на рабочую силу в течение всего года. В пиковые сезоны потребность в работниках увеличивается, с чем не всегда могут справиться местные рабочие кадры. Поэтому для удовлетворения растущего спроса привлекаются мигранты из других районов и даже из других государств. Кроме того, в некоторых странах действуют специализированные программы по привлечению сезонных сельскохозяйственных работников, по которым они принимают мигрантов на определенный срок выполнения работ. Это явление приобрело глобальный характер, затрагивает как развитые государства Европы, а также США, Канаду, Австралию, так и многие страны Азии. Россия не является исключением, в сельском хозяйстве которой занято множество иностранных работников.

В целом, количество легально занятых в сельском хозяйстве мира мигрантов составляет примерно 0,5 млн человек в год [Наумов, Потапова 2017]. Масштабы потоков нелегально и неофициально трудоустроенных мигрантов в силу разных причин оценить сложно, они могут быть гораздо больше.

Основными регионами притяжения иностранных работников являются развитые страны Старого Света, а также страны переселенческого капитализма. В некоторых из них иностранная рабочая сила играет важную роль в развитии аграрного сектора и мигранты занимают значительную долю от общего количества занятых в сельском хозяйстве. Например, в Испании мигранты составляют около 23%, в Италии – 16%, в Великобритании – 12%, в Канаде – 18%, в США – 15%. Однако самое значительное количество иностранных работников в сельском хозяйстве отмечается в США, Испании, Италии, во Франции и в Греции.

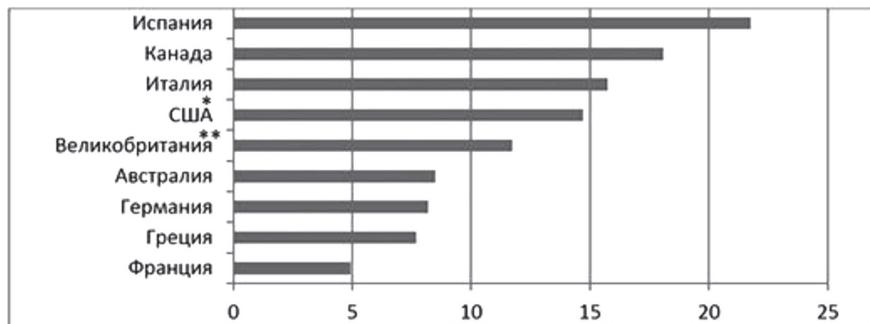

Рис. 1. Доля иностранцев в общей численности занятых в сельском хозяйстве, 2015 г. (* – 2017 г., ** – 2016 г.). Составлено по данным национальных статистических служб [Наумов, Потапова 2017]

Привлечение иностранных работников для занятости в сельском хозяйстве США

США начали активно привлекать иностранную рабочую силу в сельское хозяйство во время Второй мировой войны, породившей массовый дефицит трудовых ресурсов. В 1942 г. была создана программа «Брасеро», согласно которой в страну приглашались мексиканцы для сезонной занятости в сельском хозяйстве. Им предоставлялось жилье, питание, оплачивались транспортные расходы, а также гарантировался заработок в размере 30 центов в час. Реализацию и контроль над этой программой осуществляли Госдепартамент, Департамент труда и Служба иммиграции и натурализации. В послевоенное время действие программы было продлено, она просуществовала до 1964 г.

С 1951 г. ежегодный приток мигрантов из Мексики вырос до 200 тыс. человек, в последующие годы он увеличивался, достигнув в конце 50-х гг. почти 450 тыс. человек [Ngai Mae 2004]. Массовая миграция, в том числе на нелегальной основе, нежелание возвращаться мексиканских работников в свою страну вызвали предпосылки для проведения операции «Мокрые спины», за время которой из США было депортировано около 4 млн мексиканских иммигрантов. После массовой высылки увеличилось число забастовок, трудовых конфликтов, количество иммигрантов постепенно начало сокращаться (хотя в последние годы действия программы в США въезжало около 180 тыс. человек). За 22 года функционирования программы в США въехало около 5 млн мексиканцев, в 24 штатах они стали крупнейшим источником иностранных работников в сельском хозяйстве (наибольший приток отмечался в штатах Калифорния, Айдахо, Орегон, Вашингтон и др.).

С 1986 г. в США выдаются визы H-2A для временных неквалифицированных работников, занятых именно в сельском хозяйстве. Срок действия такой визы составляет от 1 до 3 лет. Для привлечения иностранцев работодатель, нуждающийся в рабочих, должен предо-

ставить доступные вакансии в Государственное агентство по рабочей силе, а также получить сертификат Управления Министерства труда США по трудоустройству и подготовке кадров иностранной рабочей силы, подтверждающий достойные условия труда и заработную плату. Далее он подает заявку в Службу гражданства и иммиграции США, которая утверждает оформление визы с консульством страны происхождения работника. Список стран, граждане которых могут получить визы H-2A, постепенно расширяется, в 2018 г. в него входило 84 государства. Однако подавляющее большинство иностранных работников являются гражданами Мексики.

В 2018 г. визы временных сельскохозяйственных работников получили 196 тыс человек. Причем за последние 5 лет произошло двукратное увеличение притока иностранцев в США для занятости в сельском хозяйстве.

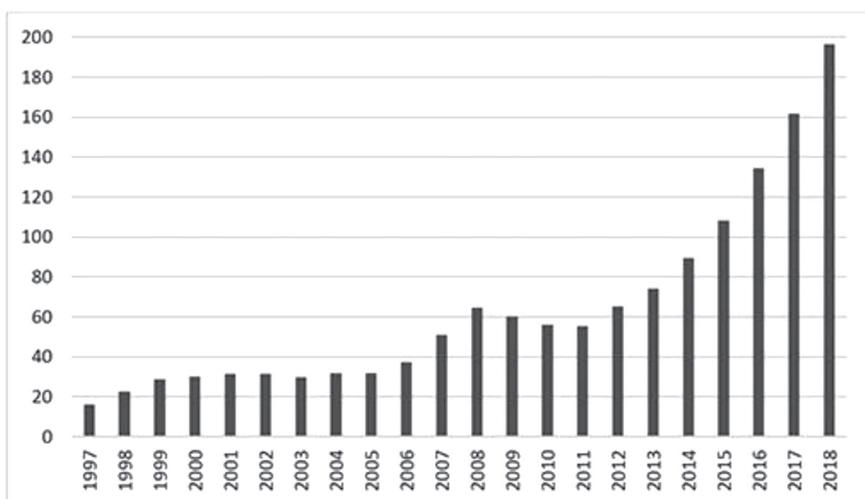

Рис. 2. Количество иностранцев в США, получивших визы H-2A, 1997–2018 гг., тыс. чел. Составлено по данным²

В 2012 г. в сельском хозяйстве США было занято 400 тыс. иностранных работников. По данным сельскохозяйственной переписи 2017 г., это количество сократилось и составило 360 тыс. чел. Однако из-за общего сокращения сельскохозяйственных занятых в США доля иностранцев в общей численности за переписной период не изменилась и составила 15%³.

² H-2A Temporary Agricultural Workers. URL: <https://www.uscis.gov/working-united-states/temporary-workers/h-2a-temporary-agricultural-workers>.

³ Hired farm labor – workers and payroll/Census Publication 2017. URL: https://www.nass.usda.gov/Quick_Stats/CDQT/chapter/2/table/7

Главным регионом притяжения трудовых мигрантов для занятости в сельском хозяйстве как в 2012-м, так и в 2017 г. является штат Калифорния, в аграрном секторе которого занято 86 тыс. человек, что на 32 тыс. меньше, чем в 2012 г. Однако иностранцы составляют около 23% от общего количества сельскохозяйственных работников региона. Далее следуют штаты Вашингтон, Флорида и Северная Каролина, в которых насчитывается 54, 30 и 25 тыс. трудовых мигрантов соответственно. Однако за 5 лет межпереписного периода в каждом из них произошло сокращение количества занятых сельскохозяйственных мигрантов. Значительный рост численности трудовых мигрантов в аграрном производстве произошел в штатах Джорджия, Нью-Йорк и Мичиган (более 1,5 тыс. человек). В целом в 9 штатах занято более 10 тыс. иностранцев.

Несмотря на сокращение численности занятых иностранцев в сельском хозяйстве США в 2017 г. по сравнению с 2012 г., они играют значительную роль во многих штатах. Например, в штатах Нью-Джерси, Северная Каролина, Джорджия и Флорида они составляют более трети всех сельскохозяйственных занятых.

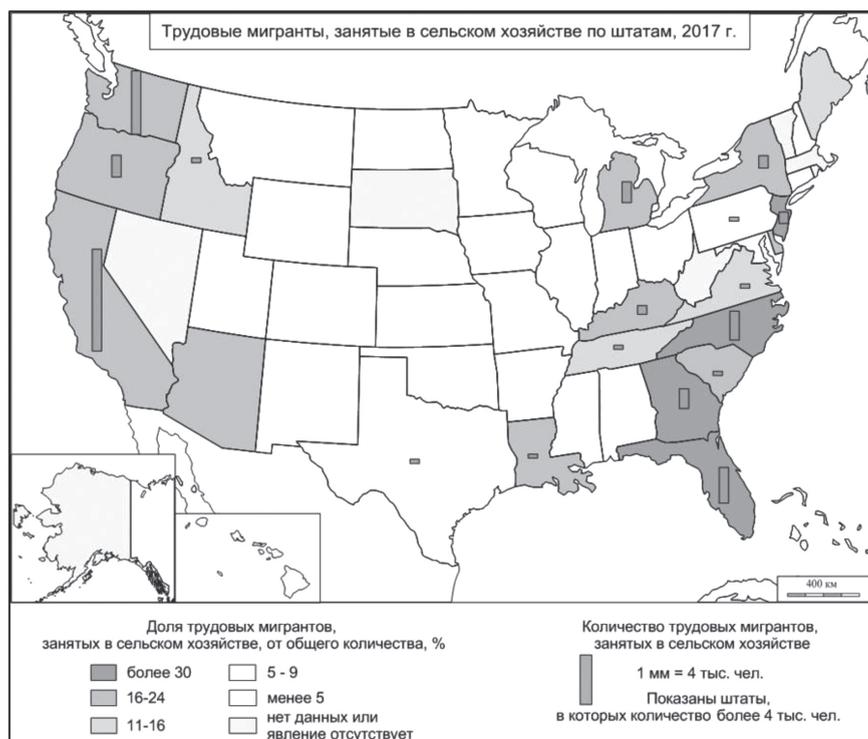

Рис. 3. Занятость иностранных работников в сельском хозяйстве по штатам США, 2017 г.
Составлено по данным⁴

⁴ Ibid.

Во всех штатах, лидирующих по числу иностранцев и их доле в общей занятости в сельском хозяйстве, развито плодоводство и овощеводство, кроме того, Калифорния известна своими виноградниками.

Привлечение иностранных работников для занятости в сельском хозяйстве Канады

В Канаде также действует правительственная программа по привлечению иностранных сельскохозяйственных работников, которая впервые была введена в 1966 г. Она делится на несколько направлений, однако особенно масштабным является привлечение сезонных сельскохозяйственных работников, которых фермеры могут нанимать во время посадки или сбора урожая. Сезонные мигранты могут прибывать в Канаду из Мексики или стран Карибского бассейна и находится в стране в течение 8 месяцев.

Большинство запросов занимают именно сезонные работники, на них приходится более 75% от общего количества. Абсолютное значение с каждым годом увеличивается, в 2008 г. число сезонных сельскохозяйственных мигрантов составляло 27,7 тыс. человек, в 2018 г. – 50,6 тыс. С 2011 г. начинает работу программа по привлечению сельскохозяйственных работников из любого государства, которые могут пребывать в Канаде в течение 24 месяцев, ее значения также увеличиваются: с 2 тыс. в 2011 г. до 18 тыс. в 2018 г.

Рис. 4. Количество запросов на временных сельскохозяйственных работников по направлениям программы, 2008–2018 гг.

Составлено по данным⁵

⁵ Annual labor market 2018 – Annual labor market impact assessment statistics 2008–2018. URL: <https://www.canada.ca/en/employment-social-development/services/foreign-workers/agricultural.html>.

Таким образом, в 2017 г. в сельском хозяйстве Канады было занято около 60 тыс.⁶ иностранных работников, ежегодно это количество увеличивается. Главными районами притяжения трудовых мигрантов, получивших разрешение на работу и занятых в сельском хозяйстве, являются провинции Онтарио (около 50%), а также в Квебек и Британская Колумбия (23 и 18% соответственно). Это объясняется специализацией данных регионов на плодоводстве, овощеводстве, табаководстве и виноградарстве.

Заключение

Масштабы потоков сельскохозяйственных работников ежегодно увеличиваются, что было показано на примере США и Канады. Принятие иностранцев в качестве работников в аграрном производстве для этих стран не ново. С середины XX в. они имеют специальные каналы привлечения низкоквалифицированных работников для занятости в сельском хозяйстве как на постоянной, так и на сезонной основе. Последнее направление особо актуально для трудоемких отраслей сельского хозяйства. Работодатели получают дешевую рабочую силу в пиковый сезон, однако принимающее государство не сталкивается с проблемами адаптации мигрантов, встраивания их в местное общество и т. д., так как они обязаны покинуть страну после выполнения всех работ. Работники, в свою очередь, не теряют связи с родиной, повышают уровень своего заработка, помогают семьям денежными переводами и по возвращении имеют возможность развивать свое государство.

Литература

- Наумов, Потапова 2017 – *Наумов А.С., Потапова А.А.* Влияние международной трудовой миграции на современное региональное развитие мирового сельского хозяйства // Региональные исследования. 2017. № 4. С. 56–70.
- Ngai Mae 2004 – *Ngai Mae.* Impossible subjects: illegal aliens and the making of modern America. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 139 p.

⁶ Temporary Residents: Temporary Foreign Worker Program and International Mobility Program Work Permit Holders – Monthly IRCC Updates. URL: <http://open.canada.ca/data/en/dataset/d8dea62f-f496-49d0-8eaf-8d5a1ab36b2a>.

References

- Naumov, A.S. and Potapova, A.A. (2017), "The impact of international labour migration on the modern regional development of world agriculture", *Regionalnye issledovaniia*, no. 4. pp. 56–70. Ngai Mae (2004), *Impossible subjects: illegal aliens and the making of modern America*. Princeton University Press, Princeton. NJ, USA.

Информация об авторе

Потанова Александра Андреевна, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва; 119191, Россия, Москва, Ленинские горы, Alexandra.Potapova@inbox.ru

Information about the author

Alexandra A. Potapova, postgraduate, Moscow State University, Moscow, Russia, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119191, Alexandra.Potapova@inbox.ru.

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Н.К. Егорова

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 25.12.2019.

Формат 70×100¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 11,6. Усл. печ. л. 11,05.

Тираж 1050 экз. Заказ № 703

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru